

Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт»

А. А. КАЛИТА

ЭНЕРГЕТИКА

РЕЧИ

Киев
«Кафедра»
2016

УДК 81-25-26'27
ББК 81-3-5-8+88.53
К17

Утверждено к печати решением Методической комиссии факультета лингвистики Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт»
(*Протокол № 3 от 28.10.2015 г.*)

Рецензенты:

Р. В. Болдырев, доктор филологических наук, профессор;
Н. Н. Орехова, доктор филологических наук, профессор.

Калита А. А.

К17 Энергетика речи: монография / Алла Андреевна Калита. – К. : Кафедра, 2016. – 292 с.
ISBN 978-617-7301-15-7

В монографии изложены теоретико-концептуальные основы сформированной автором энергетической теории речи, базирующейся на принципе сохранения эмоционально-прагматического потенциала высказывания. Раскрыта сущность функционально-уровневого похода к взаимодействию эмоций и прагматики в устной и письменной речи. Обоснованы методы и критерий количественной оценки уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания, фрагментов текста и речевых пауз. Разработаны методологические предпосылки и методы перспективных энергетических исследований суггестивных потенциалов ритмической системы текста, речемзыкальных произведений, комплексов сегментных единиц и пауз. Представлены результаты экспериментальной апробации основных положений разработанной теории.

Монография предназначена ученым-филологам, преподавателям, аспирантам и студентам.

УДК 81-25-26'27
ББК 81-3-5-8+88.53

ISBN 978-617-7301-15-7

© А. А. Калита, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

ГЛАВА 1.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РЕЧИ	7
---	---

1.1. К истории формирования научных представлений
об энергетическом феномене речи	7
1.2. Краткий обзор состояния и перспективы
исследований энергетике письменной и устной речи	13
1.3. Теоретико-концептуальные основы формирования
энергетической теории речи	24
1.4. Энергетика порождения и декодирования
речи коммуникантом	63

ГЛАВА 2.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

ЛИНГВОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	72
--	----

2.1. Функционально-уровневый подход
к взаимодействию эмоций и прагматики в речи	72
2.2. Критерий оценки уровня актуализации
эмоционально-прагматического
потенциала высказывания	94
2.3. Методы энергетической оценки процесса
устной актуализации речи	107
2.4. Методологические предпосылки оптимизации
коммуникативного воздействия	118
2.5. Классификация речевых пауз и оценка
их эмоционально-прагматического потенциала	126
2.6. Методологические предпосылки исследования
особенностей суггестии речемзыкальных произведений. .	150

2.7. Методологические возможности исследований влияния сегментных единиц на суггестию высказывания	168
2.8. Методологическая специфика изучения суггестивного потенциала ритмической системы прозаического текста	181

ГЛАВА 3.

АПРОБАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РЕЧИ	196
--	------------

3.1. Перцептивная и инструментальная оценка эмоционально-прагматичного потенциала высказывания	196
3.2. Синергетический анализ порождения и актуализации фоноконцепта.	207
3.3. Механизмы порождения и восприятия речемузыкального произведения и модели речемузыкальной коммуникации	221
3.4. Возможности динамического описания энергетики суггестивного воздействия речи	239

ПОСЛЕСЛОВИЕ	249
------------------------------	------------

ГЛОССАРИЙ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ	255
--	------------

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	259
---	------------

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уникальная способность слова влиять на наше мышление, изменение мировоззрения и поведения известна практически каждому. Неудивительно, что еще с давних времен на энергетический феномен речи вообще и энергетику слова в частности обращали свое внимание Пифагор, Горгий из Леонтин, Гиппократ, Аристотель, Авиценна и др. Результаты научной революции XVII века оказали существенное влияние на непосредственно связанные с этой проблемой, уникальные по своей глубине мысли Декарта, В. фон Гумбольдта, Г. Гельмгольца, А. А. Потебни, Х. Гёффдинга, И. А. Бодуэна де Куртене, Л. С. Выготского, В. М. Бехтерева и ряда других исследователей.

Известные со второй половины XIX-го ст. взгляды исследователей на существование взаимосвязи речи с особенностями функционирования психической сферы индивида являются, на наш взгляд, весьма близкими по своей сути к наиболее общим представлениям современной науки об энергетических феноменах речевой коммуникации. Разноаспектное отражение этих представлений нетрудно обнаружить в идеях В. Соловьева, В. Бехтерева, З. Фрейда, Э. Гуссерля, В. И. Вернадского, Ш. Балли, Н. А. Бердяева, К. Юнга, М. Хайдеггера, А. Лосева, Г.-Г. Гадамера и др.

Важнейшим обстоятельством, давшим толчок реальным междисциплинарным исследованиям психологических и когнитивных аспектов энергетики речи, послужил информационный бум, буквально взорвавшийся на рубеже последних столетий сферу познания новыми научными фактами, однозначно свидетельствующими в пользу сложной энергетической сущности речевой коммуникации. Естественным и закономерным в создавшейся ситуации явилось массовое повышение интереса лингвистов и представителей ряда смежных наук, в объектной сфере исследования которых традиционно находится речь, к энергетическим аспектам ее письменной и устной актуализации. Однако результаты многочисленных поисков лингвистов, базирующиеся на логически

верных допущениях, не привели до сих пор к формированию достаточно полной теоретической парадигмы энергетической теории речи как таковой.

Поэтому при формировании концептуальных представлений в процессе обоснования системной парадигмы энергетической теории речи мы строго придерживались традиционных рекомендаций классической методологии, в соответствии с которыми научная теория должна содержать следующие основные компоненты: 1) исходную эмпирическую основу, включающую множество зафиксированных в данной области знания фактов, полученных в ходе экспериментов и требующих теоретического объяснения; 2) исходную теоретическую основу, т.е. множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов теории, совокупность которых описывает идеализированный объект; 3) логику теории как связную совокупность допустимых в ее рамках правил, логических выводов и доказательств; 4) систему выведенных из теории утверждений с их доказательствами, составляющую основной массив теоретического знания.

Следуя указанным требованиям, мы и структурировали логику изложения в данной монографии результатов обоснования энергетической теории речи.

ГЛАВА 1.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РЕЧИ

1.1. К истории формирования научных представлений об энергетическом феномене речи

Похоже, что проблема поиска эффективных способов и приемов коммуникативно-суггестивного воздействия на слушателя далеко не нова. Истоки её осознания восходят к трудам ораторов и философов древности. Так, ещё греческий философ и ритор Горгий из Леонтин (V-IV века до н.э.) понимал, что слово имеет силу действовать на состояние души, как состав лекарств действует на тело. Он заявлял, что подобно тому, как разные лекарства изгоняют разные соки из тела, причем одни пресекают болезнь, а другие – жизнь, так и речи – одни повергают слушателей в печаль, другие услаждают, третьи пугают, четвертые вселяют в них смелость, пятые же неким злым убеждением отравляют и обвораживают душу [213, с. 158]. Несомненно, что здесь идет речь о явлении, которое в современной науке названо суггестией и отнесено к сфере психо-энергетических феноменов коммуникации.

Аристотелю (384–322 г. до н.э.) принадлежат следующие высказывания. «О правильном действии, согласном с добродетелями, говорилось, но мало. Мы назвали так действие в согласии с правильным рассуждением (*katatonorthonlogon*). Но человек несведущий тут может спросить: а что значит согласие с правильным рассуждением, где это правильное рассуждение? Согласно правильному рассуждению поступают тогда, когда внеразумная (*alogon*) часть души не мешает энергиям ее разумной (*logistikon*) части; тогда наши действия согласны с правильным рассуждением. В душе у нас есть высшее и низшее, и низшее всегда существует ради высшего, подобно тому, как в отношениях души с телом, тело существует ради души, и мы

говорим, что тело в хорошем состоянии (*ekheinkalos*), когда оно способно не только не мешать, но даже содействовать и помогать душе делать ее дело (ведь низшее существует ради высшего, чтобы содействовать высшему) [14, с. 360].

Продолжая мысль, Аристотель подчеркивает, что «чувственное восприятие сходно с простым высказыванием и мышлением. Когда же оно доставляет удовольствие или неудовольствие, [душа], словно утверждая или отрицая, начинает к чему-то стремиться или чего-то избегать. И это испытание удовольствия или неудовольствия есть деятельность средоточия чувств (*aisthetikemesotes*), направленная на благо или зло как таковые. Избегание и стремление в действии также суть эта деятельность, при этом способность стремления и способность избегания не разнятся ни друг от друга, ни от способности ощущения, но бытие их различно» [12, с. 438]. Как видим, он четко предвидит те стороны, которые сегодня мы рассматриваем в психике человека, и указывает на различие природы их бытия.

Пытаясь гипотезировать природу, а точнее механизм влияния явлений окружающей действительности на индивида, Аристотель оставляет нам рассуждения следующего содержания. «Распознать природу живого существа на основании чего-то внешнего возможно, если признают, что естественные воздействия в одно и то же время изменяют тело и душу. В самом деле, изучающий музыку изменяет, может быть, в некотором отношении свою душу, но это воздействие не принадлежит к естественным для нас; к естественным движениям относятся такие, как гнев и чувственные вожделения. Так вот, если признать это, а также то, что такое-то свойство имеет такой-то [соответствующий] знак, и если можем принять, что каждому роду [живых существ] присуще особое свойство и [соответствующий] знак, то мы в состоянии распознавать природу [этих существ]. А именно, если какому-либо роду, [рассматриваемому как] неделимый, присуще отличительное свойство, как, например, львам – смелость, то необходимо, чтобы был и какой-то знак его. Ибо предполагают, что [тело и душа] испытывают вместе» [13, с. 253]. Здесь явно просматривается понимание им неразрывного

единства взаимодействия в психике человека результатов функционирования перцепции, эмоций и тех абстрактных образований памяти, которые мы назовем далее концептами в их широком значении.

Ценивший превыше всего в своей профессии энергетика слова, Авиценна (X–XI века) также заявлял, что у врача есть три оружия: слово, растение и нож [213, с. 554].

В XIV в. итальянский мыслитель и поэт Франческо Петрарка писал, что он часто убеждался в способности простого слова приводить в движение души, скрыто проявляя свою силу [214, с. 58]. Это говорит о том, что многие мыслители обращали внимание на врожденную способность коммуникантов насыщать слово определенным энергетическим потенциалом, с одной стороны, и воспринимать этот потенциал – с другой.

Заглядывая в историю с позиций существующего знания, можно вполне заключить, что первый практический революционный шаг в выработке научных представлений об энергетическом феномене речи был сделан еще до начала нашей эры Аристотелем, поскольку он в общих чертах охарактеризовал будущие проблемы, ощутил необходимость различения эмоционального и логического в психической деятельности индивида и предвосхитил наличие основных элементов в механизмах его речемышления и мыследействия. Следующий шаг с очевидностью должна была сделать психология, и трудами самого Аристотеля, Пифагора, Платона, Декарта к XVII веку [223, с. 549] она его сделала.

Для предпринятого нами весьма краткого, схематического изложения, было бы, по всей видимости, логично обратиться и к мыслям В. фон Гумбольдта (1767–1835), в известной дихотомии которого *ergon* – *energeia* последнее обозначает языковой процесс (греч. *energeia* – действие, деятельность), в отличие от языка как оконченного, свершенного дела. Похоже, что исторически этим и была проложена дорога терминам *энергия* и *энергея* в лингвистическую научную литературу.

Важнейший вклад в решение рассматриваемой проблемы был внесен Г. Гельмгольцем (1821–1894), перекинувшим своего рода междисциплинарный мостик между психологией и физиологией. Этим

мостиком послужили системы методов и понятий физиологии, перенесенные в психологию на основе идеи о детерминированном влиянии факторов внешнего мира на психические явления. Считая внешние явления неким механическим толчком, приводящим в движение организм как замкнутую систему, Г. Гельмгольц рассматривал ощущение как проявление скрытой в соответствующем органе чувств «специфической энергии» [153, с. 101–102].

Глубоко осознавая единство физиологических, перцептивных и мыслительных актов, протекающих в различных структурах и уровнях организма человека, он приходит к выводу о том, что «бессознательное умозаключение» осуществляется не «умом» в смысле какой-то особой сущности, а является следствием сочетания чувственных и двигательных процессов под влиянием внешних условий [там же].

Истории познания известны уникальные идеи Г. Гельмгольца (1821–1894) о термодинамическом равновесии организма человека с окружающей средой, сыгравшие свою роль в возникновении таких наук, как неравновесная термодинамика и синергетика. Не опасаясь больших погрешностей, можно сказать, что развитие его идей во многом предопределило развитие считающихся наиболее перспективными в лингвистике когнитивно-энергетической и когнитивно-синергетической парадигм исследований процессов речемышления и мыследействия.

Размышляя над проблемой саморазвития концептуально-тезаурусной базы языка, А. Потемня (1837–1891) утверждал, что «в языке непременно должны одновременно существовать слова образные (с ясным представлением) и безобразные (с забытым представлением), первые могут становиться безобразными, расширяя свое значение, а вторые – образными, применяясь в новом направлении. Развитие языка совершается при посредстве затемнения представления и возникновения новых слов с ясным представлением. Если деятельность мысли энергична, то в языке должно заключаться большое количество слов свежих. Поэтому совершенно ошибочно мнение, что языки с течением времени становятся менее образными. Это было бы лишь в том случае возможно, когда бы новые слова не создавались» [182, с. 224].

Не менее значимым является и то, что Х. Гёффдинг (1843–1931) приравнивал по значению введение понятия бессознательного в психологии к понятию потенциальной физической энергии в физике [50, с. 132].

В соответствии с нашими представлениями, гениальной конкретизацией, порожденных Г. Гельмгольцем идей, отмечена также работа И. А. Бодуэна де Куртене (1845–1929) «О психических основах языковых явлений» (1899), в которой он признает зависимость психических процессов от физиологического субстрата [32, с. 56], понимая взаимную зависимость физиологической структуры мозга и функционирующей в ней физической энергии, с одной стороны, с мышлением и языком, с другой [там же, с. 57]. При этом И. А. Бодуэн де Куртене делает акцент на том, что имеет в виду не только сознательные, произвольные движения, поскольку сознание нельзя отождествлять с психическим движением, и сравнивает сознание с «огоньком, освещающим отдельные стадии этого движения...» [там же, с. 66].

Проиллюстрируем его видение энергетической специфики процесса коммуникации, дословным цитированием следующих фрагментов, взятых из этой же работы. «Общение и взаимное воздействие индивидов, объединенных посредством языка, основано на том, что говорящие индивиды вызывают у слушающих индивидов – посредством ощущений от физических стимулов – некоторые языковые представления и их ассоциации. То, что при этом слышится и что вызывает ощущения – это еще не язык, это только знаки того, что дремлет в мозгу, наделенном языком. Процесс языкового общения заключается в освобождении потенциальной языковой энергии. Так, например, в данную минуту в моем мозгу, в моей «душе» приводятся психически в движение некоторые сгруппированные и упорядоченные ассоциации представлений, а эти осознанные ассоциации представлений воздействуют возбуждающе на мои нервы, руководя движениями соответствующих мышц. Как результат физиологической работы мышц возникают акустические явления – звуки, из которых в определенном порядке составляются задуманные мною слова и предложения. Ощущения, полученные от этих акустических рядов, вызывают в «душах»

слушателей соответственно сложные фонетические представления, ассоциированные со свойственными им языковыми и внеязыковыми представлениями; осознание этих ассоциаций и есть понимание говорящего» [32, с. 60].

«Филогенетическое становление языка... мы должны представить себе прежде всего как результат рефлексов мозга, или «духа», на раздражения внешнего мира... При превращении дочеловека, еще не обладающего языком, в человека-носителя языка, ощущения, вызываемые внешним миром, были так сильны, что действовали сначала как бы на все чувства и приводили в движение все органы чувств и все члены тела, способные двигаться. Это вызывало рассеивание жизненной энергии, энергии физиологической, во все стороны: часть этой энергии поглощало движение мускулов, часть ее уходила на зрительные ощущения, часть – на акустические. ...Постепенно происходило устранение работы других органов за счет усиления фонационно-акустической, или произносительно-слуховой, стороны» [32, с. 60–61].

По сути, из цитируемой таким образом работы явно вытекает идея перераспределения психо-энергетического потенциала индивида в процессах формирования им речи, современное концептуальное оформление которой и нашло свое место в рамках разрабатываемой нами энергетической теории речи.

Интересно также, что, не отрицая идею В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюр (1857–1913) четко разделил понятия *langue*, *parole* и *langage* (язык, речь и речевую деятельность) и заменил термин *энергеия* понятием *речевая деятельность*. Но это не помешало общенаучному понятию *энергия* войти в лингвистику, поскольку возникла необходимость оценки энергетических характеристик текста и коммуникативных феноменов в целом [64, с. 58, 84, 96, 108, 227–228].

Несмотря на известную критику Л. С. Выготским [50, с. 59] ряда радикальных для того времени утверждений В. М. Бехтерева о механизмах энергетики речемышления и мышледействия, нам представляется весьма вероятным, что в будущих когнитивно-синергетических доктринах психофизиологической деятельности человека

они все же займут свое достойное место. В подтверждение этого напомним о таких мыслях В. М. Бехтерева, в которых он на основе энергетического мировоззрения характеризует сознательные явления как специфически внутренние, сопровождающие сочетательные рефлексы [27, с. 433].

Оценивая таким образом основные результаты научной революции XVII века новой эпохи, в дальнейшем изложении в процессе обзора состояния современных исследований энергетика речи мы намерены рассматривать события, произошедшие со середины XIX ст. до настоящего времени, поскольку именно в начале указанного периода психология выделилась в отдельную науку, а вскоре вслед за ней сформировалась и когнитивистика.

1.2. Краткий обзор состояния и перспективы исследований энергетика письменной и устной речи

Проведенная нами предварительная оценка разноаспектной информации, отражающей суть наработок научно-лингвистического знания об энергетике письменной и устной речи (см., напр., [179; 160; 25; 162; 163; 191; 233] и др.), показала, что для краткого обзора современного состояния проведенных в данной области исследований, необходимо воспользоваться несколько нетрадиционным подходом к их анализу.

Такая необходимость продиктована, прежде всего, отсутствием методологически выверенной классификации научных теорий разных иерархических уровней, без которой синтез строго академических результатов анализа известных нам публикаций, связанных с энергетикой речи, становится весьма затруднительным.

Рассматривая проблему в таком ключе, обратимся для начала к ее видению Ш. Балли (1865–1947), развитие идей которого свелось к четкому разделению оценок функционирования стилистических средств

на основе ряда качественных (сема эмоциональной или иной субъективной оценочности) и количественных (сема интенсивности либо чрезмерности и недостаточности) признаков. В каком-то смысле все дальнейшие попытки углубления энергетической идеи Ш. Балли можно считать подобными или, как минимум, похожими, ибо с каждой новой попыткой углубить возникшие представления на периферии оказывалась логика идеи, неизбежно направленной на поиск и установление количественной меры субъективно существующих оценок.

В этом плане, несомненно, интересно понимание проблемы Т. В. Матвеевой, заявлявшей, что в семантических и стилистических исследованиях очень мало анализируются факторы, связанные с мотивировкой речевой деятельности и ее качеством, обусловленным волей автора. При этом она подчеркивает, что семантика воли и волеизъявления по определению, несомненно, связана с интенсивностью и движением к цели [162]. Развивая эту мысль, Т. В. Матвеева конкретизирует, что целевая обусловленность как смысловой стержень текста определяет значимость категории движения во всех ее проявлениях (цель предполагает движение к ней). Второй аналитической потерей она считает отсутствие в характеристике исследуемого текста количественного выражения движения или нулевого проявления воли, поскольку уже первая степень проявления этого энергетического признака, отраженная в нейтральной лексике с семой движения (например, *идти*, *бежать*), создает *слово-энергему*. При этом автор работы акцентирует внимание на том, что реализация идеи движения может проследиваться в фонетико-интонационной, лексической и грамматической сферах, в ритмике текста, в области текстовых категорий векторного характера (текстовое время) или с составляющими векторного характера (субкатегория векторного пространства) [162].

Так это мыслится исследователями или в иной форме, не особо важно, но для нас важно то, что в их представлениях появляется твердое понимание связи слова с энергией его материализации. Чуть позже по историческим меркам, признавая единство аффективных и когнитив-

ных процессов и относя волю к аффективным, Ж. Пиаже (1896–1980) писал, что воля может пониматься как своего рода игра аффективных и, следовательно, энергетических операций, направленных на создание высших ценностей и на то, чтобы сделать эти ценности обратимыми и сохраняемыми (моральные чувства и т.п.) [179, с. 63].

С позиций энергетической теории речи, несомненно, более интересна работа В. Б. Медведева [163], посвященная исследованию понятия «энергии» в лингвистике и возможностей адаптации законов термодинамики применительно к описанию языковых явлений, завершающаяся прогнозом становления лингводиnamики как отдельной дисциплины, призванной уравнивать энергетику речевой деятельности с прочими видами деятельности человека. Однако не составляет труда убедиться в том, что по сути изложенное в данной работе не может быть квалифицировано как элемент энергетической теории речи любого из ее возможных уровней. Изложенные в ней идеи скорее следует рассматривать как средства авторского обоснования перспективности разработки динамического аспекта лингво-энергетического исследования.

Не менее интересной представляется статья Н. В. Романовой [191], в которой идет речь о признаках эмотивной энергетики древневерхне-немецких текстов молитвы «Отче наш». При этом указанная статья, имеющая определенное практическое значение, на теоретическом уровне может, на наш взгляд, восприниматься исключительно как совокупность фактологического материала, свидетельствующего в пользу рациональности формирования теоретического инструментария для изучения семантического аспекта лингво-энергетического направления современных исследований.

Относящееся к нижнему иерархическому уровню теоретических разработок, связанных с определением научных понятий и терминов, работа [162] полезна уже тем, что ее автор касается вопроса «энергем» текста, поскольку, на наш взгляд, она, как и предыдущая работа, вносит свой конкретный вклад в разработку терминологического аппарата теории семантического аспекта лингво-энергетических исследований.

Для изучения энергетики текста определенный интерес представляет и работа Г. Чёрного, сконцентрировавшего свое внимание на способности читателя взаимодействовать с текстом. Обозначив эту способность понятием энергетического потенциала текста, он показывает его векторную природу, в силу которой энергия может передаваться от текста к читателю (положительный потенциал), от читателя к тексту (отрицательный потенциал) или при их амбивалентной связи (текст является энергетически нейтральным). Здесь с позиций нашего рассмотрения особенно важно то, что автор препарирует вопросы взаимодействия текста с психической сферой реципиента, входящие в качестве аспектов исследования в лингво-энергетическое и психо-энергетическое направления реализации энергетического подхода. При этом он предлагает обобщенное математическое уравнение для описания изменения пси-эффекта текста во времени, дополнив его системой уравнений, связывающей экспрессию и трансфиксию с элементами низкого уровня текста. Постулируя, что энергетическая и эмоциональная составляющие текста не идентичны, он в объеме, образованном двумя перпендикулярными плоскостями (горизонтальная – эмоциональная окраска текста и вертикальная – энергетический потенциал текста), линией пересечения которых интерпретируется ось времени, показывает возможность построения кривой, каждая точка которой будет однозначно соответствовать энергетике и эмоциональной окраске текста. К сожалению, как об этом откровенно заявляет во введении к монографии сам автор, он не стремился к точности определения, используемых им понятий, и поэтому с неоправданной легкостью трактует энергетiku как «эмоциональный отклик на текст, исключаящий саморегулирующую функцию внешнего оценочного компонента» [233]. По нашему мнению, такая формулировка может относиться лишь к причине энергетического возбуждения психики читателя. Несмотря на это, необходимо признать, что в современном состоянии лингвистических исследований энергетики речи любые попытки математической аппроксимации и графической интерпретации динамики взаи-

модействия эмоционального и прагматического начал текста следует рассматривать как позитивные.

Социологический аспект психо-энергетического направления исследований в рамках энергетического подхода к межличностной коммуникации явно проявляется в работе [33]. Однако в связи с излишней метафоричностью описания и суггестивно-тренинговой направленностью, ее смыслодержательное насыщение с позиций рассматриваемой нами проблемы представляется недостаточно информативным.

Гео-планетарный и терапевтический аспекты лингво-энергетического направления исследований просматриваются в публикации [62], но представления о них, изложенные автором крайне популярно, могут служить, разве что, определенной почвой для ассоциативного мышления исследователя-лингвиста.

Более конкретны и полезны лингвистам, занимающимся энергетикой речи, работы [319; 73]. В первой из них [319] экспериментально в количественных показателях оценивается изменение мощности звуков и слогов в слове на максимуме его частотных характеристик. Вторая [73] посвящена проблеме распознавания речи на основе сегментации речевых сигналов путем анализа распределения их энергии по частотным интервалам. В соответствие с нашими представлениями, полученные в этих работах частные результаты следует относить непосредственно к физическому аспекту лингво-энергетического направления исследований.

Помимо рассмотренных, в поле современного лингвистического знания появляется много работ, фрагментарно соприкасающихся с проблемами энергетика речи (см., напр., [134; 62; 51; 162; 191; 163 и др.]). Вполне осознавая удаленность их содержания от вопросов нашей проблемы, было бы необъективным не отметить, что они все-таки имеют определенный стихийно-понятийный потенциал, способный служить в качестве так называемого подстрочника для конвенциональной разработки понятийно-терминологического аппарата, реализацию которой на ближайших стадиях генезиса энергетической теории речи лингвистам неизбежно предстоит осуществлять.

Проводимый нами анализ был бы не полным без упоминания ряда научных работ обзорного характера, среди которых следует отметить публикации известных отечественных лингвистов В. Манакина [160] и Ф. Бацевича [25].

Подходя к речи как к энергетическому феномену, В. Манакин [160] в своей статье путем переосмысления высказываний Гиппократата, В. фон Гумбольта, О.Ф. Лосева, В.И. Вернадского, Д. Дойча, П. Флоренского, Э. Гуссерля, М. Бердяева, В.В. Налимова, Н.П. Бехтерева, Г. Гадамера и ряда других известных мыслителей обращает внимание на догадки и конкретные указания о существовании в человеческой речи способности излучать особенную энергию и показывает необходимость изучения двух ипостасей слова: материи и энергетической волны, излучаемой семантикой.

Вслед за ним Ф. Бацевич [25] вполне обоснованно апеллируя к трудам В. фон Гумбольта, А. А. Потебни, Э. Кассирера, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, А.Ф. Лосева, П. Флоренского и С. Булгакова, подчеркивает их роль в формировании и развитии идеи духовно-синергетической сущности речи.

Рассматривая теoантропокoсmические представления современных лингвистов о природе языка, он выделяет три основных тенденции воплощения их энергетического подхода к языку. Проще говоря, таким образом, в рамках энергетического подхода Ф. Бацевич выделяет три направления современных исследований. Первое справедливо связывается им с количественным рассмотрением энергетического в речи (как определенного количества нервно-мышечной энергии), реализуемого в психо-физиологической деятельности человека.

Второе направление он характеризует, прежде всего, непосредственным пониманием исследователями энергетического как глубоко духовного в сущности человеческой речи, указывая на существование в этом направлении четких параллелей с реалистическими и номиналистическими тенденциями философии эпохи Средневековья, учением «отцов» Церкви, философскими доктринами В. Соловьева, А. Ф. Лосева, С. Булгакова, П. Флоренского, а также с лингвистическими

тическими концепциями гумбольдтианства и неогумбольдтианства.

Третье направление исследований Ф. Бацевич рассматривает как органический синтез первых двух и отмечает, что его реализация подразумевает понимание речи как многомерной силы, которая, объединяя индивидуальное сознание человека, окружающий его мир и конвенциональные вербальные стереотипы, материализуется в речевом потоке.

К сожалению, объективно с выделением третьего направления современных исследований, осуществляемых в рамках энергетической теории речи, согласиться мы не можем, поскольку по сути основной, декларируемой в нем идеи, это направление неоспоримо входит в первое, выделенное автором, в результате чего в соответствии с методологией классификации подходов, направлений и аспектов лингвистических исследований, обоснованной нами в работе [115, с. 41–42], остальные, связываемые с ней второстепенные идеи, автоматически обретают статус аспектов исследования.

Что же касается ряда аспектов реальных разработок современного энергетического подхода к изучению речи, то в обзорной статье Ф. Бацевича [25] мы встречаем следующие: физиологический, психофизиологический, нейролингвистический, синтаксический, фонетический, теоантропокосмический, психолингвистический, теологический, структурный, космосинтактический, нейролингвистический, лингво-философский и когнитивный, необходимость обращения к которым последует ниже.

Отметим, что, на наш взгляд, представленные в статьях В. Манакина [160] и Ф. Бацевича [25] точки зрения на энергетическую природу речи / слова, несомненно, послужат стимулом для более глубоких лингвистических исследований этого феномена, а осмысливаемые в них подходы и аспекты лингво-энергетических исследований будут использованы в процессе дальнейшего структурирования смысло-содержательной основы конвенциональной разработки концептуально-понятийного аппарата энергетической теории речи.

Изложенный нами краткий обзор позволяет в полном объеме представить практически необозримое многообразие уже поставленных и

потенциально возможных задач лингвистических исследований феномена человеческой речи на основе энергетического подхода и соответствующей ему новой теории.

Однако, как известно, с точки зрения методологии любая новая теория, в основе которой должен находиться конкретный ограничивающий область ее применения подход, получает право на существование лишь при условии однозначного определения уровня ее значимости в общей системе теоретического знания той области научного познания, к которой она непосредственно относится. Это дает нам основания считать, что энергетическую теорию речи следует относить к лингвистическим теориям высшего иерархического уровня. Для ассоциативного осознания указанного факта достаточно обратиться к содержательному трактованию академической парадигматической схемы соподчинения направлений и аспектов лингвистических исследований в рамках функционального подхода, опубликованной в работе [86, с. 17–24].

В этой связи, с учетом указанных в упомянутой работе методологических требований к систематизации теоретического инструментария нами был структурирован фрагмент парадигматической системы соподчинения направлений и аспектов, существующих и потенциально возможных в рамках энергетического подхода исследований процессов коммуникации, представленный на рис. 1.1.

Рассматривая саму парадигматическую систему, отметим, прежде всего, что лингво-энергетический подход, послуживший основой создания энергетической теории речи, должен располагаться, согласно существующим методологическим требованиям, во втором иерархическом ряду под классическими для всех наук (структурным и функциональным подходами). Проще говоря, энергетический подход призван пополнить с течением времени морфологический ряд ставших уже академическими в лингвистике семантического, прагматического, стилистического, коммуникативного, когнитивного и других подходов, выполняющих роль основы соответствующих лингвистических теорий и связанных с ними научных дисциплин.

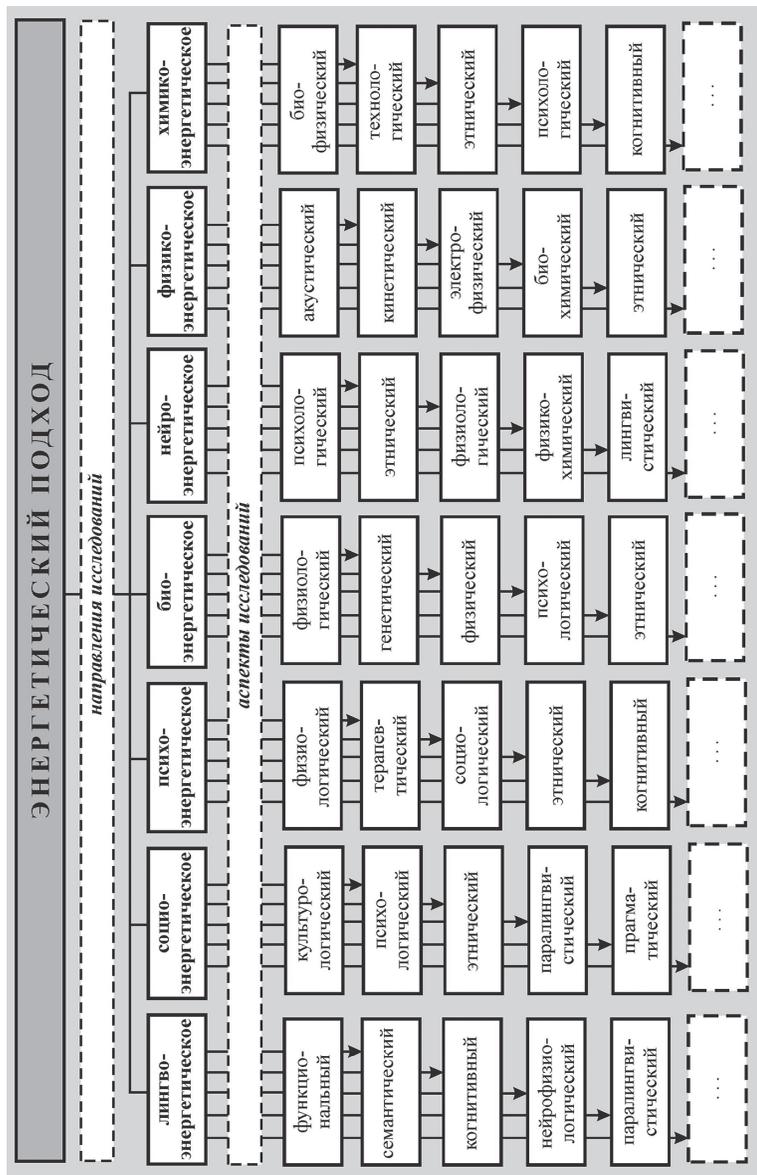

Рис. 1.1. Фрагмент парадигматической системы соподчинения направлений и аспектов, существующих и потенциально возможных в рамках энергетического подхода исследований процессов коммуникации

Обратим также внимание на то, что согласно диалектическому принципу методологии – принципу всеобщей связи, свидетельствующему о практической невозможности однозначного отнесения к лингвистике теоретических положений и экспериментальных фактов, добытых другими, смежными с ней науками, направления исследований, возникающие в рамках определенного лингвистического подхода, принято именовать в соответствии с существующей наукой, представителями которой эти факты установлены. Поэтому в объеме энергетического подхода к исследованию процессов коммуникации, как впрочем, и во всех известных подходах, возникают и могут возникать такие направления исследований, как: лингво-энергетические, социо-энергетические, психо-энергетические, био-энергетические, нейро-энергетические, физико-энергетические, химико-энергетические и др.

Таким же образом и на тех же основаниях (исключая функциональный и структурный подходы) должны называться и аспекты лингво-энергетических исследований: семантический, социологический, психологический, нейрофизиологический, когнитивный, этнический, культурологический и т.д., отражающие существующее бесконечное множество возможностей рассмотрения различных сторон объектов лингвистических исследований.

Должно быть, вполне понятно при этом также и то, что любое направление исследований в области энергетического подхода, равно как и аспекты таких исследований, с полным на то правом может номинироваться одноименной теорией соответствующего иерархического уровня, создаваемой на фундаменте исходных допущений, постулатов, принципов или использования уже известных законов.

Руководствуясь указанными положениями, нетрудно на основе более глубокого системного анализа современного состояния энергетической теории речи прогнозировать пути ее дальнейшего развития.

Несмотря на то, что историческая ретроспекция зарождения рассматриваемой проблемы не является непосредственной задачей нашей работы, мы считаем своим приятным долгом отметить целостность вклада известного отечественного лингвиста В. Г. Таранца, доказавшего [212],

что основной речевой материализации мысли является изменение энергии внутри энергетических структур речевых единиц. Им достаточно полно и убедительно в теоретическом и экспериментальном планах обосновано, что энергетические структуры слога, слова, синтагмы, фразы характеризуются восходяще-нисходящим (асимметричным) движением энергии и являются основанием материализации мысли, представленной в процессе порождения речи в линейно-развернутых артикуляционно-акустических единицах. В фундамент разработанной В. Г. Таранцом теории заложены известные постулаты о подчинении работы мышц артикуляционного аппарата головному мозгу говорящего; условно-рефлекторной природе речеобразования; ритмичности, присущей нервной системе человека; экономии функционирования лингвистических средств и т.п., дополненные им рядом таких допущений, как существование адекватности энергетической структуры нервного импульса энергетической структуре работы мышц артикуляционного аппарата говорящего; типичное для всех речевых единиц совпадение волнообразного характера восходяще-нисходящего движения формы изменения мышцы речевого аппарата с формой изменения энергии нервного импульса, управляющего этим движением и другими необходимыми предположениями.

Сам автор указывает, что разработанная им теория, использующая результаты пограничных языку областей нейрофизиологического и физиологического знания о человеке, позволила с учетом влияющих на речевую деятельность антропологических, психологических и акустических факторов, рассмотреть развитие фонетических систем двух больших групп индоевропейских языков.

Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемая теория соответствует всем изложенным выше методологическим требованиям ее создания. Однако в силу тех же самых требований трудно согласиться с ее номинированием в качестве энергетической теории речи, поскольку, а это самоочевидно с презентации автора и структуры системы, приведенной на рис. 1.1, ее методологическая значимость завышена в названии на два иерархических уровня. Проще говоря, в рамках общего энергетического подхода (рис. 1.1) сформированный

В. Г. Таранцом подход точнее было бы квалифицировать как нейрофизиологический аспект лингво-энергетического направления исследований, а, следовательно, его теорию логичнее было бы называть адекватным понятием (напр., теория нейрофизиологической материализации энергетических структур речевых единиц). И, тем не менее, забегая вперед, отметим, что эта теория, имеющая отношение исключительно к одному конкретному аспекту энергетического подхода, является едва ли ни единственной в современной лингвистике, сформированной с методологической точки зрения профессионально. Поэтому из уважения к научному вкладу профессора В.Г. Таранца, считаем необходимым подчеркнуть, что именно его работой [212] фактически был заложен первый камень в создание будущего междисциплинарного фундамента энергетической теории речи.

1.3. Теоретико-концептуальные основы формирования энергетической теории речи

Характерное для последних десятилетий стремительное накопление экспериментальных фактов и углубление теоретических представлений, базирующихся на идеях строго детерминированного описания процесса порождения речи, делает все более очевидной историческую исчерпанность данного научного подхода

Подтверждением тому служит практическая не востребованность громадного количества фактического материала, добытого в результате проведения многочисленных лингвистических экспериментов. Об этом и о возможности рационального использования экспериментального материала в сфере фонетических исследований сказано, в частности, в работах [86, с. 232–241; 287, с. 10–11].

Сущность возникновения указанных проблем заключается, прежде всего, в том, что различные науки, входящие в общую сферу лингвистического знания, в большей или меньшей мере приблизились к завер-

шению той стадии своего развития, которую в методологии принято квалифицировать как стадию описательных исследований. Отличительным признаком завершения этой стадии является, как известно [129, с. 47–57], незначительный прирост нового знания при достаточно большом объеме проводимых исследований, а объективным следствием – необходимость перехода к новой теории, способной обеспечить дальнейшее развитие научного познания при сохранении преемственности по отношению к непротиворечащему ему старому знанию.

Это и дает основания считать, что причины, приведшие к снижению эффективности использования экспериментальных результатов, следует искать внутри существующей теоретической парадигмы самой лингвистики, анализ которой показывает недостаточность разработок и отсутствие обобщения в ней научных представлений об энергетической стороне феномена актуализации текста/высказывания.

Для обоснования теоретических предпосылок нового подхода к обобщенному описанию энергетических механизмов формирования высказываний в процессе порождения речи целесообразно, на наш взгляд, исходить из следующих фундаментальных положений лингвистики: речь и язык зародились в результате эволюции психического начала человека, происходящей в условиях единства процессов развития материального и духовного мира; однажды зародившись, они перманентно развиваются, подчиняясь действию определенных имманентных законов; источником и движущей силой их развития является непрерывный взаимообмен энергией и информацией, происходящий на внутреннем (психофизиологическом) и внешнем (чаще – социальном) по отношению к индивиду уровнях. Рассматривая эти положения с точки зрения современных научных представлений о развитии сложных систем, к которым, без всякого сомнения, следует отнести язык и речь, нетрудно убедиться в том, что процесс реализации прагматической функции коммуникации требует от индивида определенных затрат энергии.

В связи с этим, за исходные признаки для обозначения искомого в данной работе подхода к изучению феномена порождения высказывания нами были приняты понятия “функция” и “энергия”.

Использование указанных понятий позволило в соответствии с изложенной в работе [86, с. 13–24] логикой, квалифицировать данный подход с методологической точки зрения как *функционально-энергетический*. Это, в свою очередь, дало основания считать, что в его рамках рационально осуществлять формирование исходных теоретических основ нового – функционально-энергетического направления лингвистических исследований, способного органически вписаться в общую парадигму традиционного функционального подхода.

Перманентное развитие языка и речи предопределило то, что в качестве общеметодологической основы анализа рассматриваемой проблемы нами был принят синергетический подход, базирующийся на идее синергетизма (то есть самоорганизации процесса порождения речи, подчиняющийся действию определенных законов). Такое понимание обусловило необходимость представления этого процесса в виде сложной многоуровневой энергетической системы, имеющей антропо-социокультурную природу, характеризуемую физиологическим, эмоциональным и логическим уровнями стохастического энергообмена, обеспечивающего квазистабильные реализации высказываний.

Приступая непосредственно к обоснованию искомых теоретических предпосылок, мы исходили из следующих, изложенных ниже, предположений. Механизм порождения речи осуществляется индивидом по определенному гипотетическому алгоритму, который может быть интерпретирован триадой: *альтернативный хаос – рефлексия – отбор*. Первый шаг этого алгоритма реализуется на основе взаимодействия физиологической и психической энергий индивида. На втором и третьем шагах происходит преимущественный расход психической энергии. Что же касается процесса устной актуализации высказываний в целом, то он требует соответствующих затрат и физиологической, и психической энергий. Следовательно, для порождения речи, как, впрочем, и для большинства других видов интеллектуальной деятельности человека (речемыслительной, эмоционально-оценочной, познавательной, креативной, двигательной-координационной и т.п.) необходимо наличие определенного психо-энергетического потенциала [126, с. 92–93],

способного генерировать специфические психо-энергетические поля, интенсивность насыщения которых, зависит от индивидуальных особенностей организации психики каждой конкретно взятой личности.

Мы имеем все основания [226] считать, что источником энергии, обеспечивающей реализацию всех без исключения процессов, протекающих в психической сфере человека, является сфера бессознательного. При этом следует полагать, что именно специфика взаимодействия указанных выше психо-энергетических полей приводит к тому, что сознательное, в строгом его понимании, не может считаться сущностью психического, но должно рассматриваться как качество психического, которое может присоединяться или не присоединяться к другим его качествам [там же, с. 425]. Кроме того, психический элемент, например представление, обыкновенно не бывает длительно сознательным. Наоборот, характерным для него является то, что состояние осознанности быстро проходит; представление, в данный момент сознательное, в следующее мгновение перестает быть таковым, однако может вновь стать сознательным при известных, легко достижимых условиях [там же, с. 426].

Исходя из этого, мы можем не только считать, что наше сознание, как это известно из работ З. Фрейда, является лишь частью бессознательного, которое включает его в себя, но и, во-первых, утверждать, что психо-энергетический потенциал сферы бессознательного питает энергией все психические процессы личности, а, во-вторых, предполагать, что именно в результате стохастического взаимодействия психо-энергетических полей, возбуждаемых энергией этого потенциала, в недрах психики создается так называемый перемешивающий слой [232, с. 52], который по топологическому признаку тяготеет к сфере предсознательного [226, с. 443], порождая, точнее активизируя тот альтернативный хаос, из которого сознание с помощью актов множественной рефлексии осуществляет отбор лингвистических и паралингвистических средств актуализации высказываний.

Отметим при этом, что природа, продуктом и составляющей вездесущего хаоса которой является человек, обеспечила его специфическим

мозгом, способным за счет возбуждения энергетических структур левого (линейного) полушария обрабатывать информацию об окружающей его действительности по логической схеме детерминистского редуцирования, а при энергетической активизации правого (нелинейного) полушария извлекать определенный порядок из хаоса бессознательного [227, с. 2–3]. Благодаря таким структурам мозга, в процессе порождения речи индивид способен [120, с. 87] осуществлять уникальное, практически одномоментное, преобразование экзистенциальной информации динамически неравновесных конгломератов тезаурусов образов, возникающих в перемешивающем слое сферы его бессознательного, в унифицированные сознанием вербальные конструкты или информацию, то есть трансформировать объемную полилектическую логику своего мышления в линейную диалектическую логику коммуникации [122, с. 182–186; 124; 125, с. 56–57]. При этом порождение речи как прагматически целенаправленный процесс, представляющий собой алгоритмизированную последовательность функционально ориентированных трансцендентальных актов, реализуется только в состояниях эмоционального или творческого возбуждения, верхней границей которого является умеренный стресс [126, с. 87]. Все это дает возможность говорить о том, что возникающие в процессе порождения речи психо-энергетические поля сознания индивида материализуются в каждом актуализированном им высказывании в форме определенного энергетического потенциала, являющегося частью общего психо-энергетического потенциала его личности.

Анализ результатов теоретических и экспериментальных исследований энергетического феномена речи, проведенных на основе детерминистского редуцирования, свидетельствует, что на существование ее энергетической структуры давно обратили свое внимание такие физиологи, психологи, нейропсихологи и лингвисты, как Н. Е. Введенский, Ю. С. Выготский, Н. И. Жинкин, Л. Конорски, А. Р. Лурия, И. П. Павлов, И. М. Сеченов, Ф. де Соссюр, В. Г. Таранец, Н. Хомский и другие. Напомним, что теоретическое обобщение информации, накопившейся по этому вопросу, нашло свое место в исследовании В. Г. Та-

ранца [212, с. 130]. Он доказал, что энергетические структуры слога, слова, синтагмы, фразы в славянских и германских языках характеризуются восходяще-нисходящим (асимметричным) движением энергии и находятся в основе материализации мысли. Если пользоваться терминологией современной синергетики, то эта работа подтвердила способность энергетической системы порождения речи материализоваться во фрактальных [227, с. 2–3] формах (то есть способность повторять структурные закономерности материализации энергии, присущие малым объектам, в других, более крупных объектах или даже во всей структуре в целом). Здесь важно отметить, что именно благодаря масштабной инвариантности, свойственной фрактальной природе речи, и стало возможным детерминистское редукционное описание распределения энергии в компонентах энергетической системы в виде идентичных по конфигурации кривых, отличающихся размерами или другими количественными показателями.

Очевидно, что в рассматриваемой нами системе порождения речи количественная оценка указанных изменений может быть произведена лишь в величинах энергий или соответствующих им потенциалов, распределяемых между конкретными лингвистическими и паралингвистическими средствами актуализации высказываний. Естественно, что методы редукционистского подхода, идущего от деталей к целому, в принципе не позволяют разрешить проблему изучения закономерностей стохастического распределения психо-энергетического потенциала индивида в процессе актуализации им высказывания. Такая задача может быть решена в рамках синергетического подхода с его понятийным аппаратом, описывающим явления самоорганизации сложных систем, в направлении от целого к его частям или деталям.

Первое приближение к теоретическому обоснованию возможности изучения энергетической стороны процесса просодического оформления высказывания было осуществлено нами в работах [88, с. 98–105; 90]. Эти исследования, предпринятые на основе известного [128] методологического подхода, позволили установить наличие у высказывания энергии, аккумулированной в форме его эмоционально-прагматического

потенциала, сформулировать принцип сохранения данного потенциала и дифференцировать три уровня интенсивности его речевой актуализации [92, с. 7–13], а также экспериментально определить для указанных уровней типовые модели просодического оформления английских эмоциональных высказываний [90, с. 413–415].

Результаты проведенного исследования подтвердили фрактальную природу распределения эмоционально-прагматического потенциала по трем уровням реализации его интенсивности в высказываниях, практически независимую от их конкретных смыслов, и характеризующуюся соответствующей масштабной инвариантностью. Было также определено, что в процессе реализации смысла высказывания развивается противоречие между тенденцией к экономному распределению эмоционально-прагматического потенциала между лингвистическими средствами актуализации высказывания и стремлением к максимальному использованию физиологической энергии, материализуемой в сопровождающих его паралингвистических средствах. При этом стало очевидным явление стохастического перераспределения (или множественной бифуркации) энергии эмоционально-прагматического потенциала высказывания между грамматическими, лексическими и фонетическими средствами его актуализации. Результаты такого перераспределения интегрировались преимущественно на уровне восприятия аудиторами смысла конкретного высказывания. Кроме того, использование трехуровневой классификации степени интенсивности актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказываний [92, с. 7–13] доказало существенную для реализации синергетического подхода возможность сжатия информации [66] без каких-либо ее потерь. Такое сжатие (см. принцип круговой причинности [66, с. 23]) позволяет осуществлять обратимый переход от переменных или параметров состояния (в работе [90] это интонационные параметры) к параметрам порядка (психо-энергетические параметры), являющимися функциями параметров состояния.

Переосмысление результатов указанного исследования с позиций синергетики позволило сформулировать соответствующую, приведен-

ную на рис. 1.2, обобщенную гипотетическую модель стохастического перераспределения энергии эмоционально-прагматического потенциала высказывания между средствами его актуализации.

По вертикали рисунка условно размещены сферы сознания, предсознательного и бессознательного, расположенные в соответствии с предложенной З. Фрейдом их первоначальной топической схемой [226, с. 426]. Исходя из сказанного выше, очевидно, что энергия эмоционально-прагматического потенциала возникает в психической сфере человека вследствие возбуждения инстанции бессознательного сигналами или информацией об изменении состояния окружающей действительности или о переменах его внутренних ощущений и состояний. При этом независимо от каналов передачи и механизмов экзистенциальной обработки информации [126, с. 87–89] процесс порождения высказывания реализуется в достаточно широком диапазоне эмоциональных состояний индивида: от элементарного интереса, возбуждаемого сознанием, до умеренного стресса. В указанном интервале эмоциональных нагрузок и образуется альтернативный энергетический хаос, являющий собой исходное состояние синергетической системы той или иной степени сложности. Естественно, что степень сложности зарождающейся таким образом системы будет зависеть от уровня возбуждения психики индивида, а источником энергии для создания перемешивающего слоя (созидающего хаоса) в сфере предсознательного в любом случае будет бессознательное [226, с. 445].

В недрах созидающего хаоса под контролем сознания произойдет первое практически моментальное перераспределение психо-энергетического потенциала (см. рис. 1.2) на его эмоциональную и прагматическую составляющие, генерирующие соответствующие психо-энергетические поля. С этого момента структура синергетического поведения энергетической системы процесса порождения высказывания способна обретать признаки феномена хаотического аттрактора, показывающего пределы предсказуемости ее будущего поведения и свидетельствующего о существовании областей принципиальной непредсказуемости [146, с. 116–117].

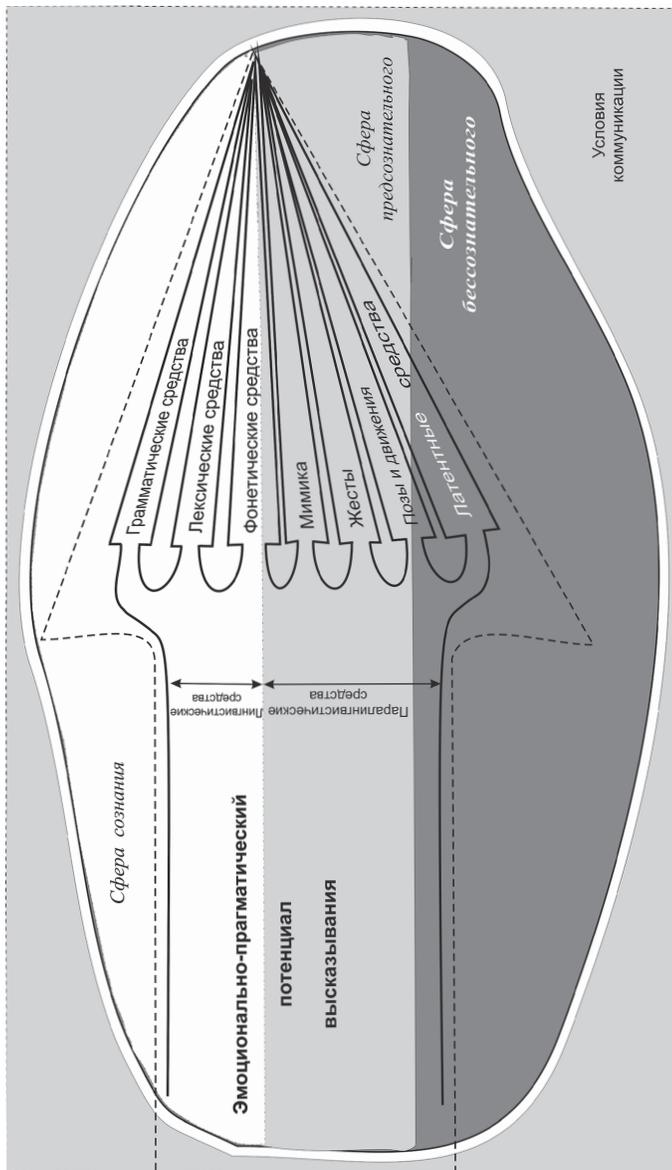

Рис. 1.2. Обобщенная модель перераспределения энергии эмоционально-прагматического потенциала высказывания между средствами его актуализации

Однако нам представляется, что в лингвистической реальности этот феномен может проявляться преимущественно в плане так называемых оговорок или ошибочных действий [90, с. 443]. Поэтому при описании дальнейшего поведения анализируемой системы мы будем исходить из предположения о существовании простого аттрактора [140, с. 22–23] – точки или пространства, к которому как к конечному состоянию стремится траектория движения эмоционально-прагматической энергии после затухания переходных психических процессов, управляемых прагматической установкой сознания индивида. В процессе ретроспективной реконструкции состояний управляемого энергетического хаоса, возникающего в психической сфере человека при порождении высказывания, мы будем также оперировать понятием множественных бифуркаций – точек, в которых траектории движения энергии разветвляются [185, с. 16]. При этом указанное выше первое перераспределение психо-энергетического потенциала обозначим понятием неполной параллельной бифуркации, в результате которой на основе практически неконтролируемых эмоций в сознании индивида возникают определенные интенции, преобразующиеся в прагматическую установку высказывания по схеме, изложенной в работе [86, с. 147–153]. Завершение процесса формирования энергии интеллектуального акта и направленности прагматической составляющей эмоционально-прагматического потенциала происходит в момент приближения траектории синергетического процесса к окрестности точки следующей бифуркации. При этом в параллельном режиме в перемешивающем слое предсознательного, захватывающем частично сферу бессознательного (см. рис. 1.2), создается альтернативный хаос психо-энергетических полей, несущих в себе энергии будущей реализации паралингвистических средств коммуникации. Именно в этом хаосе, воля индивида, не полностью контролируемая сознанием, формирует исходную структуру перераспределения психо-энергетических полей эмоциональной составляющей, управляющих средствами паралингвистического сопровождения порождающегося высказывания.

В таком состоянии эмоционально-прагматического потенциала энергетическая система порождения высказывания приближается ко

второй точке, точнее к пространству своей неполной множественной параллельной бифуркации, в окрестности которого распределение эмоционально-прагматического потенциала высказывания на его прагматическую и эмоциональную составляющие завершается. В пространстве второй бифуркации происходит окончательное разделение энергетических потенциалов указанных составляющих: прагматический потенциал как бы распадается на соответствующие потенциалы актуализации грамматических, лексических и фонетических средств высказывания, а энергия эмоционального потенциала дифференцируется в направлениях реализации мимики, жестов, контролируемых и неконтролируемых сознанием поз и движений говорящего.

С этого момента картина развития энергетической системы порождения высказывания изменяется, поскольку в результате рефлексии и отбора сознанием оптимальных сочетаний лингвистических и паралингвистических средств, частичное, а в некоторых ситуациях, и значительное перераспределение энергетических потенциалов их актуализации является результатом множественных последовательных бифуркаций, позволяющих в процессе протекания каждой из них принять только одно решение – направить энергию на актуализацию одного конкретного средства коммуникации, выбранного из существующих в памяти их альтернативных лингвистических и паралингвистических множеств. При этом, как видно из рис. 1.2, хаос также оказывается слоенным на его эмоциональную и прагматическую энергетические субстанции, а, следовательно, система обретает свойства, которые приближают ее поведение к состоянию, обозначенному нами выше понятием хаотического аттрактора.

Параметрами состояния такой системы можно считать: психические (сознание, предсознательное, бессознательное, смещение, вытеснение, сгущение, противодействие, фиксация, цензура, разрядка, сублимация и т.д.), энергетические (мощность, интенсивность, сила, импульс, потенциал, ускорение и т.п.), фонетические (частота основного тона, интенсивность, длительность и т.д.) и бесчисленное множество других различных по своей природе факторов, которыми принято описывать

подобные сложные объекты. Не менее громоздким представится и описание управляющих параметров, подразделенных на внешние, внутренние и стохастические. Естественна поэтому невозможность однозначного описания порядка саморазвития анализируемой нами системы. Но, отсюда и становятся очевидными преимущества изложенного нами функционально-энергетического подхода, позволяющего всего лишь по двум параметрам порядка (прагматический и эмоциональный потенциалы) с необходимой полнотой прогнозировать конечный результат синергетизма эмоционально-прагматического потенциала в процессе порождения высказывания как основной движущей силы, определяющей инвариантную однозначность его устной или письменной актуализации.

Наиболее важным представляется то, что экспериментальная практика подтвердила врожденную способность аудиторов и реципиентов дифференцировать материализованные в устном и письменном текстах эмоциональные и прагматические составляющие эмоционально-прагматического потенциала высказывания не только по их природе, но и по интенсивности их реализации. Это обстоятельство открыло широкие перспективы для разработки новых теоретических подходов и методов экспериментального изучения ранее не исследованных сторон энергетического феномена порождения речи.

Связанное с этим более глубокое осмысление моделируемой нами реальности функционирования человеческой речи привело к необходимости разработки ряда теоретических положений когнитивного подхода к изучению ее фонетических средств.

Этому содействовала, в свою очередь, и научная практика, которая с каждым шагом ее развития убеждала, что наиболее полное многоаспектное описание фонетической системы речи должно базироваться на коммуникативно-прагматических и когнитивных данных. В пользу такого рассмотрения свидетельствовали также результаты теоретических обоснований ведущих положений коммуникативно-когнитивной парадигмы экспериментально-фонетических исследований (см., напр., [269, с. 15–16; 321, с. 105–111; 323, с. 110–115; 342, с. 338–347;

315; 328; 329; 86; 96; 97] и др.), акцентирующих внимание на человеческом факторе в речи и ориентирующих исследователя на анализ взаимосвязи речи и мышления, понятия и акустического образа, речи и психики говорящего, когнитивных структур, влияющих на процесс коммуникации.

Кроме этого, большинство исследователей подчеркивало необходимость изучения компетенции говорящего, формирующейся вследствие статистически сбалансированного повторения определенной акустической информации, воспринимаемой периферийной нервной системой говорящего/слушающего [249, с. 581–608; 326, с. 191–196; 262, с. 126–128; 284; 292, с. 93–107; 331, с. 7–15; 255]; осуществления анализа фонетических средств кодирования и декодирования звуковой информации [293; 297, с. 1–36; 322, с. 254–281; 132 и др.]; описания специфических интонационных моделей, так называемых интонационных карт, или *maps* [263, с. 138], служащих для фонетической репрезентации знаний человека в устной коммуникации; определения обобщенного звукового образа, или прототипа каждой фонемы [292, с. 93–107] и т. п.

Решая возникшую таким образом проблему, мы исходили из допущения, что каждой просодической единице, формируемой путем накопления соответствующих акустических признаков, задающих диапазон ее варьирования, вызванный фонетическим окружением и универсальными просодическими параметрами (громкость, высота голоса, темп), должен соответствовать определенный звуковой образ.

Теоретический анализ, связанный с решением указанной проблемы, показал, что с течением времени изменился и перцептивный анализ потока речи, основывающийся на обязательном использовании технических средств регистрации его результатов, поскольку фонетисты стали в значительной степени ориентировать его на углубление системы концептуальных представлений о явлениях речи, в частности живой. К сожалению, при этом за несколько последних десятилетий концептуальные поля понимания явлений когниции и перцепции определенным образом разошлись, поскольку ошибочно считалось, что перцепция и когниция отражаются в мозге человека как независимые системы, а,

следовательно, когнитивные репрезентации являются по своей природе неперцептивными [248, с. 577–578].

И, тем не менее, мы становимся свидетелями того, что современные экспериментально-фонетические исследования направлены, преимущественно, на поиск взаимосвязи между внешними проявлениями речи или звучанием и особенностями ее восприятия. Благодаря этому, исследуя функционирование звуковых единиц языка и речи с позиций когнитивного подхода, лингвисты обращают внимание на выявление такой речевой формы, которая адекватно передавала бы смысл высказанной мысли, с одной стороны, с другой, – на установление специфики корректной интерпретации реципиентом смысла воспринятых фонетических форм. При этом научный поиск все чаще направляется на описание адекватной фонетической формы и корректной интерпретации смысла, зависящих от того, как говорящий или слушающий воспринимает и осмысливает окружающую среду, как он квалифицирует сказанное или услышанное в определенной ситуации в рамках его коммуникативного опыта.

Отметим, что при условии корректного учета указанных факторов в процессе экспериментально-фонетического исследования и возникают основания говорить о кодировании, декодировании либо интерпретации речи, то есть определении ее смысла, а также установлении функций единиц фонетического уровня речи и роли их различных модификаций с учетом нормативности и вариативности исследуемых явлений. Таким образом определяются особенности процессов кодирования и декодирования, которые, по мнению А. Либермана [297, с. 1–36], являются основой параллельного включения в процесс восприятия звуковой информации акустического и артикуляционного модулей, путем сопоставления которых слушатель фиксирует акустические различия, связанные с артикуляцией.

Именно в круге этих методологических требований и создается современный фундамент когнитивного подхода к анализу единиц фонетического уровня речи. Сущность когнитивного подхода в области фонетических исследований базируется на раскрытии природы связи между

фонетической формой, речевой субстанцией и мыслительной деятельностью индивида. Поэтому решение проблем, связанных с функционированием единиц фонетической системы речи, должно осуществляться путем исследования продуцирования, восприятия и понимания речи, а также изучения отношений между этими явлениями и акустическими параметрами речи [295, с. 37–38].

На основании этого похода и возникла отдельная область фонетики, получившая название когнитивной фонетики [328], цель которой заключается в изучении основных фонетических процессов репрезентации знания во время порождения речи в их соотношении с ментальными явлениями, принимающими участие в этих репрезентациях, а именно: восприятие речи, ее осознание, понимание и сохранение в памяти коммуниканта. Это вполне логично, поскольку именно соединение процессов кодирования и декодирования устной речи позволяет говорящим реализовать неограниченное разнообразие ментальных задач, связанных с использованием речи вообще и ее фонетических средств в частности.

В рамках существующей когнитивной парадигмы явление восприятия речи делится, как известно, на две составляющих. Первой является процесс бессознательной репрезентации информации (физического входного сигнала), которая сохраняется в долгосрочной памяти индивида и функционирует символически, обозначая референт. В ситуации восприятия им звучащей речи, роль этого референта играет определенная ситуация, в которой, например, та или иная разновидность фонетической единицы, сохраненной памятью в соотношении с подобной ситуацией, и декодирует именно тот, присутствующий ей, смысловой оттенок.

Второй составляющей восприятия речи выступает факультативный сознательный опыт индивида, от которого и зависит успешность коммуникации, состоящая в корректном кодировании и декодировании речи участниками коммуникации. Именно коммуникативно-когнитивный (или когнитивно-коммуникативный) опыт говорящего, состоящий из определенного набора репрезентаций, и лежит в основе процесса

когниции. В этом и состоит сущность связи речевой формы (в нашем случае фонетической) с речевой субстанцией и речемыслительной деятельностью индивида.

Следовательно, корректная фонетическая форма и корректная интерпретация смысла высказанного, несомненно, зависят от восприятия и осмысления говорящим/слушающим высказанного или услышанного, то есть от его способности квалифицировать сказанное или услышанное в конкретной ситуации. Понятно, что обусловленные коммуникативно-когнитивным опытом индивида результаты осмысления могут быть разнообразны и неисчерпаемы, корректны и ошибочны, как и сам его коммуникативно-когнитивный опыт.

Понимая речь как систему, состоящую из символов, различных операций и процессов, мы можем констатировать, что фонетические модели высказываний имеют свою знаковую природу и свои озвучиваемые фонетические концепты. Типичным примером фонетического концепта может служить нисходящий тон, ассоциирующийся в памяти индивида с завершенностью высказывания, категоричностью речи, обретающий статус универсального общеизвестного перцептивного невербального символа, поскольку передаваемое им значение присуще всем языкам мира [337, с. 12]. Добавим, что разновидности нисходящего тона в речи составляют его коммуникативно-когнитивную парадигму, базирующуюся на конкретно-ассоциативных и эмоциональных признаках, сигнализирующих о смысловых оттенках высказывания и позволяют слушателю чувствовать общие смыслы (завершенность, категоричность), классифицировать и устанавливать типы их фонетических репрезентаций. Более конкретными репрезентациями нисходящего тона могут служить его разновидности по высотнотональному уровню (высокий, средний, низкий), диапазону (широкий, средний, узкий), конфигурации движения тона (выпуклый, вогнутый, актуализирующийся с восходящим движением тона на ядерном слогоносителе и ровным или нисходящим движением тона на затакте), скорости изменения направления движения тона, структуре ядерной и терминальной части интонационного контура и т. п.

Исходя из этого, мы и получаем основания для трактовки понятия *фоноконцепта* как *специфического, сформированного вследствие конкретного коммуникативного опыта, мыслительного образования, включающего содержательный минимум знания, способного в форме звукового перцептивного образа или символа сохраняться в долгосрочной памяти индивида и воспроизводиться в устной речи с помощью определенных фонетических структур* [98, с. 49].

Обоснованная нами формулировка лишней раз указывает на то, что анализ фонетических явлений следует осуществлять с учетом всей системы когнитивных возможностей говорящего и свидетельствует о междисциплинарном характере когнитивной фонетики. Кроме того, оно хорошо согласуется с известной мыслью Н. Кука, согласно которой фонетическая репрезентация знаний человека в устной коммуникации оформляется, как правило, благодаря специфическим интонационным моделям, которые сам Н. Кук называет интонационными картами [263, с. 138], то есть интонационной структурой высказывания, а также набором гласных и согласных, функционирующих в определенных речевых актах.

Расширяя указанную тенденцию, можно утверждать, что один тип интонатопического картографирования должен относиться к фонетической организации констативов, другой – к запросу информации, иные присущи директивам, стимулирующим реакцию слушателя на услышанное, иные – к определенным способам возникновения и выражения эмоций и чувств или достижения цели, иные – к адекватной фонетической репрезентации разных форм речи или различных типов дискурсов и речевых ситуаций, психологических, социальных и возрастных типов говорящих и т. п. Это отнюдь не противоречит предвидению Н. Кука, что любая совокупность интонационных карт будет играть важную роль в продуцировании и обработке речи, поскольку они составляют концептуальную основу для корректной организации и выражения сложных мыслей в устной коммуникации.

Следовательно, не должно вызывать сомнений, что наиболее эффективное изучение и описание фонетической организации речи необхо-

димо осуществлять с учетом определенных комплексов когнитивных, опытно-речевых и социальных факторов, поскольку именно когнитивная фонетика способна открыть путь для изучения отношений и связей фонетических единиц (интонационных моделей, звуков и их различных комплексных сочетаний) с вневлигвальными явлениями, а именно, взаимосвязи между: когнитивными принципами и механизмами, не являющимися по сути речевыми; опытно-речевой и прагматичной основами речи в действии и принципами их взаимодействия и функционирования в речи (иконичности, естественности, экономии) и т. п.

Это дает основания ожидать, что многофакторные экспериментально-фонетические исследования, выполняемые в рамках когнитивной парадигмы, позволят получать адекватные результаты, будут обеспечивать корректное описание изучаемых явлений и позволят, в свою очередь: создать фонофонд анализируемой речи, установить внутренние – и внешние речевые фонетические универсалии, облегчат решение проблем, связанных с вопросами речевой интерференции.

Очередной проблемой, естественно возникшей в объеме формирования концептуально-теоретических основ энергетической теории речи, стала для нас разработка ряда вопросов, касающихся синергетизма явлений речемышления и мышледействия индивида.

В процессе их решения мы строго придерживались положений фундаментального философско-методологического исследования [120, с. 213–234], в котором на основе анализа концептуальных и энергетических моделей когниции показан единый механизм процессов формирования памятью индивида сложных концептосфер его речемышления и мышледействия, а также предложено современное категориальное многоуровневое структурирование всех видов концептов (слуховой, зрительный, тактильный, чувственный, вкусовой, эмоциональный, ассоциативный и т.д.) с дублированием их прототипов в трех сферах духовного бытия личности (экзистенциальной, ментальной, трансцендентной).

Исходя из этого, в предыдущих работах [99, с. 3–9] мы показали, что, независимо от того, о каких фонетических элементах перцептивной

базы языка или их какой-либо совокупности идет речь, каждый из них является по своей сути фоноконцептом определенного иерархического уровня. При этом подчеркивалось, что, независимо от зоны порождения, структуры всех без исключения иерархических элементов сложных фоноконцептов в каждом отдельно взятом их тезаурусном блоке (экзистенциальном, ментальном, трансцендентном) имеют подобный характер.

Актуализация фоноконцептов осуществляется в специфически возбуждаемом памятью эмоционально-энергетическом режиме функционирования психической сферы коммуниканта. В таком режиме и происходит ассоциативный поиск звукового аналога, соответствующего определенному фонопрототипу как социально приобретенному эталону звучания или генетически обусловленному ассоциативно-подражательному навыку индивида.

Говоря языком синергетики, мы получаем возможность утверждать, что любая часть фоноконцептосферы индивида представляет собой архетипический фоноконцепт-прототип, в притяжение содержательно конуса которого попадает определенное количество ассоциативно связанных с ним фоноконцептов-аналогов, являющихся по своей сути тезаурусом фоноконцептов или, как это сказано выше, перцептивной базой языка.

Такой подход позволил осуществить теоретическое обоснование концептуальной парадигмы описания порождения и актуализации устной речи с позиций синергетизма в соответствующих терминах синергетики.

В дальнейшем изложении под *синергетизмом в речемышлении имыследействии* мы будем подразумевать совместное комплексное влияние движущих сил, различных по своей природе источников энергии и ряда других факторов на специфику порождения и актуализации устной речи индивида, а также на его поведение в коммуникации.

В основу формирования искомой синергетической парадигмы описания феноменов порождения речемышления и мыследействия индивида нами были заложены обоснованные в работах [96, с. 5–11; 96,

с. 70–75] идеи функционирования психоэнергетического механизма актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания, рассматриваемые в соотношении с известной моделью пирамиды духовных сфер бытия личности [120, с. 208–213]. Такой синтез позволил сформировать наглядную универсальную синергетическую модель саморазвития процессов порождения речемышления и мыследействия в духовной сфере индивида, изображенную на рисунке 1.3.

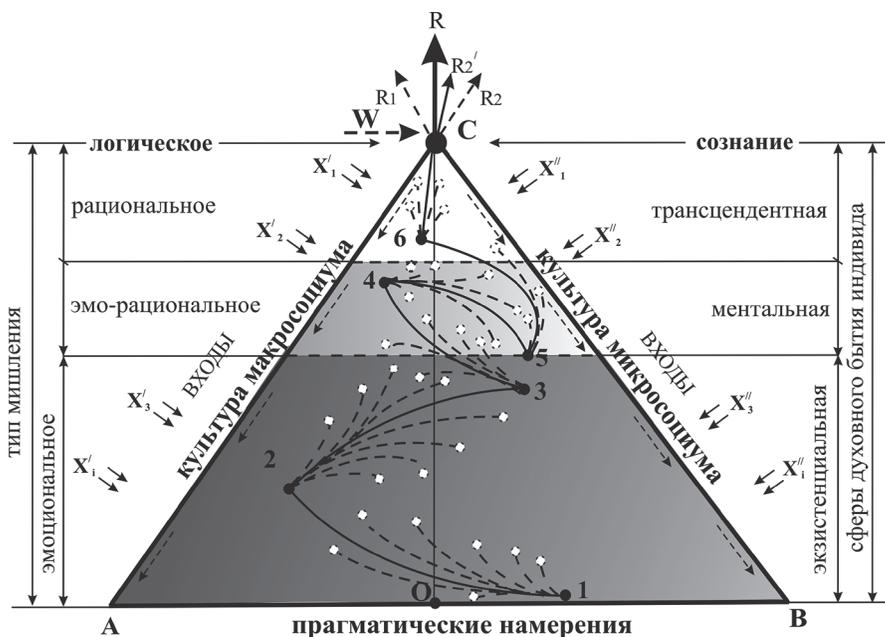

Рис. 1.3. Универсальная синергетическая модель саморазвития процессов порождения речемышления и мыследействия в духовной сфере индивида

На модели представлена сложная четырехуровневая условно-топологическая система сфер духовного бытия говорящего, включающая экзистенциальную, ментальную и трансцендентную подсистемы,

функционирование которых частично контролируется и управляется сознанием, обозначенным на модели точкой **С**. Оболочка системы образована тремя составляющими: культурами макро- и микросоциумов и прагматическими намерениями коммуниканта.

Внутри обозначенной таким образом системы, моделирующей сферы духовного бытия индивида, и происходит саморазвитие всех без исключения синергетических по своей природе процессов и актов порождения речемышления и мыследействия человека в условиях устной или письменной коммуникации. Происходящие в мышлении говорящего процессы зарождения, саморазвития и актуализации фоноконцепта как средства, завершающего оформление высказывания, отражены на модели в виде универсальной структуры-аттрактора **1-С**.

Для упрощения восприятия гипотетического описания синергетического механизма саморазвития фоноконцепта в мышлении индивида в модели использована двухмерная (плоскостная) интерпретация конфигурации многомерного (объемного) по природе своей структуры-аттрактора. Кроме того, ее описание базируется на принятой в синергетике идее последовательного поэтапного саморазвития процесса порождения и актуализации фоноконцепта, поскольку в реальности, как это известно, только основанные на диалектической логике речемыслительные процессы протекают под контролем сознания [120, с. 206], а экзистенциальные, ментальные и трансцендентные акты мышления свершаются в сферах бессознательного или предсознания и реализуются по полилектическим законам [там же, с. 147-167] саморазвивающегося хаоса.

Исходя из сформированной таким образом модели, гипотетико-концептуальный механизм протекания процессов порождения и актуализации фоноконцепта в мышлении говорящего можно описать следующим образом.

Представим, например, что некий индивид в частном неофициальном общении получил от вышестоящего лица весьма высокую оценку результатов своей деятельности. На нашей модели указанная вербальная информация (**W**) поступает в сознание реципиента и, будучи об-

работанной им, трансформируется в определенные сигналы-запросы, направленные во все сферы его духовного бытия (см. стрелки, идущие параллельно сторонам треугольника). Вследствие этого происходит возбуждение энергетики нейронных популяций мозга, отвечающих за хранящиеся в памяти индивида фоноконцепты выражения благодарности, дублирующиеся в виде экзистенциального, ментального и трансцендентного тезаурусов соответствующих фоноконцептов-прототипов с входящими в конус их притяжения фоноконцептами-аналогами.

При этом одновременно с вербальной информацией (**W**) в сознание, предсознание (ментальные и трансцендентные сферы) и бессознательную сферу экзистенции реципиента поступают перцептивные сигналы иной физической природы, обозначенные на модели входами системы (**X**). Так, в случае поступления сигналов, относящихся к культуре макросоциума, это могут быть: X'_1 – речевое поведение собеседника, X'_2 – его социальный статус, X'_3 – ситуация общения, X'_4 – присутствие/отсутствие третьих лиц и т.п. В свою очередь, через часть оболочки, символизирующей на модели культуру микросоциума, могут поступать вырабатываемые сознанием индивида следующие сигналы: X''_1 – его самоидентификация в условиях происходящего общения, X''_2 – готовность/неготовность к похвале, X''_3 – уровень усвоения им этнических норм поведения, X''_4 – духовные ориентиры и т.п. Указанная информация в зависимости от степени ее важности для реципиента трансформируется в параметры состояния рассматриваемой системы или ее отдельно взятых подсистем. А усвоенные им как личностью культуры макро- и микросоциумов играют роль параметров порядка, в рамках которых и происходит саморазвитие процесса выбора фоноконцепта.

В результате поступления в духовную сферу индивида рассмотренной информации и соответствующих перцептивных сигналов происходит возбуждение психической энергии его бессознательного начала в трансцендентной сфере. При этом можно предположить, что, вдохновившись похвалой и чувствуя глубокую признательность, наш слушатель испытывает искреннюю потребность в выражении своей благодарности за столь высокую оценку его деятельности. В таком

случае эмоции, возникшие в сфере его экзистенциального бытия, неизбежно порождают своеобразный хаос (см. точка 1).

На первой стадии хаоса энергия четкого прагматического намерения в резонансе с эмоциональной энергией образует вполне определенный эмоционально-прагматический потенциал искомого высказывания. Вторая стадия, представляющая собой вхождение сложной психо-энергетической системы индивида в хаос, дает толчок процессу поиска структуры-аттрактора, характеризующий саморазвитие процесса порождения ответного высказывания. При этом в недрах хаоса зарождаются одновременно частный аттрактор (1–2) порождения фоноконцепта оформления высказывания и вся последующая структура-аттрактор, отражающая цель системы. В роли частного аттрактора (1–2) в сфере экзистенциального бытия говорящего выступает энергетически наиболее мощный аттрактор, способный захватывать в конус своего притяжения близлежащие аттракторы-альтернативы и подавлять остальные энергетически менее сильные. Благодаря этому, первая стадия саморазвития системы порождения фоноконцепта, реализуемая по траектории 1–2, завершается в следующей точке бифуркации (точка 2).

На направленность сформированного таким образом аттрактора, т.е. на его движение в сторону культуры макросоциума как параметра порядка системы, влияет, прежде всего, то, что собеседник является лицом более высокого социального статуса. Именно вследствие этого в экзистенциальной сфере механизмы эмоционального мышления индивида стремятся найти фоноконцепт-прототип, соответствующий условиям коммуникации с социально более значимым лицом. Однако во второй точке бифуркации (2) говорящий под давлением нахлынувших эмоций в силу глубоко усвоенной им культуры микросоциума испытывает потребность более искреннего выражения, влекущую за собой соответствующее просодическое оформление благодарности. Поэтому перераспределение эмоционально-прагматической энергии искомого высказывания, осуществляемое в сторону превалирования эмоций, порождает в состоянии неравновесия (хаоса) системы энергетически наиболее мощный аттрактор (2–3). Сущность формирования данного аттрактора заключается в бессозна-

тельном выборе психической сферой человека ближайшего фоноконцепта-аналога, хранящегося в его эмоциональной памяти как одного из альтернативных фоноконцептов, присущих культуре микросоциума.

Отметим здесь, что фоноконцепты микросоциума формируются, как правило, в духовной сфере индивида благодаря преобладающему влиянию инстинктивно-генетических механизмов их воспроизведения и хранения в эмоциональной памяти. В свою очередь, речевая культура макросоциума, вступающая в рассматриваемом случае как параметр порядка в противоречие с культурой микросоциума, формируется бессознательным усвоением индивидом правил коммуникации в более широком, чаще всего профессиональном окружении.

Саморазвитие системы после третьей точки бифуркации протекает уже в ментальной сфере духовного бытия индивида с характерным для нее эмо-рациональным типом мышления. Вполне естественно поэтому, что под влиянием энергетики рациональных элементов мышления, зародившийся в хаосе точки третьей бифуркации частный аттрактор (3–4), как бы компенсируя преобладание эмоций, отклоняется в сторону норм культуры макросоциума. Система завершает очередной этап своего развития в точке бифуркации (4) на фоноконцепте-аналоге, функционирующем в макросоциуме.

Здесь, в ментальной сфере, противоречия как движущая сила хаоса развиваются между культурой микросоциума, характеризующейся навыками речевого общения, выработанными в кругу семьи и ее ближайшем социально-этническом окружении, и культурой речевого поведения в профессиональном макросоциуме. И, тем не менее, под влиянием энергии эмоционально-прагматического потенциала проектируемого высказывания, психическая сфера индивида осуществляет очередной этап саморазвития системы в направлении поиска эмоционально более близкого его ментальности фоноконцепта-аналога.

При этом частный аттрактор (4–5) является по своей сути обратным (или возвратным) аттрактором, траектория которого указывает, что система порождения фоноконцепта как бы стремится вернуться в точку бифуркации (3).

В хаосе точки (5) зарождается следующий частный аттрактор, конечная точка которого (6) в силу влияния рационального мышления оказывается в трансцендентной сфере духовного бытия говорящего. Генерируемый саморазвивающейся системой фоноконцепт-аналог точки (6) после прохождения стадии неравновесия в рациональном мышлении по прямолинейной траектории поступает в сознание индивида и, формально контролируемый его логико-диалектическим мышлением, материализуется как соосный ей элемент, являющийся, по сути, комплексом средств просодического оформления высказывания.

В реальной ситуации, как это показано в работе [120, с. 147–167], по изображенной на рис. 1.3 универсальной синергетической модели саморазвитие фоноконцепта оформления благодарности (структура-аттрактор 1-С), выражающей искренние чувства говорящего в границах социокультурной нормы макросоциума ($R-R_2$), происходит одновременно и синхронно с саморазвитием процессов выбора лексико-грамматических и стилистических структур-аттракторов высказывания-благодарности.

При этом не следует забывать, что фоноконцепты-прототипы в зависимости от уровня развития личности, состояния психики говорящего и условий коммуникации могут извлекаться его сознанием из любой из сфер духовного бытия (экзистенциальной, ментальной, трансцендентной). Иначе говоря, в конкретных ситуациях структура-аттрактор порождения фоноконцепта может состоять из меньшего количества частных аттракторов и характеризоваться соответственно меньшим числом точек бифуркаций.

Продолжая рассуждения, отметим, что следующим естественно заинтересовавшим нас в объеме разработки энергетической теории речи вопросом стала проблема обоснования теоретико-концептуального инструментария для изучения процессов порождения билингвом интерферированной речи, решение которой было получено в результате проведенного совместно с О. Р. Валигурой творческого поиска [102]. Уделить внимание этой проблеме мы были вынуждены по двум причинам. Во-первых, большинству лингвистов сегодня стало вполне понят-

но, что синергетическая парадигма, призванная оказывать содействие развитию междисциплинарных исследований, уже обрела статус эффективного теоретического инструментария решения сложных комплексных проблем практически всех областей лингвистического знания. Во-вторых, ее органическое развитие в рамках ведущих положений теоретико-методологического аппарата когнитивной лингвистики позволяет не только более широко анализировать, но и по-новому [129, с. 134] интерпретировать причины возникновения фонетической интерференции и механизмы ее реализации в речи билингвов.

Для обоснования когнитивно-энергетической концепции речемыслительной деятельности билингва во время порождения им интерферирующей речи мы использовали научную информацию ряда современных методологических работ, направленных непосредственно на решение важных вопросов теорий познания, когнитивистики и речи (см., напр., [20, с. 108–111; 124, с. 52–63; 119, с. 88–104; 86, с. 142–153; 96, с. 35–61]), в которых убедительно показано, что наиболее эффективным путем построения релевантных когнитивных моделей речемыслительной деятельности билингва является использование пространственных интерпретационных моделей.

Особое внимание было обращено на заключение фундаментальной философско-методологической работы [128, с. 62–78], в которой сказано, что благодаря достаточно высокому уровню обобщения, модели, типа модели рис. 1.3, могут успешно интерпретировать ту или иную концепцию, а также играть роль исходного теоретического конструкта для создания определенного класса более конкретных пространственных, плоскостных или линейных моделей, предназначенных для системного рассмотрения структур и механизмов порождения и функционирования объектов исследования.

Прежде, чем приступить к изложению результатов и логики обоснования когнитивно-синергетической модели речемышления билингва, отметим, что исходные предпосылки смыслодержательного насыщения ее концептуальной структуры были взяты из работы [119, с. 88–104] и сформулированы в виде следующих постулатов:

1. Принципиальное отличие речемыслительной деятельности от экзистенциального бытия индивида заключается в том, что речемыслительные процессы происходят под контролем сознания и, соответственно, подчинены диалектической логике, а экзистенциальные акты реализуются в сфере бессознательного в соответствии с законами саморазвивающегося хаоса.

2. Парадокс экзистенциального бытия индивида состоит в том, что его речевая деятельность подчинена линейным законам диалектической логики и требованиям обязательной унификации вырабатываемых понятий, а мышление разворачивается по законам полилектической логики с ее многовекторной природой и весьма широкой вариативностью альтернатив нечетких понятий-образов.

3. Импульсы, активизирующие психофизиологическую энергию, а также мотивации речемыслительных и физических действий, зарождаются в сфере бессознательного, энергия которой и обеспечивает осуществление всех без исключения тесно связанных между собой процессов эмоционального и когнитивного развития индивида.

С учетом изложенного и была сформирована пространственная обобщенная когнитивная модель речемыслительной деятельности билингва, изображенная на рис. 1.4.

В основании модели, построенной в форме пирамиды, находится обоснованная в нашей работе [288, с. 43–47] плоскость прагматического потенциала речемыслительной деятельности индивида (ABCD), названная в модели плоскостью прагматических факторов овладения языком. Четыре стороны пирамиды образованы противоположащими парами треугольных плоскостей: «плоскость протекания практики первичного языка (AED) – плоскость протекания практики вторичного языка (BEC)» и «плоскость структуры первичного языка (DEC) – плоскость структуры вторичного языка (BEA)». Условная плоскость (ABCD) поделена диагональю AC на плоскость ACD – факторов (естественного / заинтересованного) овладения первичным языком и плоскость ABC – факторов (необходимого / вынужденного) овладения языком.

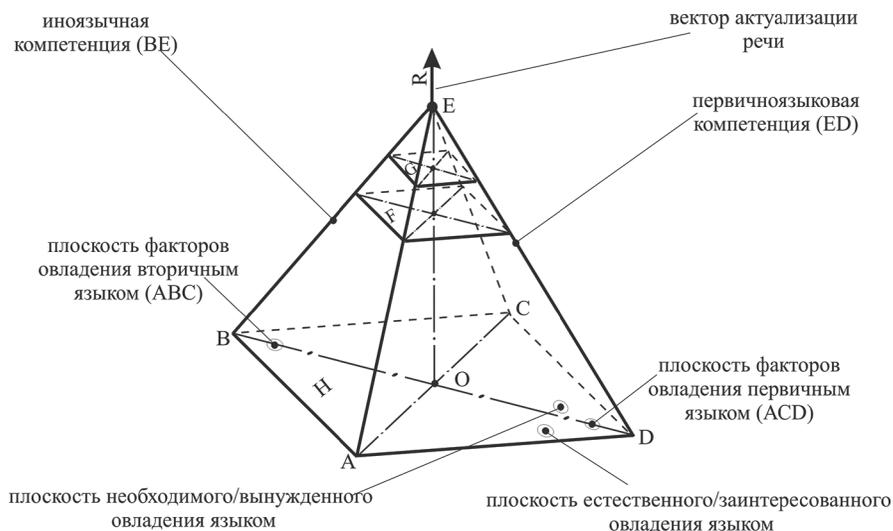

Рис. 1.4. Обобщенная когнитивная модель речемыслительной деятельности билингва

Такое дополнительное членение позволяет осуществлять адекватное описание (отнесенное к первичноязыковой – ребро пирамиды ED и иноязычной – ребро BE компетенциям) влияния ведущих факторов (естественное, заинтересованное, вынужденное и необходимое овладение) на процесс интерференции как одного из неизбежных следствий овладения билингвом указанными языками.

Ось пирамиды OE отражает идеализированную траекторию порождения в сферах духовного бытия говорящего (экзистенциальное, ментальное, трансцендентное [119, с. 88–104]) определенных моделей-прототипов высказываний, соответствующих реализации культурной нормы вторичного языка, аналоги которых, будучи трансформированные сознанием (точка E), материализуются (вектор R) под его контролем в процессе коммуникации. Понятно при этом, что энергия протекания когнитивных процессов (ось OE) как компонентов речемыслительной деятельности индивида, и реализация результатов их

завершения, отражающихся непосредственно в актуализации произношения (вектор R), нуждаются в определенной психофизиологической энергии человека, толчок для возбуждения которой дают те или иные факторы, рассматриваемые в плоскости прагматического потенциала коммуникации.

В силу заложенной в модели триады координат “структура языка – языковая практика – порождение речи” становится очевидным, что актуализация речи билингва происходит в плоскости, расположенной между воображаемыми осями знания им структуры первичного языка и индивидуальной логики порождения речи, а присущие ему производительные способности реализуются в плоскости, ограниченной осями языковой практики и индивидуальной логики порождения речи. Это дает нам основания трактовать порождаемый моделью артефакт таким образом: определяющими факторами, интегрирующими все остальные факторы, влияющие на порождение интерферированной речи, являются языковая компетенция и производительная способность. В условиях многофакторного экспериментально-фонетического исследования интерферированной речи этот артефакт приобретает весомое значение, поскольку использование в качестве параметров порядка количественных показателей уровней компетенции и производительной способности билингва как ведущих факторов, определяющих ход указанного процесса, повышает надежность прогнозирования и адекватность описания получаемых результатов.

Что же касается факторов, предопределяющих особенности протекания и взаимодействия бессознательных, предсознательных и сознательных процессов в актуализации речи, то на нашей модели они обозначены как первичноязыковая (ребро ED) и иноязычная (BE) компетенции билингва. При этом из модели видно, что первичноязыковая компетенция (ребро ED) возникает как следствие взаимодействия условий приобретения практики первичного языка (плоскость AED) и знания его структуры (плоскость DEC). Подобным образом декодируется и содержательное насыщение фактора иноязычной компетенции (см. ребро BE и соответствующие плоскости BEC и BEA). Благодаря этому, имеет

место артефакт, согласно которому параметрами порядка для адекватного научного описания феномена актуализации интерферированной речи должны служить первичноязыковая и иноязычная компетенции.

Рассматривая далее сформированную модель, выделим, по меньшей мере, два таких сугубо когнитивных признака ее структуры. Во-первых, в соответствии с работой [119, с. 88–104] моделированное в пределах пирамиды пространство разделено нами на три сферы духовного бытия индивида: сфера его экзистенциального бытия, ограниченная пространством, расположенным между воображаемыми плоскостями H и F, пространство ментального бытия, замкнутое соответственно плоскостями H и G, и сфера трансцендентного бытия, представленная пространством между плоскостью G и точкой E, которой обозначено сознание билингва. Во-вторых, именно благодаря этому, диагональное сечение BED пирамиды позволяет отражать в его плоскости интерферированную языковую систему, в пределах которой можно моделировать стохастические процессы порождения интерферированной речи, развивающиеся в направлении от основы пирамиды к ее вершине.

Для повышения наглядности дальнейшего анализа структуры и содержания указанных процессов плоскость BED, выделенная нами из модели рис. 1.4 и названная стохастической моделью порождения интерферированной речи, представлена на рис. 1.5.

В соответствии с положениями работы [119, с. 88–104] с помощью зрительных образов в рассматриваемой модели нами четко разграничены сферы духовного бытия индивида (треугольник BED) и сфера его сознания (точка E). Для этого над границей (BD) плоскости прагматического потенциала коммуникации (ABCD, см. рис. 1.4), возбуждаемого вследствие комплексного взаимодействия факторов овладения языком вообще и продуцирования высказываний в частности, расположена сфера экзистенциального бытия билингва, под которым принято [там же, с. 89] понимать все, что имеет отношение к уникальной неповторимости внутреннего человеческого бытия, ощущение индивидом своей принадлежности к высшему и не может быть воспроизведено на языке понятий.

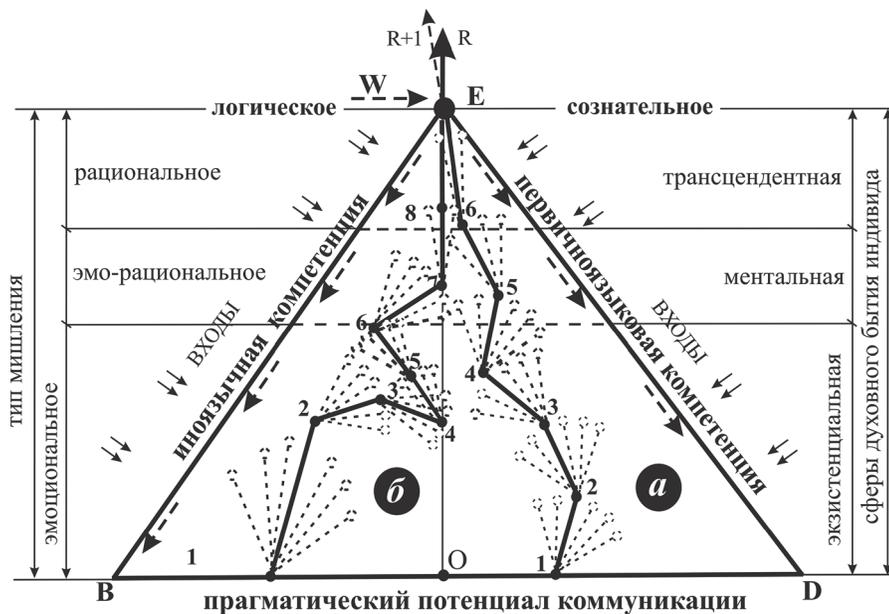

Рис. 1.5. Стохастическая модель порождения интерферированной речи

В области экзистенциального бытия билингва, которому присущ максимальный потенциал психофизиологической энергии, происходит непрерывная работа его бессознательного начала. Благодаря этому в отдельных популяциях нейронов головного мозга создаются энергетические поля, приводящие к перераспределению энергетических потенциалов нейронов. Именно изменение этих потенциалов и играет роль следов эмоциональных состояний, переживаемых индивидом в той или иной ситуации. Эти следы трансформируются и постепенно агрегируются в более сложные структуры, способные выполнять функции определенных эмоциональных концептов. Отсюда вполне очевидно, что акты экзистенциального бытия человека разворачиваются в сфере его бессознательного и основываются на эмоциональном

мышлении, движущей силой которого является психофизиологическая энергия личности.

Над сферой экзистенциального бытия последовательно расположены ментальная и трансцендентная сферы. Разделяя идеи автора работы [119, с. 90], мы считаем, что в ментальной сфере билингва происходит взаимодействие глубинных уровней коллективного и индивидуального сознания, определяющие ход его мыслей и специфику чувств, основанных на бессознательных умственных установках, а также на привычках его поведения и эмоциональной готовности к восприятию и познанию окружающего мира. Не вызовет, пожалуй, сомнения и то, что ментальное бытие человека, протекающее в сфере его предсознательного, опирается на эмо-рациональное мышление и служит своеобразным барьером или фильтром, способным существенно трансформировать информацию / сигналы, поступающие из сферы бессознательного. Важно и то, что стохастические ментальные процессы реализуются в условиях весьма значительного, а иногда и резкого перепада разнонаправленных психоэнергетических потенциалов, генетически обусловленных результатов эмоционального мышления и акцентных, социально обусловленных следствий рационального мышления.

При этом трансцендентное бытие билингва, протекающее в сфере его предсознательного, основывается на рациональном мышлении, креативные элементы которого сознание индивида способно трансформировать в определенные абстрактные понятия.

Тем не менее, ведущую роль в духовном бытии человека играет сознание, основная энергия которого направлена на разработку и контроль реализации определенных коммуникативных технологий и актов поведения. Для этого сознание использует результаты биологического инстинктивно-эмоционального опыта индивида (продукт экзистенциального бытия), генетико-культурную информацию (продукт ментального бытия) и социокультурное знание (продукт трансцендентного бытия). Именно такой специфической ролью сознания и различием природы решаемых им проблем и обусловлены его полифункциональные способности к четкой постановке задач; поиску, обработке и синтезу

информации, необходимой для их решения; контролю и табуированию информации, поступающей из экзистенциальной и ментальной сфер в трансцендентную; оценке и использованию результатов когнитивных и креативных процессов, происходящих в сфере предсознательного; формированию сигналов для трансформации концептов тезаурусных структур экзистенции и ментальности; продуцированию команд на перемещение информации из долгосрочной памяти в краткосрочную и обратно; стиранию из памяти устаревшей и избыточной информации и т.п. [119, с. 91–92].

Изложенные выше результаты выяснения особенностей речемыслительной деятельности билингва убедительно свидетельствуют, что процессы порождения интерферированной речи имеют явный стохастический характер. Поэтому наиболее адекватным методологическим средством их теоретического познания следует считать синергетический подход, позволяющий рассматривать процесс порождения интерферированной речи как сложную открытую систему, находящуюся в неравновесном состоянии с присущей ей способностью к самоорганизации. Естественно, что дальнейшее описание модели, ориентированное на более глубокое и принципиально новое понимание закономерностей порождения интерферированной речи, осуществляется нами с использованием понятий теории саморазвивающегося хаоса и синергетики [129, с. 132–163, 167–181].

Напомним, что в нашем случае параметрами порядка, определяющими особенности протекания хаотических процессов порождения интерферированной речи, в соответствии с рассматриваемой моделью, будут служить первичноязыковая и иноязычная компетенции билингва. Кроме того, сфера духовного бытия билингва как любая открытая неравновесная сложная система осуществляет свою связь с внешней средой через входы информации и соответствующие ее выходы (R , $R+1$). Роль ее входов во время коммуникации могут, как известно, выполнять не только звуковая информация, но и другие ее сенсорные виды.

Тем не менее, решающее влияние на ход коммуникации билингва имеет указанная на модели вектором W вербальная информация, вос-

принимаемая его сознанием в звуковой форме от собеседника. Будучи декодированной и обработанной сознанием билингва, эта информация, изображенная на модели рис. 1.3 штриховыми стрелками, направленными параллельно сторонам треугольника, поступает в виде нервных импульсов через нейронные связи одновременно ко всем нейронным популяциям, принимающим участие в функционировании описанных нами сфер его духовного бытия.

Вследствие этого активизируются группы нейронов, вызывающие формирование прагматического потенциала коммуникации и возбуждение энергии соответствующего эмоционального потенциала. Это энергетическое возбуждение психической сферы билингва порождает речь и приводит к ее физической материализации в виде связного текста или конкретного высказывания.

Начало процесса порождения речи как исходная точка (1) саморазвития структуры-аттрактора 1-Е по варианту *a* является точкой первой бифуркации, индексированной на прямой BD. В этой точке происходит процесс вхождения системы в хаос, вследствие которого происходит ослабление влияния параметров порядка на параметры состояния и повышение ее чувствительности к внешним влияниям. Роль внешних воздействий играют еще неявные интенции говорящего и нечеткие прагматические установки, энергия которых поступает из плоскости прагматического потенциала коммуникации.

На следующем этапе развития системы в хаосе в ней на основе однозначно сформированной эмоционально-прагматической задачи зарождаются ростки всего разнообразия структур потенциальных последующих бифуркаций, т.е. зарождаются сосуществующие одновременно первый конкретный аттрактор (1-2) и общая структура-аттрактор (1-Е).

На третьем этапе – стадии выхода системы из хаоса и обострения кризиса ее саморазвития в точке 1 – начинается процесс перехода от хаоса к порядку, внутри которого происходит усиление влияния параметра порядка (в случае траектории *a* имеет место относительное усиление влияния первичноязыковой компетенции), определяющего дальнейший

выбор альтернатив потенциального пути развития неравновесной системы, т.е. имеет место зарождение структуры развития процесса продуцирования интерферированной речи. Вследствие этого конкретизируется направление первого частного аттрактора (1-2), характеризующее состояние движения системы на данном отрезке его саморазвития, расположенное между предыдущей (1) и последующей (2) точками бифуркации. Траектория его реализации начинает формироваться в пределах так называемого веера возможных альтернатив (изображенных на модели штриховыми линиями), потенциальные направления которых обусловлены описываемыми выше параметрами состояния системы (языковая практика, ментальность говорящего, его психофизиологические особенности, и т.п.), и завершает свое формирование выбором конкретного направления (1-2), продиктованным преобладанием влияния параметра порядка (т.е. первичноязыковой компетенции).

Таким образом, сущность развития процесса порождения речи, достигшего второй точки бифуркации, заключается в том, что в сфере бессознательного под влиянием первичноязыковой компетенции как параметра порядка состоялся выбор психикой индивида определенного эмоционального фоноконцепта-прототипа. После прохождения системой описанных выше стадий вхождения в хаос, ее развития в хаосе и выхода из него происходит становление следующего аттрактора (2-3). В процессе его становления осуществляется сопоставление эмоционального фоноконцепта-прототипа с веером возможных альтернатив выбора соответствующих фоноконцептов-аналогов. При этом отклонение аттрактора 2-3 в сторону оси модели свидетельствует об ослаблении влияния первичноязыковой компетенции как параметра порядка развития системы и усилении влияния диалектически взаимосвязанной с ним иноязычной компетенции. В результате прохождения системой кризисного состояния в точке ее развития (3) в соответствии с описанным механизмом под действием ряда других параметров состояния формируется направление частного аттрактора 3-4, резкое отклонение которого в сторону оси модели является следствием значительного усиления влияния иноязычной компетенции билингва.

Образ эмоционального фоноконцепта-прототипа, сформированного в экзистенциальной сфере предсознания билингва, и поднимается на уровень сферы ментального бытия индивида, трансформируясь при этом в соответствующий эмо-рациональный фоноконцепт, обозначенный на модели точкой (5). За счет преобладания влияния иноязычной компетенции в направлении аттрактора 5-6 происходит аналогичная трансформация эмо-рационального фоноконцепта в рациональный фоноконцепт (точка 6). Особенности развития системы в этой точке бифуркации в трансцендентной сфере билингва определяют конечный результат этапа порождения речи, в виде вполне сформированного рационального фоноконцепта, сущность которого и отражается в сознании в объеме логического фоноконцепта-прототипа (точка E). Таким образом, в последней точке (E) структуры-аттрактора, т.е. в конечном аттракторе, завершается развитие стохастического процесса порождения фоноконцепта конкретного высказывания. Дальнейший выбор окончательного варианта просодического оформления речи происходит уже исключительно на основании диалектико-логического механизма формирования сознанием конечной структуры фоноконцепта [98, с. 48–49; 99, с. 3–9], которая и актуализируется в реальной речи.

Из модели видно, что результатом саморазвития стохастического процесса порождения речи в психической сфере индивида, начало которого осуществлялось по варианту (а) в силу преобладающего влияния первичноязыковой компетенции в точке (1), возникает фонетическая интерференция. Об этом свидетельствует адекватное углу наклона аттрактора 6-E, отклонение реального вектора фонетического оформления речи ($R+1$) в сторону первичноязыковой компетенции.

Качественно иная картина наблюдается в случае зарождения в экзистенциальной сфере индивида фоноконцепта-прототипа, которое происходит вследствие преобладающего влияния иноязычной компетенции (см. вариант б, точка 1). Особенность описываемого ею стохастического развития процесса порождения фоноконцепта заключается именно в том, что структура-аттрактор этого развития разворачивается исключительно под влиянием иноязычной компетенции, результатом

чего является произношение, адекватное культурной норме второго языка, обозначенное на модели вектором R .

Сопоставление рассматриваемых траекторий вариантов (а) и (б) позволяет осознать еще один важный артефакт, свидетельствующий о том, что, независимо от конкретных форм ломаных кривых, изображающих саморазвитие процессов порождения речи в сфере духовного бытия билингва, все их известное множество может быть описано двумя глобальными типами структур-аттракторов: структурой-аттрактором, зарождение которого происходит под преобладающим влиянием первичноязыковой компетенции и приводит к проявлению фонетической интерференции, и структурой-аттрактором, исходный фоноконцепт-прототип которого, формируясь под превалирующим влиянием иноязычной компетенции, обеспечивает просодическое оформление речи, адекватное культурной произносительной норме вторичного языка.

Поскольку в реальной практике речь билингва, порождаемая по схеме траектории (б), является скорее исключением, чем нормой, то в объеме рассмотрения нашей проблемы возникает смысл углубленного анализа типичных моделей интерферированной речи по варианту (а), зарождение которой происходит под влиянием первичноязыковой компетенции и приводит к проявлению фонетической интерференции (см. рис. 1.6).

Как видно из модели, отличительным признаком структур-аттракторов, изображающих самопорождение интерферированной речи билингвом, служит их преимущественная актуализация в плоскостях первичноязыковой компетенции говорящего (см. правую часть модели 1.5 – треугольник OED). По указанному признаку стохастические процессы речи могут быть интерпретированы двумя соответствующими схемами (структурами-аттракторами). Структуры-аттракторы первого типа (*a*, *b*, *v*, рис. 1.6) формируются исключительно в плоскости первичноязыковой компетенции билингва. В отличие от них, некоторые частные аттракторы структур-аттракторов второго типа (*z*, *d*, *e*, рис. 1.6) могут локализоваться также в плоскости иноязычной компетенции на уровнях разных сфер духовного бытия индивида: экзистенциальной, ментальной, трансцендентной.

Рис. 1.6. Вариантные модели порождения интерферированной речи

Следовательно, в реальной речи билингва могут иметь место два типа вариантов моделей порождения интерферированной речи: сугубо в пределах первичноязыковой компетенции духовного бытия индивида (модели *a*, *b*, *v*, рис. 1.6) и в сфере его двуязычной компетенции (модели *d*, *z*, *e*, рис. 1.6).

Дальнейшую дифференциацию вариантных моделей порождения интерферированной речи целесообразно проводить по признаку уровня духовного бытия билингва, в пределах которого и зарождается определяющая ошибка произношения (на моделях рис. 1.6 эти ошибки обозначены незатонированными точками). Здесь мы имеем еще один важный артефакт, свидетельствующий, что по мере углубления источников ошибок произношения билингва от трансцендентной до экзистенциальной сфер возрастают трудности их исправления.

Исходя из признаков, обоснованных в рамках постулатов сформированной нами концепции, стохастические процессы порождения интерферированной речи билингва могут протекать по двум типами его инвариантов: первичноязыковое и двуязычное порождение (*a*, *b*, *v* и *d*, *z*, *e*). В вариантных реализациях каждого типа фактор возникновения ошибок произношения может варьировать в пределах трех уровней духовного бытия индивида: экзистенциальное, ментальное, трансцендентное. При таких условиях все разнообразие существующих проявлений интерференции в речи билингва целесообразно систематизировать в соответствии с двумя инвариантными моделями и тремя вариантными реализациями каждой из них.

Как отмечалось выше, предложенная нами модель также может быть дифференцирована на сложные взаимодействующие между собой системы, а именно общую языковую доминанту и параметры фонетической доминанты сегментного и просодического уровней. Для этого достаточно редуцировать содержание интерферированной языковой системы к более конкретному содержанию интерферированной фонетической системы.

Сформированная таким образом синергетическая концепция позволяет изучать взаимообусловленность и взаимозависимость всех фоне-

тических средств, образующих фонетическую систему языка, поскольку она способна отразить взаимодействие общей языковой доминанты сегментного и просодического уровней, составляющих фонетическую систему, нарушаемую интерферирующими элементами родного языка, который, собственно, и служит причиной появления произносительного акцента в речи.

Очевидно также, что обоснованной нами стохастической модели порождения интерферированной речи присущи признаки универсальности, т. е. пригодности для описания результатов экспериментально-фонетического исследования динамики взаимодействия первично-языковой и иноязычной компетенций в ментальной сфере билингва.

1.4. Энергетика порождения и декодирования речи коммуникантом

Проведенный нами анализ особенностей саморазвития когнитивных процессов, протекающих в психических сферах адресанта и адресата, дает возможность сделать ряд обобщений и использовать их в обосновании теоретико-концептуальной энергетической модели порождения и декодирования речи коммуникантом.

Направленный на это синтез сущностей исходных идей об эмоционально-прагматическом потенциале высказывания и многоуровневой структуре человеческой психики позволил интерпретировать энергетическую картину процессов речемышления и мышледействия в виде изображенной на рис. 1.7 многоуровневой модели функционирования психофизиологической энергии в сфере духовного бытия коммуниканта.

Раскрывая смыслодержательное насыщение сформированной таким образом модели, отметим, что, прежде всего, в соответствии с принципом сохранения, указанный на ней поток различной по своей

природе коммуникативной информации (X) поступает через оболочку сознания в соответствующие сферы психики реципиента. При этом подавляющая часть эмоционального потенциала высказывания (x_3), будучи частично (x_3') воспринятой сознанием, локализуется в основе своей в экзистенциальной сфере психики реципиента, характеризующейся происходящими в ней процессами эмоционального мышления [120, с. 209]. Подобным образом частично контролируемая сознанием (x_2'), эмо-рациональная информация (x_2) достигает ментальной сферы психики реципиента. В свою очередь, рациональная (x_1), полностью воспринимаемая сознанием (x_1'), коммуникативная информация локализуется в трансцендентной сфере.

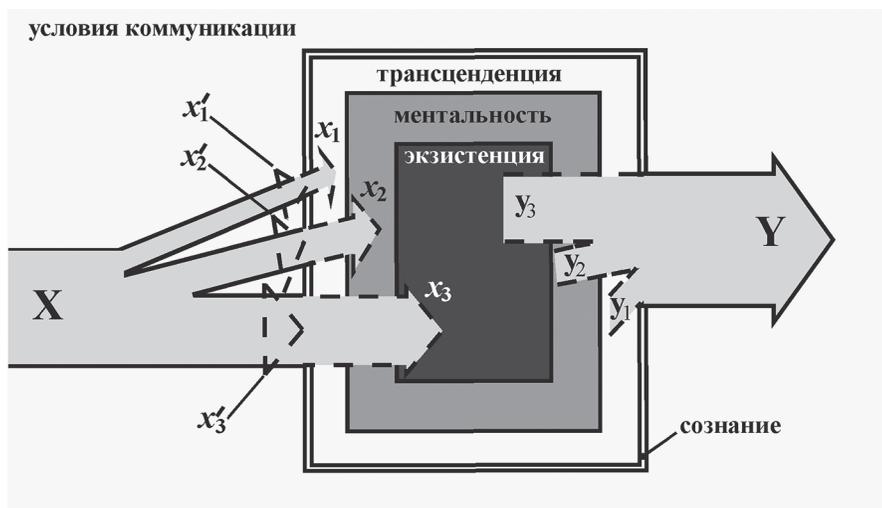

Рис. 1.7. Многоуровневая модель функционирования психофизиологической энергии в сфере духовного бытия коммуниканта

Воспринимаемый первой сигнальной системой поток психофизиологической энергии, несущий коммуникативную информацию, возбуждает соответствующие популяции нейронов, обеспечивающие функционирование каждого из уровней психики адресата. Это возбуждение

приводит к запуску когнитивных процессов мышления индивида, результаты которого фиксируются сознанием, изображенным на модели в форме оболочки многоуровневой системы, описывающей структуру его духовного бытия.

Естественная реакция реципиента на воспринятую и осознанную в реальных условиях коммуникации информацию неизбежно порождает в его психике ответную реплику, реализуемую, чаще всего, в форме высказывания, сопровождаемого паралингвистическими средствами. При этом психофизиологическая энергия являющаяся следствием возбуждения работы его психики, материализуется в эмоционально-прагматическом потенциале высказывания. Передаваемый ответной репликой поток коммуникативной информации (Y) по описанной выше схеме аккумулирует в себе слабо контролируруемую сознанием эмоциональную (y_3), эмо-рациональную (y_2) и рациональную (y_1) составляющие информации высказывания. Эти составляющие, будучи объединены логической информацией как оболочкой рассматриваемой энергетической системы, и образуют смысл высказывания, материализуемого окончательно под контролем сознания в письменной или устной форме.

Рассматривая модель, следует помнить, что важнейшими факторами, способными оказывать влияние на формирование уровня эмоционально-прагматического потенциала высказывания, являются условия коммуникации (формальная / неформальная ситуация общения, направленность высказывания на адресата, присутствие / отсутствие третьих лиц, речевое поведение собеседника и т.д.), индивидуальные особенности личности коммуниканта (социокультурный статус, психологический тип, духовные ориентиры, состояние здоровья, отношение к собеседнику и т.п.) и содержание коммуникации.

Переходя к осмыслению перспектив дальнейших исследований в рамках энергетической теории речи, сосредоточим внимание на очевидных фактах. Так, сегодня можно с полным на то основанием утверждать, что на реализацию индивидом полного цикла устной или письменной коммуникации его организм должен расходовать определенное количество инстинктивно-мышечной и психофизиологической энергии.

Не вдаваясь в подробности рассмотрения уже возникшей по этому вопросу полемики, ограничимся лишь общеизвестными фактами, в силу которых общая энергетическая система человека функционирует на основе определенных сложно организованных биоэнергетических процессов. Очевидно, что здесь мы имеем дело с особой формой интеграции уже известных науке элементарных видов электромагнитной, химической, биоосмотической, диссоциативной и биоиндуктивной энергий. Кроме того, к внешним по отношению к человеку воздействиям, также способным оказывать существенное влияние на протекание биоэнергетических процессов в его организме, принято относить геомагнитные поля, солнечный ветер, темную энергию космоса и ряд других еще недостаточно изученных видов космических излучений, механизмы взаимодействия которых с психикой индивида окончательно не установлены.

На первый взгляд может показаться, что лингвистика еще не готова решать столь сложные по своей природе проблемы. Однако такие сомнения представляются нам излишними. Во-первых, объекты лингвистических исследований в области психо-энергетики были и остаются ориентированными исключительно на процессы, связанные с речемышлением и мышледействием индивида во вполне определенных условиях коммуникации. Во-вторых, экспериментальным материалом таких исследований являются, преимущественно, две формы материализации речемышлительной деятельности: письменная и устная речь. В-третьих, изучение процессов речепорождения вообще и материализации его результатов в указанных формах в частности, носят в подавляющем большинстве случаев ретроспективный характер. В-четвертых, на это, пожалуй, стоит обратить особое внимание, любой объект энергетических исследований речи без сомнения является многопараметрическим феноменом. А отсюда и вытекает необходимость его многофакторного исследования, в теоретико-экспериментальном инструментарии которого, так или иначе, используется широко известный метод черного ящика.

Отметим здесь, что накопленный лингвистами практический опыт отчетливо свидетельствует о возможности и необходимости опериро-

вать в процессах разработок новых теорий не отдельными, пусть даже весьма значимыми факторами, а их определенными совокупностями или комплексами. Предостерегая от возможных заблуждений, следует добавить к сказанному, что в лингво-энергетических исследованиях нам важна не столько природа рассмотренных энергетических процессов коммуникации, сущность которой еще мало известна, сколько установление, в первую очередь, динамики изменения их количественных энергетических характеристик.

Поэтому при формировании общей энергетической картины продуцирования и восприятия речи мы обратились к изложенному выше разделению трёх её энергетических потоков.

Такое разделение энергетической картины коммуникации на ее указанные компоненты и было положено в основу графической интерпретации условной структурно-энергетической схемы порождения и декодирования речи коммуникантом, изображенной на рис. 1.8.

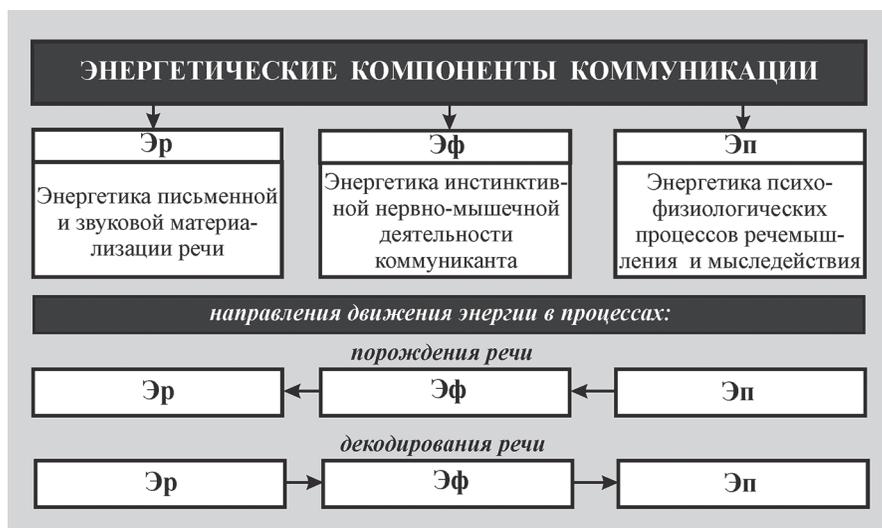

Рис. 1.8. Условные структурно-энергетические картины порождения и декодирования речи коммуникантом

Приведенная схема, вытекающая из полученного нами практического опыта исследования общей картины порождения и декодирования смысла высказывания, показывает, что объектами дальнейшего познания энергетической картины коммуникации должны выступать в основе своей энергия психической сферы индивида и обеспечивающие ее эффективное функционирование энергии инстинктивной и физиологической деятельности его организма.

При этом следует сделать особый акцент на том, что в реализации любого вида, а также всех известных форм коммуникации принимают участие три указанных на схеме рис. 3 энергетических компонента (Эр, Эф, Эп). Различие в последовательности задействования этих компонентов в коммуникации связано с векторной разнонаправленностью движения энергии в процессах порождения и декодирования речи. Так, в ситуации порождения речи будет иметь место направление движения энергии от психофизиологических процессов речемышления и мыследействия адресата (Эп) к актам письменной или звуковой материализации речи (Эр). Вполне понятно, что при декодировании речи вектор движения энергии примет обратное направление: от энергетики письменной или звуковой материализации речи (Эр) к актам актуализации психофизиологических процессов речемышления и мыследействия адресанта (Эп).

Поскольку, как известно [120, с. 202], внутренняя энергия эмоциональной сферы человека обеспечивает чрезвычайно сложную цепную реакцию – спонтанное мышление индивида, являющееся основой процессов его экзистенциального бытия, мы получаем основания отнести к внутренней энергетике личности энергию всех без исключения психофизиологических процессов и актов инстинктивной нервно-мышечной деятельности коммуниканта. В таком случае энергетику письменной и устной материализации речи следует рассматривать как внешнюю по отношению к адресату и адресанту. Такое разделение имеет смысл хотя бы потому, что внутренняя энергия обеспечивает процессы речемышления и мыследействия человека, а внешняя является лишь результатом их материализации. Собственно говоря, отсюда и проис-

ходит строго регламентированный методологией критерий разделения процесса порождения речи (Эп → Эф) как объекта энергетического исследования и экспериментального материала как материального результата (Эр) функционирования изучаемого объекта.

Рассматривая подробнее природу энергетических компонентов Эф и Эп, следует понимать, что не только нервно-мышечная деятельность коммуниканта, а также подавляющая часть его психофизиологических процессов речемышления и мыследействия реализуется на основе взаимодействия определенных, а, следовательно, специфических комплексов инстинктов. Именно в силу этого факта схема рис. 1.8 и выступает в качестве условной структурно-энергетической картины коммуникации.

В процессе выполнения экспериментальных лингво-энергетических исследований особых проблем из-за этого не возникает. Для проведения энергетических экспериментов в настоящее время в смежных науках широко используют системы биологической обратной связи, с помощью которых по дыханию, пульсу, потоотделению (кожно-гальванический эффект) и т.п. фиксируются количественные показатели, свидетельствующие о динамике изменения энергетических потенциалов. Известны также головные приборы типа эмотив, регистрирующие сигналы головного мозга (их называют еще приборами мысленного управления виртуальной реальностью и используют при соответствующем программном обеспечении для управления роботами). По показаниям этих приборов не составляет труда отследить перераспределение энергии между логическим и эмоциональным началами психики коммуникантов.

Однако с практической точки зрения трудности здесь могут возникнуть, скорее, при формировании лингвистами четкой целевой структуры комплексного междисциплинарного исследования, а также поиска возможности конкретизации методологии и разработки либо заимствования из смежных наук новых методов познания особенностей функционирования и взаимодействия трех указанных выше форм энергий.

Естественно, что при этом наиболее пристального внимания требуют процедуры обоснования методолого-технологических основ разработки частных методик экспериментально-энергетических исследований речи. Во избежание возможных затруднений не следует, прежде всего, игнорировать известные, введенные нами наряду с авторскими в концептуальную основу энергетической теории речи, наиболее важные постулаты работы [120, с. 205–213]:

1) экзистенциальное бытие человека, протекающее в сфере его бессознательного, основано на эмоциональном мышлении, движущей силой которого является психофизиологическая энергия личности;

2) речемыслительная деятельность индивида отличается принципиально от его экзистенциального бытия тем, что речемыслительные процессы протекают под контролем сознания и, следовательно, результаты их завершения оформляются в соответствии с правилами диалектической логики, а экзистенциальные акты свершаются в сфере бессознательного и реализуются по законам саморазвивающегося хаоса;

3) порождение речи обеспечивается психофизиологической энергией протекающих в экзистенциальной сфере говорящего актов речемышления и мыследействия, толчки к возбуждению которых появляются в пределах от естественного интереса до умеренного стресса, возникающих у индивида по отношению к объекту осмысления или обсуждения;

3) эмоциональная энергия (энергия эмоционального мышления) экзистенциальной сферы коммуниканта является и причиной, и движущей силой развития всех без исключения его речемыслительных процессов и мыследействий;

4) эмоционально-энергетические процессы, происходящие в экзистенции, подчиняясь законам саморазвивающегося хаоса, порождают в психической сфере индивида определенные неосознаваемые им поля интенций, энергия которых передается соответствующим ментальным структурам;

5) сферу ментального бытия индивида следует рассматривать как область его наиболее конфликтного эмо-рационального мышления, ха-

рактизирующегося диссипативными потерями психофизиологической энергии в ситуациях постоянно возникающего выбора между полярными альтернативами.

Оценка перспективных возможностей практического использования результатов разработки теоретико-концептуальных основ энергетической теории речи показала необходимость дополнительного решения ряда методологических проблем в объеме предпринятых нами лингво-энергетических исследований. В круг этих проблем входил, прежде всего, вопрос формирования методологических основ подхода, позволяющего синтезировать продуктивные идеи указанных на рис. 1.1 лингво-энергетических, социо-энергетических и психо-энергетических исследований.

При этом очевидной стала и потребность в изложенных ниже обоснованиях функционально-уровневого подхода к взаимодействию эмоций и прагматики в речи, методов энергетического процесса устной актуализации речи, критерия оценки уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания, методологических предпосылок оптимизации коммуникативного воздействия, метода оценки эмоционально-прагматического потенциала речевых пауз, методологических предпосылок исследования суггестии речемусыкальных произведений и ряда конкретных методологических идей, направленных на экспериментальное изучение суггестивного потенциала отдельных компонентов интонационной системы речи.

ГЛАВА 2.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЛИНГВОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. Функционально-уровневый подход к взаимодействию эмоций и прагматики в речи

Анализируя лингвистические источники, нетрудно убедиться в том, что в рамках функционально-прагматического подхода методологическим фундаментом для изучения закономерностей функционирования системы фонетических средств актуализации смысла высказывания служит ряд теоретических и эмпирических общенаучных принципов, лежащих в основе их традиционных исследований.

Так, авторы всех без исключения работ, направленных на изучение проблемы функционирования фонетических средств языка [8, с. 125; 216, с. 116–126; 217, с. 31; 278, с. 265–279; 310, с. 210–213 и др.], выходят из известного теоретического научного принципа лингвистики – принципа взаимосвязи и взаимодействия эмоций и смысла в речи. Кроме того, подавляющее количество теоретических разработок в лингвистике [36, с. 22863, с. 42; 70, с. 17; 217, с. 30–32; 86, с. 182–193; 252, с. 515; 264, с. 77–91; 272, с. 38; 285, с. 155; 299, с. 335–365; 312, с. 1–18; 313, с. 1–16; 314, с. 325–347 и др.] базируется на не менее известном научном принципе универсальности языковых средств и явлений. При этом во время выполнения любого исследования языковой действительности его авторы сознательно или подсознательно используют также общенаучный теоретический принцип бесконечной делимости изучаемого, поскольку, как известно [53, с. 91–94], все типы и формы научного анализа строятся именно по указанному принципу.

В отличие от общего теоретического уровня лингвистики, на эмпирическом уровне в процессах планирования и проведения эксперимен-

тальных исследований фонетических средств актуализации смысла высказывания особое значение приобретают методологические научные принципы, использование которых позволяет осуществлять обобщение и унифицированное описание получаемых результатов. Здесь, в первую очередь, следует отметить принцип суперпозиции. Его практическая реализация позволяет оптимизировать описание результатов изучения закономерностей функционирования фонетических средств, требуя, в свою очередь, использования научных представлений и понятий, разработанных в фонетической теории с применением упомянутых выше теоретических принципов.

Не менее важным методологическим принципом является и принцип инвариантности, согласно которому научный поиск направляется на выявление определенных фонетических универсалий, или интонационных моделей, а инвариантность их функционирования в процессе создания смысла высказывания оценивается статистически.

Обобщение результатов такого анализа, покажет, что в основу научных поисков фонетистов заложена определенная двухуровневая система ведущих принципов. На теоретическом уровне исследований, как минимум, функционируют принципы взаимосвязи и взаимодействия, универсальности, бесконечной делимости объекта, а на экспериментальном уровне – принципы суперпозиции и инвариантности. Вполне естественно при этом, что при решении множества конкретных теоретических и экспериментальных вопросов фонетики систему указанных принципов принято дополнять определенной совокупностью других общих или частных принципов (непрерывности, развития, вероятности, симметрии, зеркального отражения, синергетики и т.д.). В каждом конкретном случае такое дополнение приводит к созданию новой системы принципов, а, следовательно, и соответствующих новых теоретических представлений (классификаций, моделей, подходов к анализу, методологических подходов и т.д.), которые фонетическая наука вынуждена подтверждать экспериментальными фактами.

Понятно, что для подтверждения основных положений разрабатываемой нами энергетической теории речи, фундаментом которой служит

сформулированный в подразделе 1.3 и работах [90; 96] новый теоретический принцип сохранения эмоционально-прагматического потенциала высказывания, возникла необходимость обоснования и нового теоретического подхода к проблеме экспериментального исследования особенностей взаимодействия эмоций и прагматики в речи. Основой такого подхода стала выдвинутая нами идея, в соответствие с которой в процессе речевой деятельности людей образуется определенное речевое пространство, в объеме которого функционируют различные по смыслу, сложности структуры и просодическому оформлению высказывания, порождаемые в результате взаимодействия эмоционального и логического начал психики коммуникантов.

Учитывая это, перейдем непосредственно к изложению логики и главных положений обоснованного нами нового теоретического подхода, названного функционально-уровневым подходом к взаимодействию эмоций и прагматики в речи. Отметим, что методологическим инструментарием его формирования послужила известная современная концепция научного моделирования [128, с. 62–78].

Для решения возникшей проблемы система изложенных выше принципов фонетики была дополнена двумя принципами. Ими стали принцип системности (всестороннего комплексного системного рассмотрения анализируемого объекта), принцип абстрагирования (мысленного выделения наиболее существенных свойств или признаков, связей и отношений объекта и сознательного игнорирования несущественных по отношению к цели исследования), а также предложенный нами теоретический принцип сохранения прагматического потенциала высказывания.

Напомним здесь, что сущность принципа “сохранения” отражает способность высказывания, реализованного говорящим в определенном эмоциональном состоянии, сохранять свой эмоционально-прагматический потенциал за счет его внутреннего перераспределения между фонетическими и другими смыслообразующими компонентами высказывания.

Исходя из этого, эмоции говорящего можно рассматривать как движущую силу процесса коммуникации. Под их воздействием в психике

говорящего возникает определенная интенция, порождающая в его сознании сложное взаимодействие логического и эмоционального начал, в результате которого высказывание и обретает устойчивый коммуникативно-прагматический потенциал.

Эмоционально-прагматический потенциал не исчезает, а, оставаясь неизменным в процессе реализации смысла высказывания, перераспределяется и в зависимости от условий коммуникации приводит к изменению степени эмоциональной нагрузки самого высказывания или уровня реализации его конкретной прагматической установки. Иными словами, интенция, порожденная эмоциональной реакцией говорящего, приобретает свой коммуникативный потенциал в виде конкретной прагматической установки как логического начала феномена речи, а передаваемые в высказывании эмоции представляют собой отражение его чувств как эмоционального начала.

В таком случае вполне очевидно, что из принципа сохранения как исходной идеи предпринятой нами теоретической разработки вытекает целесообразность рассмотрения взаимодействия двух основных факторов, влияющих на формирование смысла высказывания: эмоций говорящего и прагматики высказывания. Изобразим взаимодействие этих факторов на плоскости, образованной координатами направленности эмоций говорящего и прагматичной функцией высказывания. Тогда по интегральным координатам, выделенным жирными линиями (рис. 2.1), ось эмоций может быть разделена на два вектора: положительных и отрицательных эмоций. Соответственным образом обозначим ось общепрагматической функции, разделив ее на векторы побуждения субъекта к действиям и их сдерживания. Для повышения наглядности интегративной сущности построенных координат на модели дополнительно изображены две частные, менее общие плоскости, определенные координатами “чувства говорящего – воздействующая функция высказывания” и “ощущения говорящего – оценочная функция высказывания”.

Убедимся теперь, что любое возможное дополнение интегративной модели частными плоскостями типа “чувства говорящего – интенции говорящего”, “ощущения говорящего – прагматическое задание ком-

муникации”, “эмоциональное состояние говорящего – воздействующая или суггестивная функция высказывания”, “ощущение говорящего – интенции говорящего” и т.д. в соответствии с принципами взаимосвязи и бесконечной делимости должно сводиться к интегральным координатам обоснованной нами модели в направлении, обозначенном на ней штриховыми стрелками. Это свидетельствует о том, что по степени обобщения приведенная модель является адекватной принципу сохранения, с учетом которого она построена.

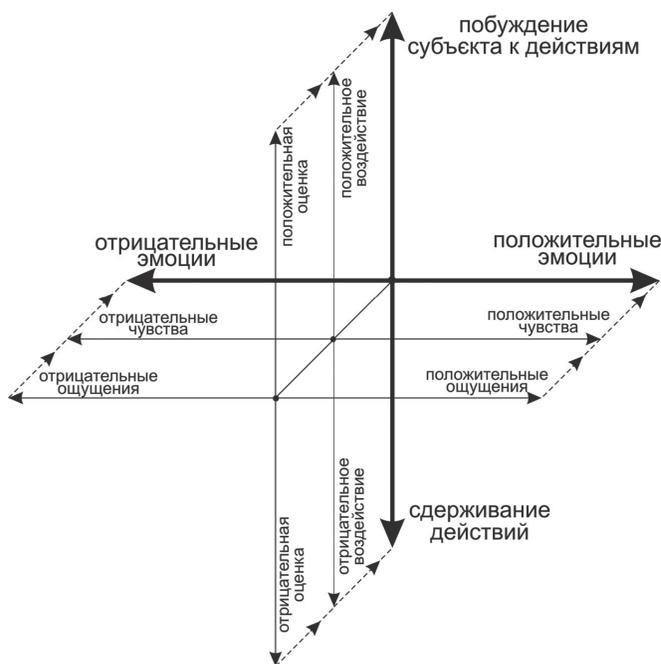

Рис. 2.1. Интегративная модель взаимодействия факторов порождения смысла высказывания в координатах “эмоция – прагматическая функция”

В указанных нами (см. с. 23–25) границах применения принципа сохранения говорить об определенном эмоциональном состоянии го-

ворящего, оказывающем непосредственное влияние на уровни интенсивности актуализации эмоциональных и прагматических характеристик высказывания. Для рассмотрения особенностей взаимодействия фонетических средств и прагматики в формировании смысла высказывания этот вопрос является весьма важным.

Направленный на его решение анализ показал, что эмоциональные характеристики высказываний определяются достаточно широкой совокупностью признаков. Их можно дифференцировать: по эмоциям – на развитые или зрелые и сложные [281], положительные, отрицательные и неопределенные [81, с. 4, 39; 45, с. 19–20]; по способности индивида контролировать эмоции – на значительный диапазон его состояний, от состояния аффекта до эмоционального уровня культурной нормы коммуникации индивида [243, с. 238–251; 256, с. 78–101; 81, с. 65, 31]; по социально-значимым чувствам – на протест, гнев, осуждение, раздражение, несогласие, обиду, грусть [219, с. 11–16] и др. Приведенное является лишь незначительным фрагментом примеров определения эмоциональных признаков высказываний, поскольку в других источниках можно найти классификации, состоящие из многообразия сочетаний этих и других признаков, объединенных по определенным уровням, степеням, зонам, последствиями или формами их влияния, проявления, актуализации и пр. Разнообразие и неоднозначность определений очерченного выше множества признаков вызвали необходимость поиска более обобщенных эмоциональных характеристик высказываний.

Роль искомым показателей могут, как это сказано выше, выполнять уровни интенсивности актуализации эмоциональных характеристик высказывания: высокий, средний и низкий. Использование таких общих по степени абстрагирования показателей и позволило нам осуществить дальнейшую трехуровневую унификацию всех существующих признаков, характеристик или свойств языковых реалий, связанных с эмоциональным состоянием говорящего. На основании абстрагированного и унифицированного таким образом членения признаков, отражающие положительные или отрицательные эмоциональные состояния говорящего, построена верхняя часть таблицы 2.1.

Таблица 2.1
 Обобщенно-сопоставительные показатели интенсивности
 актуализации эмоциональных характеристик высказываний

Обобщенные уровни интенсивности актуализации эмоциональных характеристик высказываний					
отрицательные эмоции			положительные эмоции		
высокий	средний	низкий	низкий	средний	высокий

Степени контролируемости эмоций, передающихся высказыванием					
отрицательные эмоции			положительные эмоции		
практически неконтролируемые	частично неконтролируемые	полностью контролируемые	полностью контролируемые	частично неконтролируемые	практически неконтролируемые

Уровни интенсивности выражения чувств в эмоциональных высказываниях					
отрицательные эмоции			положительные эмоции		
высокий	средний	низкий	низкий	средний	высокий

Формы отражения ощущений в эмоциональных высказываниях					
отрицательные эмоции			положительные эмоции		
неопределенная	частично определенная	полностью определенная	полностью определенная	частично определенная	неопределенная

Вторая часть таблицы, выделенная жирной линией, более конкретна, поскольку демонстрирует разделение интегральной оси эмоций, на обоснованные в работе [127, с. 3–17] степени их контролируемости в процессе реализации высказывания. В четвертой части таблицы в соответствии с моделью (рис. 2.1) форма отражения позитивных или негативных ощущений в эмоциональных высказываниях дифференцирована нами по таким качественным признакам: неопределенные, частично определенные и вполне определенные.

Выполненная унификация аккумулирует все известные в настоящее время общие признаки эмоциональных состояний и чувств говорящего. Поэтому, например, без каких-либо осложнений указанные во второй части таблицы 2.1 уровни практически неконтролируемых эмоций, то есть уровни эмоций высокой степени интенсивности, передающиеся высказыванием, в случае необходимости углубления классификации могут в пределах этого признака быть дифференцированы на уровни, маркируемые непосредственно конкретными чувствами: проклятие, угроза, ругательство, нападение и т.д., как это сделано в работе [220, с. 53]. Такая унификация, с одной стороны, свидетельствует о соответствии уровня обобщения обоснованных нами показателей (табл. 2.1) степени всеобщности принципа сохранения, с другой, введение таких показателей не нарушает существующей взаимосвязи и иерархии других конкретных лингвистических признаков эмоциональных высказываний.

На основании аналогичного анализа признаков реализации высказываниями их прагматических функций нами были обоснованы и обобщены показатели функционально-прагматических характеристик эмоциональных высказываний (табл. 2.2).

При этом, как и при формировании содержания предыдущей таблицы, в верхней части таблицы 2.2 также было применено разделение обобщенных уровней интенсивности реализации прагматических признаков на высокий, средний и низкий. Поэтому во второй части этой таблицы показателями степени интенсивности реализации общепрагматической функции эмоциональных высказываний, ось которой выделена на рис. 2.1 жирной вертикальной линией, приняты высокий, средний и низкий.

Таблица 2.2
 Обобщенно-сопоставительные показатели интенсивности
 актуализации функционально-прагматических
 характеристик эмоциональных высказываний

Обобщенные уровни интенсивности реализации прагматических характеристик эмоциональных высказываний					
сдерживание действий субъекта			побуждение субъекта к действиям		
высокий	средний	низкий	низкий	средний	высокий

Степени интенсивности реализации общепрагматических функций эмоциональных высказываний					
сдерживание действий субъекта			побуждение субъекта к действиям		
высокий	средний	низкий	низкий	средний	высокий

Уровни интенсивности реализации воздействующей подфункции общепрагматической функции					
сдерживание действий субъекта			побуждение субъекта к действиям		
значи- тельный	умерен- ный	незначи- тельный	незначи- тельный	умерен- ный	значи- тельный

Уровни интенсивности реализации оценочной подфункции общепрагматической функции					
сдерживание действий субъекта			побуждение субъекта к действиям		
высокий	средний	низкий	низкий	средний	высокий

Кроме того, уровни интенсивности реализации воздействующей подфункции общепрагматической функции, обозначенной на рис. 2.1 интегральной осью воздействия, классифицированы как значительный, умеренный и незначительный, а уровни реализации оценочной подфункции поделены на высокий, средний и низкий. Что же касается дифференциации форм выражения смысла высказывания, то нами использовано их традиционное разделение на эксплицитную, имплицитную и неопределенную.

Результаты проведенного таким образом анализа показали, что определенная совокупность обобщенных эмоциональных (табл. 2.1) и функционально-прагматических (табл. 2.2) показателей, являющихся соответствующими характеристиками высказывания, может выполнять роль системной матрицы для отбора признаков членения осей интегративной модели рис. 2.1, призванной описывать любые воображаемые плоскости функционально-уровневого взаимодействия эмоциональных и прагматических факторов речи, участвующих в формировании смысла высказывания.

Отметим, что в каждом конкретном случае проведения экспериментально-фонетического исследования в зависимости от цели функционально-уровневого анализа для создания необходимой плоскости взаимодействия эмоциональных и прагматических факторов мы имеем возможность использовать любое сочетание вертикальных и горизонтальных осей, изображенных на рис. 2.1 (то есть моделировать плоскости, образуемые, например, парами таких осей: “эмоции – коммуникативная функция”, “эмоции – воздействующая функция”, “эмоции – оценочная функция”, “чувство – коммуникативная функция”, “чувство – воздействующая или суггестивная функция”, “чувство – оценочная функция”, “ощущение – коммуникативная функция”, “ощущение – воздействующая функция”, “ощущение – оценочная функция” и т.п.). Выше мы также показали, что интегративная модель (рис. 2.1) в случае необходимости может дополняться любыми конкретными осями. Так, по горизонтали роль упомянутых осей могут выполнять “эмоциональное состояние говорящего”, “эмоциональная реакция

говорящего”, “способность говорящего выражать чувства” и т.п., а по вертикали – «интенция говорящего», “оценка говорящим результатов общения”, “оценка говорящим действий коммуниканта” и т.д.

Такая конкретизация, при условии соблюдения логики разделения обобщенно-сопоставительных показателей введенных новых конкретных осей в соответствии с таблицами 2.1 и 2.2, позволит моделировать дополнительные плоскости взаимодействия эмоциональных и прагматических факторов в порождении смысла высказывания и по таким сочетаниям осей: “эмоциональное состояние говорящего – оценка действий собеседника”, “эмоциональная реакция говорящего – его оценка результатов общения”, “эмоциональное состояние говорящего – его интенция” и др.

Изложенное позволяет нам осуществить логический переход от моделирования плоскости взаимодействия эмоциональных и прагматических начал психики индивида в процессе порождения им смысла высказывания к непосредственному моделированию общего функционально-уровневого пространства речи, в котором благодаря сложному взаимодействию и взаимосвязи эмоций, прагматики и смысла и происходит фонетическое оформление высказываний.

Координаты такого пространства построены на рис. 2.2. В нем на оси абсцисс (X), справа от центральной точки (O) расположен вектор положительных эмоций (OX), передающихся говорящим в процессе реализации высказывания. В противоположном от него направлении расположен зеркальный вектор негативных эмоций ($O-X$). При этом вектор положительных эмоций (OX) разделен на три, указанные в табл. 2.1, степени их контролируемости: вполне контролируемые (\mathcal{E}_1), частично неконтролируемые (\mathcal{E}_2) и практически неконтролируемые (\mathcal{E}_3). В соответствие с принципом отражения вектор негативных эмоций ($O-X$) также разделен на три ступени их контролируемости: ($-\mathcal{E}_1$), ($-\mathcal{E}_2$) и ($-\mathcal{E}_3$).

На основе изложенной логики осуществлено и разделение оси ординат (Y) – оси коммуникативной или общепрагматической функции. Два ее вектора – интенсивности побуждения субъекта к действиям (OY)

и сдерживания действий субъекта (O -Y) согласно признакам таблицы 2.2 также разделены по интенсивности реализации этой функции на низкую (D₁), среднюю (D₂) и высокую (D₃). Подобным образом получены и зеркальные по отношению к ним деления (-D₁), (-D₂) и (-D₃) вектора сдерживания действий субъекта. Замыкает смоделированное нами общее функционально-уровневое пространство речи ось порождения смысла (OZ), разделенная на участки возможных форм его выражения: неопределенная (C₁), имплицитная (C₂) и эксплицитная (C₃).

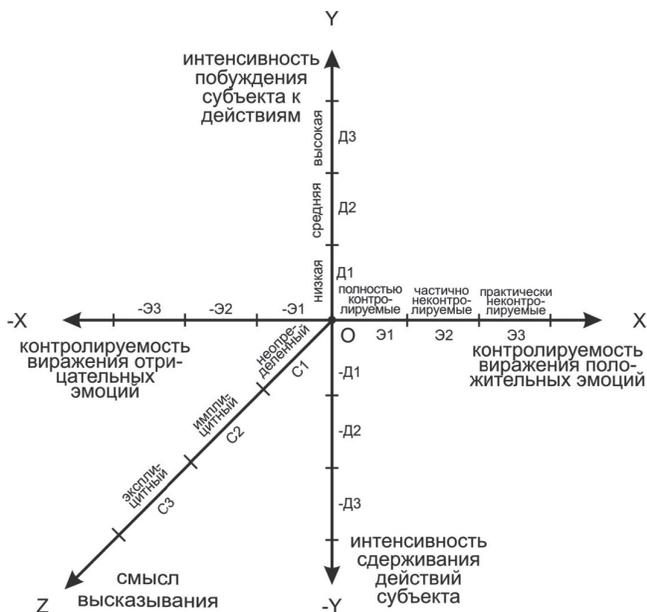

Рис. 2.2. Пространство речевого взаимодействия прагматики, эмоций и смысла высказывания в координатах “коммуникативная функция – эмоция – смысл”

Рассматривая обоснованные таким образом координаты, акцентируем внимание на том, что между характеристиками речи, интегрированными в этих координатах, существует определенная причинно-

следственная связь. Так, согласно принятым обозначениям (рис. 2.2), эмоциональное состояние говорящего в процессе реализации высказывания играет роль причины, приводящей к возникновению в его сознании определенных интенций, имеющих конкретную прагматическую направленность. Исходя из обоснованного выше принципа сохранения прагматического потенциала высказывания, мы имеем все основания считать, что эмоциональный фактор или эмоциональное состояние говорящего является одной из ведущих причин, оказывающей в конкретных условиях общения решающее влияние на направленность и содержание коммуникативной или общепрагматической функции речи. В соответствии с обозначениями рис. 2.2 это влияние можно описать выражением $Y = f(X)$, где X – степень контролируемости эмоций говорящего, Y – степень интенсивности выражения говорящим общепрагматической установки высказывания, f – простая функция. В свою очередь, описанное этой формулой взаимодействие эмоционального и прагматического факторов речи играет роль соответствующего комплекса факторов, оказывающего в конкретной ситуации общения влияние на порождение смысла высказывания. Такая зависимость может быть представлена в виде более общей формулы $/Z/ = F [/Y/]$ или $/Z/ = F [Y = f(X)]$, где Z – смысл высказывания, F – сложная функция. Как видим, смысл эмоционального выражения $/Z/$ как сложный языковой феномен характеризуется в этих формулах полярностью, поскольку его негативность или позитивность определяется именно соответствующей полярностью общепрагматической установки (Y), на которую, в свою очередь, влияют эмоции говорящего (X).

При этом, несмотря на существование непосредственной связи между эмоциональным состоянием говорящего и использованием им определенного инвентаря средств просодического оформления речи, вполне естественным будет и понимание того, что полученные нами формулы способны в обобщенном виде адекватно описывать основные закономерности и особенности взаимодействия фонетических средств и прагматики в процессах реализации трех указанных на модели (рис. 2.2),

форм выражения смысла высказывания. Иными словами, приведенными зависимостями можно исчерпывающе описывать изменения любых компонентов фонетической системы, участвующих в оформлении смысла высказывания, если причинами таких изменений принять взаимодействие эмоций и прагматики $Y = f(X)$, а результаты их взаимодействия описывать сложной функцией $/Z/ = F [Y = f(X)]$, отражающей соответствующее изменение параметров исследуемого фонетического компонента.

Для такого описания, ориентируясь на степень контролируемости эмоций говорящего и интенсивность реализации общепрагматической функции высказывания, достаточно экспериментальным путем выявить инвариантные и варианты модели просодического оформления определенных форм выражения его смысла, реализуемых в рамках частных объемов общего речевого пространства.

Рассмотрим подробнее закономерности формирования этого пространства. Как отмечалось выше, роль основы для создания функционально-уровневого пространства речи играют определенные плоскости взаимодействия эмоционально-прагматических факторов формирования смысла высказывания, расположенные в соответствующих полях, изображенных на рис. 2.3.

Из рисунка видно, что над осью (-XX) расположено поле плоскости взаимодействия эмоционально-прагматических факторов, в границах которого реализуются высказывания с коммуникативной функцией побуждения субъекта к действию. Поле плоскостей, в котором актуализируются высказывания, направленные на сдерживание действий субъекта, изображено под осью (-XX). Отметим, что закономерности взаимодействия прагматических и эмоциональных факторов речи в процессе порождения смысла высказывания в ограниченном координатами (ХОУ) поле можно также детерминировать математическим выражением. При этом независимо от конкретного смысла высказывания, такое взаимодействие будет в общем виде описываться формулой $y = f(X)$ как высказывание, побуждающие субъекта к действиям на основе положительных эмоций говорящего.

			↑ Y			
D ₃	высокая интенсивность побуждения к действиям при практически неконтролируемых отрицательных эмоциях	высокая интенсивность побуждения к действиям при частично неконтролируемых отрицательных эмоциях	высокая интенсивность побуждения к действиям при полностью контролируемых отрицательных эмоциях	высокая интенсивность побуждения к действиям при полностью контролируемых положительных эмоциях	высокая интенсивность побуждения к действиям при частично неконтролируемых положительных эмоциях	высокая интенсивность побуждения к действиям при практически неконтролируемых положительных эмоциях
D ₂	средняя интенсивность побуждения к действиям при практически неконтролируемых отрицательных эмоциях	средняя интенсивность побуждения к действиям при частично неконтролируемых отрицательных эмоциях	средняя интенсивность побуждения к действиям при полностью контролируемых отрицательных эмоциях	средняя интенсивность побуждения к действиям при полностью контролируемых положительных эмоциях	средняя интенсивность побуждения к действиям при частично неконтролируемых положительных эмоциях	средняя интенсивность побуждения к действиям при практически неконтролируемых положительных эмоциях
D ₁	низкая интенсивность побуждения к действиям при практически неконтролируемых отрицательных эмоциях	низкая интенсивность побуждения к действиям при частично неконтролируемых отрицательных эмоциях	низкая интенсивность побуждения к действиям при полностью контролируемых отрицательных эмоциях	низкая интенсивность побуждения к действиям при полностью контролируемых положительных эмоциях	низкая интенсивность побуждения к действиям при частично неконтролируемых положительных эмоциях	низкая интенсивность побуждения к действиям при практически неконтролируемых положительных эмоциях
← X			O			→ X
-D ₁	низкая интенсивность сдерживания действий при практически неконтролируемых отрицательных эмоциях	низкая интенсивность сдерживания действий при частично неконтролируемых отрицательных эмоциях	низкая интенсивность сдерживания действий при полностью контролируемых отрицательных эмоциях	низкая интенсивность сдерживания действий при полностью контролируемых положительных эмоциях	низкая интенсивность сдерживания действий при частично неконтролируемых положительных эмоциях	низкая интенсивность сдерживания действий при практически неконтролируемых положительных эмоциях
-D ₂	средняя интенсивность сдерживания действий при практически неконтролируемых отрицательных эмоциях	средняя интенсивность сдерживания действий при частично неконтролируемых отрицательных эмоциях	средняя интенсивность сдерживания действий при полностью контролируемых отрицательных эмоциях	средняя интенсивность сдерживания действий при полностью контролируемых положительных эмоциях	средняя интенсивность сдерживания действий при частично неконтролируемых положительных эмоциях	средняя интенсивность сдерживания действий при практически неконтролируемых положительных эмоциях
-D ₃	высокая интенсивность сдерживания действий при практически неконтролируемых отрицательных эмоциях	высокая интенсивность сдерживания действий при частично неконтролируемых отрицательных эмоциях	высокая интенсивность сдерживания действий при полностью контролируемых отрицательных эмоциях	высокая интенсивность сдерживания действий при полностью контролируемых положительных эмоциях	высокая интенсивность сдерживания действий при частично неконтролируемых положительных эмоциях	высокая интенсивность сдерживания действий при практически неконтролируемых положительных эмоциях
	-Э ₃	-Э ₂	-Э ₁	Э ₁	Э ₂	Э ₃
			↓ -Y			

Рис. 2.3. Поля взаимодействия эмоционально-прагматических факторов формирования говорящим смысла высказывания

Более детальному описанию, опирающемуся на конкретные степени контролируемости эмоций говорящего и уровни интенсивности реализации общепрагматической функции высказывания, будут соответствовать конкретные частные формулы. Например, формулой описания такого взаимодействия в плоскости среднего уровня интен-

сивности побуждения субъекта к действиям на основе частично неконтролируемых положительных эмоций (рис. 2.3, поле ХОУ) станет зависимость $D_2 = f(\mathcal{E}_2)$, для практически неконтролируемых положительных эмоций говорящего необходимо использовать зависимость $D_3 = f(\mathcal{E}_3)$, для высокой степени интенсивности сдерживания действий субъекта на основе вполне контролируемых положительных эмоций говорящего – зависимость $D_3 = f(\mathcal{E}_1)$ и так далее. Как видим, в соответствии с приведенной уровнево-полевой моделью (рис. 2.3), ограниченное основными координатами (ХОУ), общее поле взаимодействия эмоционально-прагматических факторов при формировании смысла высказывания состоит из определенной совокупности более конкретных плоскостей взаимодействия рассматриваемых факторов. В свою очередь, поле высказываний, реализованных с целью побуждения субъекта к действиям на почве положительных эмоций говорящего (поле ХОУ), может быть исчерпывающе описано совокупностью соответствующих плоскостей, определяющихся относительно основных координат (для рассматриваемой модели это координаты плоскостей: низкого уровня интенсивности побуждения субъекта к действиям на основе вполне контролируемых положительных эмоций говорящего \mathcal{E}_1, O, D_1 , низкого уровня интенсивности побуждения на основе частично контролируемых положительных эмоций \mathcal{E}_2, O, D_1 и другие указанные на модели частные координаты: \mathcal{E}_1, O, D_2 ; \mathcal{E}_2, O, D_2 ; \mathcal{E}_3, O, D_2 ; \mathcal{E}_1, O, D_3 ; \mathcal{E}_2, O, D_3 и \mathcal{E}_3, O, D_3).

Присущее реальной речи множество конкретных смыслов высказываний, общепрагматической функцией которых является сдерживание действий субъекта на основе выражения негативных эмоций, определяется таким же конкретным полем взаимодействия эмоционально-прагматических факторов, ограниченным осями (-X O -У), и в общем виде может описываться формулой $-y = f(-X)$, а конкретные плоскости указанного взаимодействия – соответствующими частными формулами типа: $-D_1 = f(-\mathcal{E}_1)$, $-D_3 = f(-\mathcal{E}_2)$, $-D_1 = f(-\mathcal{E}_3)$ и др. Вполне понятно, что по аналогии, поле взаимодействия негативного эмоционального состояния говорящего и прагматики высказывания, направленной

на побуждение субъекта к действиям, с координатами (-ХОУ) и поле взаимодействия положительных эмоций с прагматическим намерением говорящего, ориентированным на сдерживание действий субъекта (Х О -У), также без осложнений могут описываться и общими, и частными формулами.

Об адекватности моделирования на рис. 2.3 функционально-уровневой структуры полей взаимодействия эмоционально-прагматических факторов речи реальным процессам создания смысла высказывания свидетельствуют два важных обстоятельства. Во-первых, по своей сути приведенная структура является не чем иным, как одной из форм системной классификации результатов взаимодействия определенно-го комплекса эмоционально-прагматических факторов речи. Поэтому по существующим требованиям принципа бесконечной делимости, эта структура должна обеспечивать возможность дальнейшего углубления ее классификации до уровня отдельных дифференциальных признаков, выработанных к настоящему времени лингвистической теорией для систематизации характеристик высказывания.

Для этого, рассматривая, например, плоскость реализации высказываний низкой степени интенсивности побуждения субъекта к действиям на основе положительных эмоций говорящего, создаваемую относительными осями координат ($\mathcal{E}_1\text{ОД}_1$), достаточно поделить ось вполне контролируемых положительных эмоций ($\text{О}\mathcal{E}_1$) на ее дополнительные участки, отражающие конкретные признаки эмоциональных состояний, и соответствующим образом дифференцировать признаки на оси (ОД_1). Дифференцированные таким образом плоскости будут уже определяться как частные более конкретные плоскости реализации отдельных групп высказываний с прагматикой побуждения.

Во-вторых, в речи существуют достаточно сложные по структуре и просодическому оформлению высказывания, описание взаимодействия эмоционально-прагматических факторов реализации которых по модели рис. 2.3 требует объединения двух смежных частных плоскостей этой структуры. Так, например, в объеме одного высказывания низкая

степень интенсивности побуждения субъекта к действиям на основе вполне контролируемых положительных эмоций говорящего ($\mathcal{E}_1\text{ОД}_1$) может переходить в низкую степень интенсивности побуждения, основанных на частично неконтролируемых положительных эмоциях говорящего ($\mathcal{E}_2\text{ОД}_1$), или полностью контролируемых эмоциях говорящего при средней степени интенсивности побуждения к действиям ($\mathcal{E}_1\text{ОД}_2$) – в полностью контролируемую высокую степень интенсивности побуждения ($\mathcal{E}_1\text{ОД}_3$) и наоборот. В первом случае, отметив стрелкой факт перехода рассматриваемого фактора от одного уровня к другому, мы получаем соответствующие координаты объединенных плоскостей взаимодействия ($\mathcal{E}_1 \rightarrow \mathcal{E}_2\text{ОД}_1$), во втором ($\mathcal{E}_1\text{ОД}_2 \rightarrow \mathcal{D}_3$). Подобно этому первый пример взаимодействия описывается по формуле $\mathcal{D}_1 = f(\mathcal{E}_1 \rightarrow \mathcal{E}_2)$, а второй – по формуле $\mathcal{D}_2 \rightarrow \mathcal{D}_3 = f(\mathcal{E}_1)$. Здесь математическая форма записи $\mathcal{D}_1 = f(\mathcal{E}_1 \rightarrow \mathcal{E}_2)$ означает причинно-следственную закономерность влияния перехода положительных эмоций говорящего из вполне контролируемых в частично неконтролируемые при актуализации им смысла высказывания, направленного на побуждение субъекта к действиям. В свою очередь, формула $\mathcal{D}_2 \rightarrow \mathcal{D}_3 = f(\mathcal{E}_1)$ отражает закономерности влияния вполне контролируемых эмоций говорящего на реализацию им средней степени интенсивности выражения прагматики, переходящей в высокую степень интенсивности ее выражения в процессе актуализации смысла высказывания, направленного на побуждение субъекта к действию.

Определенные таким образом поля взаимодействия эмоционально-прагматических факторов порождения смысла эмоциональных высказываний позволяют описывать закономерности просодического оформления английских высказываний в их общем речевом пространстве (рис. 2.2). Приведем примеры моделирования частных объемов возможных реализаций просодического оформления смысла английских высказываний в общем пространстве эмоциональной речи (рис. 2.4).

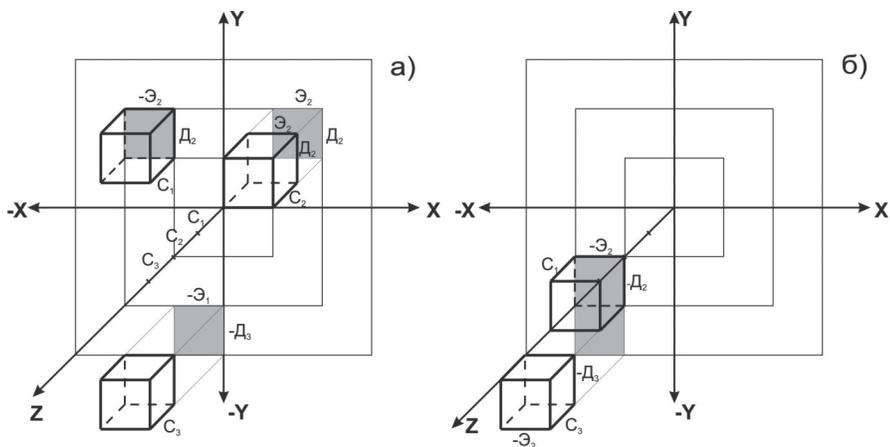

Рис. 2.4. Частные объемы взаимодействия эмоционально-прагматических факторов и смысла в речевом пространстве актуализации простых по структуре и просодическому оформлению высказываний: а) общее речевое пространство; б) речевое пространство актуализации высказываний

Из рисунка видно, что на общей модели речевого пространства (рис. 2.4) изображены частные объемы реализаций просодического оформления смысла таких видов высказываний:

1) средние по степени интенсивности выражения прагматической направленности и неопределенные по смыслу побуждения субъекта к действиям на основе частично неконтролируемых негативных эмоций говорящего, актуализирующиеся в относительных координатах $(-Э_2, Д_2, C_1)$ и описываемые зависимостью $C_1 = F [Д_2 = f(-Э_2)]$, например:

а) *Good heavens!* [283];

б) *She ate a little bit, and said anxiously to herself, – “Which way? Which way?”, holding her hand on the top of her head to feel which way it was growing* [261];

2) средние по степени интенсивности выражения прагматической направленности имплицитные побуждения субъекта к действиям, ре-

ализующиеся на основе частично неконтролируемых положительных эмоций говорящего, актуализируются в относительных координатах ($E_2D_2C_2$) и описывающиеся математическим выражением $C_2 = F [D_2 = f(\mathcal{E}_2)]$, например:

а) *I know your headaches. I know you're tired. I know your nerves are as raw as meat in a butcher's window. **But think of what you're trying to accomplish.** Just think what you're dealing with* [271];

б) *And I would rather be yours than anybody's in the whole world! But I cannot marry you!" cried the sweet and honest voice miserably* [279, с. 54];

в) *Oh, I'm glad Sally's come. **Has her brother come too?*** [307].

3) маркированы высокой степенью интенсивности выражения прагматической направленности эксплицитные высказывания-сдерживания действий субъекта на основе вполне контролируемых негативных эмоций говорящего, актуализирующиеся в относительных координатах ($-E_1-D_3C_3$) и аппроксимирующиеся зависимостью $C_3 = F [-D_3 = f(-\mathcal{E}_1)]$, например:

а) *No, no! **You're a serpent; and there's no use denying it*** [164];

б) ***Don't answer back, girl*** [271].

Группа неопределенных по смыслу высказываний, сдерживающих действия субъекта, характеризующихся средней степенью интенсивности выражения намерения говорящего на основе его частично неконтролируемых негативных эмоций, актуализирующиеся в координатах ($-E_2-D_2C_1$) и описывающиеся зависимостью $C_1 = F [-D_2 = f(-\mathcal{E}_2)]$, например:

а) ***What a misery you are!*** [286, с. 86];

б) ***Oh, no, is it serious?*** [250, с. 19];

в) ***No, my dear fellow, no, no. Bad taste, Harry, bad form!*** [324, с. 41].

Высокая степень интенсивности выражения прагматической направленности эксплицитных требований, сдерживающих действия субъекта и актуализирующихся на почве частично неконтролируемых негативных эмоций говорящего в координатах ($-E_2-D_3C_3$), описываемых зависимостью $C_3 = F [-D_3 = f(-\mathcal{E}_2)]$, например:

You'll spoil all our furniture before you finish [333].

Аналогично осуществляется и описание актуализации сложных по структуре и просодическому оформлению высказываний, в процессе реализации которых происходит переход одного из анализируемых факторов с предыдущего качественного уровня его функционирования на следующий смежный уровень. Так, например (см. рис. 2.5), в координатах $(-Э_3 D_2 \rightarrow D_3 C_1)$ мы имеем объем возможных реализаций неопределенных по смыслу высказываний, выполняющих функцию побуждения субъекта к действиям со средней степенью интенсивности выражения намерения (прагматика), который на основании выражения говорящим практически неконтролируемых негативных эмоций переходит на уровень высокой степени выражения намерения. Факт этого перехода отмечается стрелкой.

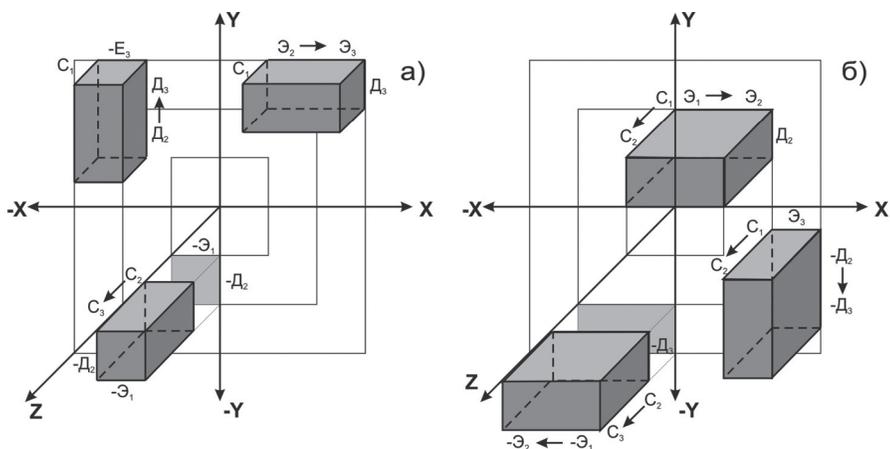

Рис. 2.5. Частные объемы взаимодействия эмоционально-прагматических факторов и смысла в речевых пространствах актуализации сложных по структуре и просодическому оформлению высказываний: а) общее речевое пространство; б) речевое пространство актуализации высказываний

В общем виде взаимодействие эмоционально-прагматических факторов со смыслом таких высказываний описывается соответствующим

математическим выражением $C_1 = F [D_2 \rightarrow D_3 = f(-\mathcal{E}_3)]$. Подобным образом, взаимодействие речевых факторов в процессе реализации неопределенных по смыслу высказываний с высокой степенью интенсивности выражения прагматической направленности (или конкретной прагматической установки), возникающее в условиях перехода положительных частично неконтролируемые эмоций говорящего к практически неконтролируемым, может быть описана выражением $C_1 = F [D_3 = f(\mathcal{E}_2 \rightarrow \mathcal{E}_3)]$, а их взаимодействие в реализации имплицитных высказываний со средней степенью интенсивности выражения прагматической направленности, переходящих в эксплицитные при вполне контролируемых негативных эмоциях, – формулой $C_2 \rightarrow C_3 = F [-D_2 = f(-\mathcal{E}_1)]$.

В речи возможны также реализации высказываний среднего уровня интенсивности выражения прагматической направленности, неопределенный смысл которых в процессе реализации переходит в имплицитный под влиянием вполне контролируемых положительных эмоций говорящего, переходящих в частично неконтролируемые (см. рис. 2.5б). При этом в координатах $(\mathcal{E}_1 \rightarrow \mathcal{E}_2, D_2, C_1 \rightarrow C_2)$ математическое выражение для описания такого взаимодействия приобретает более сложный вид: $C_1 \rightarrow C_2 = F [D_2 = f(\mathcal{E}_1 \rightarrow \mathcal{E}_2)]$.

С методологической точки зрения важно подчеркнуть что, обоснованные таким образом теоретические положения для дальнейшего рассмотрения анализируемой нами проблемы открывают перед лингвистами широкие возможности установления новых экспериментальных фактов об изучаемых ими речевых явлениях. Во-первых, в частности в фонетике, сама системная постановка вопроса поиска результатов взаимодействия комплексов эмоциональных, прагматических и смыслообразующих факторов речи позволяет описывать инвариант и варианты реализации просодических моделей высказываний на основе наиболее фундаментальных категорий (эмоция, прагматика, смысл), с помощью которых в лингвистике принято осуществлять описание процесса устной коммуникации. Во-вторых, сформированные выше представления (рис. 2.3) и сформулированные понятия дают

возможность определения новых более общих просодических моделей для описания комплексного взаимодействия эмоций, прагматики и смысла высказывания, а, следовательно, обеспечивают более высокую степень обобщения фактов, известных в настоящее время в экспериментальной фонетике.

Обоснованный выше функционально-уровневый подход к анализу взаимодействия эмоций и прагматики в процессе фонетического оформления смысла эмоционального выражения, а также разработанные теоретические представления и модели позволяют выполнять исчерпывающее научное описание результатов взаимодействия любых реально функционирующих речевых явлений.

При этом не следует игнорировать и то, что применение основных положений сформированного нами функционально-уровневого подхода в остальных областях лингвистического знания, объектами которых являются язык или речь, способно обеспечить существенное сокращение объема проводимых в них экспериментов с сохранением необходимой надежности получаемых результатов.

2.2. Критерий оценки уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания

Современное состояние разработки энергетического подхода [86; 96; 100, с. 359–365; 101, с. 125–127; 212] к исследованию звучащей речи обусловило необходимость решения ряда новых для фонетики теоретико-методологических проблем. К ним, в первую очередь, следует отнести проблему идентификации уровня эмоционально-прагматического потенциала высказывания.

Практика проводимых нами экспериментально-фонетических исследований показала, что, с одной стороны, применение для этого

традиционного метода экспертных оценок [130, с. 237–251], осуществляемых аудиторами-фонетистами, требует значительных затрат труда и времени, а сами оценки зачастую не лишены определенной субъективности.

С другой стороны, при использовании таких компьютерных средств обработки звучащей речи, как известные программы (*Praat*, *WaveLab*, *SpectraLAB*, *Cool Edit Pro*, *SFS/WASP* и т.п.) качественные по своей природе данные экспертных оценок не всегда согласовываются по точности с результатами инструментального анализа.

Это побудило нас предпринять теоретический поиск, направленный на обоснование нового эффективного метода или критерия количественной дифференциации уровней актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания (далее ЭПП).

Исходным моментом поиска, проводимого в соавторстве с Л. И. Тараненко [107], послужило допущение, что поток речи, отражающий переживания и намерения человека, по своей физико-энергетической сущности принципиально подобен потокам жидкости или газа. В силу чего, формально в своем материальном проявлении он должен достаточно полно описываться хорошо известными в физике критериями подобия [148, с. 63–92], а, следовательно, давать нам возможность количественной оценки уровня или степени актуализации ЭПП любого высказывания. Предполагалось также, что рассматривая процессы актуализации ЭПП высказывания как качественно однородные физические явления, можно говорить об энергетико-динамическом подобии определяющих их психофизиологических процессов. При этом учитывалось, что использование существующих компьютерных программ в качестве инструментальных средств для определения количественных показателей физических параметров озвученных высказываний позволяет осуществить непосредственный переход к искомым нами количественным критериям оценки уровней ЭПП.

Сформированный таким образом гипотетический инструментарий сделал возможным параметрическое описание [172, с. 86–94] высказывания как объекта моделирования, т.е. задание его свойств

посредством определённой математической структуры с конечным числом параметров, поддающихся содержательной интерпретации. Напомним здесь, что эти параметры представляют собой количественные просодические характеристики внутренних свойств высказывания, а в формализованной математической модели они являются по сути постоянными или переменными коэффициентами, входящими в выражения, описывающие его энергетическую структуру.

Фонетистам известно, что в общем случае уровень актуализации ЭПП высказывания [96] зависит от ряда переменных физических параметров (частоты основного тона – F_0 (в традиционном описании – ЧОТ); длительности слогов – t , звуков – t_1 , ритмогрупп – t_2 , синтагм – t_3 , высказываний – t_4 ; качественной характеристики звуков – F_1, F_2 и их соответствующей интенсивности – I_1, I_2 ; интенсивности звучания – I_0 ; тембра, определяющегося частотой третьей форманты – F_3 и ее интенсивностью – I_3 ; пауз: внутрисинтагменных – P_1 , межсинтагменных – P_2 и т.п.). Следовательно, в общем виде критерий уровня актуализации ЭПП высказывания можно представить функцией от указанных параметров и записать ее в математической форме таким образом:

$$K = f(F_0, F_1, F_2, F_3, t, t_1, t_2, t_3, t_4, I_0, I_1, I_2, I_3, P_1, P_2, \dots).$$

Вполне очевидно, что механизм влияния перечисленных выше параметров на уровень актуализации ЭПП высказывания носит весьма сложный характер. Поэтому даже при наличии в настоящее время значительного количества экспериментально-фонетических данных, отнесенных, как правило, к определенным классам (видам или типам) высказываний, использовать эти данные для оценки ЭПП (т.е. дифференцировать масштабы изменения психофизиологической энергии говорящего в исследуемых реализациях) практически невозможно.

При этом известно [148, с. 80–88], что правильное решение этой проблемы требует обобщения результатов исследования в форме безразмерных критериальных уравнений, содержащих в качестве переменных критерии подобия. Иначе говоря, в нашем случае возникла необходимость моделирования на основе теории подобия, подразуме-

вающей осуществление аналитических процедур, благодаря которым поля всех физических переменных ЭПП исследуемых высказываний должны оказаться подобными.

Для обоснования критерия подобия, описывающего процесс реализации ЭПП высказывания, мы воспользовались методом анализа размерностей [там же, с. 72–105]. В соответствии с ним, прежде всего, следовало определить (выделить из их реально существующего множества) и ввести в исходное критериальное уравнение только те параметры, которые по данным экспериментов оказывают определяющее влияние на уровень актуализации ЭПП высказывания.

Широкая практика экспериментально-фонетических исследований однозначно свидетельствует, что искомое критериальное уравнение должно иметь следующий вид:

$$K = f(F_0, t, I_0, I_3),$$

где: F_0 – частота основного тона; t – длительность звучания слога; I_0 – интенсивность F_0 ; I_3 – интенсивность F_3 .

Поскольку используемые в современной экспериментальной фонетике теоретические формулы и установленные ею факты дают весьма четкую картину причинно-следственных связей между параметрами интонации и уровнями эмоционально-прагматических потенциалов высказываний, то у нас появилась возможность обоснования искомого критерия путем решения обратной задачи расчетного моделирования [148, с. 98–105]. Благодаря этому, минуя этап составления простых безразмерных комплексов, на основании П-теоремы [там же, с. 66–68] подобия, устанавливающей связь между интенсивностью актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания, выраженной через размерные параметры, и интенсивностью в безразмерном виде, мы получили следующий комплексный критерий:

$$K = \frac{F_0 \times t \times I_0}{1000 \times I_3}; \quad (1)$$

где: K – критерий уровня актуализации ЭПП высказывания; F_0 – частота основного тона ($\Gamma\text{ц} = 1/\text{с.}$); t – длительность звучания слога (мс.);

I_0 – интенсивность F_0 ($\text{dB} = \text{эрг}/\text{м}^2\text{с}$); I_3 – интенсивность F_3 ($\text{dB} = \text{эрг}/\text{м}^2\text{с}$); 1000 – коэффициент перевода миллисекунд в секунды.

Далее в соответствии с первой теоремой подобия нам следовало определить размерность полученного критерия уровня актуализации ЭПП высказывания. Для этого мы подставили в правую часть формулы (1) вместо параметров их размерности:

$$K = \frac{\cancel{e} \text{ эрг} \cdot \cancel{c} \text{ м}^2}{\cancel{e} \text{ м}^2 \text{ эрг} \cdot \cancel{c}}$$

Нулевая размерность (т.е. сокращаемость размерностей, находящихся в числителе и знаменателе формулы) показывает, что обоснованный нами критерий пригоден для оценки уровня актуализации ЭПП высказывания.

Для апробации практической эффективности применения критерия, полученного в результате приведенного выше аналитического обоснования, была разработана специальная методика поискового экспериментально-фонетического исследования. В соответствии с ней на первом этапе анализа группа аудиторов-информантов в составе 9 человек осуществила выборку озвученного экспериментального материала, включившую в себя триста реализаций английских высказываний с различными уровнями актуализации их ЭПП.

При этом отбираемые информантами высказывания дифференцировались ими на три отдельные группы: с низким, средним и высоким уровнями ЭПП. Внутри каждой такой группы, включавшей по 100 отобранных экспериментальных фраз (типичные выборки), было проведено их разделение на две соответствующие (по 50 реализаций в каждой) подгруппы высказываний (подвыборки), передающих позитивные и негативные эмоции. Таким образом, сформированный из 300 фраз массив экспериментального материала в каждой из дифференцированной аудиторами группе (с низким, средним и высоким уровнями ЭПП) содержал по 50 английских высказываний, передающих позитивные эмоции, и по 50 высказываний, передающих негативные эмоции. В соответствии с методом математической статистики, экспериментальный

массив высказываний был разбит на три выборки (низкий, средний и высокий ЭПП), имеющих по две подвыборки (позитивные и негативные эмоции).

На втором этапе, на основании данных компьютерного анализа звучащих экспериментальных высказываний, проведенного с использованием компьютерных программ *Praat*, *SpectraLAB*, *Cool Edit Pro*, фиксировались и заносились в расчетные таблицы численные значения частоты основного тона – F_0 , длительности звучания слога – t , интенсивности $F_0 - I_0$ и интенсивности $F_3 - I_3$. В результате подстановки зафиксированных количественных показателей просодических характеристик в формулу (1) для каждого высказывания были получены экспериментально-расчетные значения К-критерия (критерий уровня актуализации ЭПП высказывания), сведенные для их дальнейшего анализа и статистической обработки в рабочую таблицу, фрагмент которой представлен таблицей 2.3.

Сравнительный анализ экспериментальных данных, занесенных в таблицу, с соответствующими показаниями экспертных оценок позволил установить, что высказывания, реализованные с низким уровнем ЭПП, характеризуются значениями К-критерия, не превышающими 30 единиц. При этом было определено, что высказывания со средним уровнем ЭПП реализуются в границах значений К-критерия от 30 до 105 единиц. А высказывания с высоким уровнем ЭПП маркируются значениями рассматриваемого критерия, превышающими 105 единиц.

В процессе углубления сравнительного анализа результатов перцептивного и компьютерного экспериментов при оценке ряда высказываний, характеризующихся цифровыми показателями К-критерия, близкими к его значениям, равным 30 и 105 ($K=30$ является границей перехода энергии актуализации высказываний с низкого уровня ЭПП на средний, а $K=105$ – соответственно, со среднего – на высокий), у информантов возникали определенные сомнения, затруднявшие квалификацию ЭПП на основе установленного критерия.

Таблица 2.3
Фрагмент сводной таблицы значений критерия уровня
актуализации ЭПП экспериментальных высказываний

Высокий уровень ЭПП

№ высказывания п.п.	Эмоции	Позитивные												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
К		151,6	132,0	110,1	111,4	124,1	153,3	146,9	128,1	107,6	139,9	328,8	114,1	...
№ высказывания п.п.	Эмоции	Негативные												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
К		107,8	115,6	186,7	121,2	135,2	155,4	203,2	107,6	110,6	124,5	116,5	126,7	...

Средний уровень ЭПП

№ высказывания п.п.	Эмоции	Позитивные												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
К		70,8	96,5	69,9	76,77	36,22	101,2	39,6	43,5	39,2	35,14	81,88	88,62	...
№ высказывания п.п.	Эмоции	Негативные												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
К		60,3	39,6	57,4	39,1	62,02	95,23	62,02	56,39	64,28	41,7	102,4	83,5	...

Низкий уровень ЭПП

№ высказывания п.п.	Эмоции	Позитивные												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
К		26,88	29,12	28,46	34,15	22,5	25,38	16,2	19,82	21,05	29,28	31,64	27,57	...
№ высказывания п.п.	Эмоции	Негативные												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
К		27,7	30,68	31,62	33,67	32,87	34,04	30,01	31,5	22,04	28,5	19,7	21,3	...

Проведенным дополнительным сопоставлением данных перцептивного и компьютерного анализов были выявлены причины, осложняющие адекватность перцептивной оценки и отнесения этих высказываний к конкретным уровням ЭПП. Такими причинами, служат, чаще всего: речевой контекст, экстралингвистическая ситуация, особенности артикуляции говорящего, ситуация общения, отношение говорящего к собеседнику, индивидуальная и речевая культуры говорящего и т.п. Это вполне естественно, поскольку, как известно, природа вообще, а природа человеческой речи, тем более, не признает в своем проявлении наличия четких однозначных границ.

В связи с этим, нами был установлен реальный интервал существования переходных значений К-критерия, имеющий место на границе

между низким и средним уровнями ЭПП, составивший +5 единиц указанного критерия. Поэтому практически важно подчеркнуть, что в ряде случаев при особо точной постановке задачи исследования, реализации озвученных высказываний, маркированных значениями К в пределах от 30 до 35 единиц, следует подвергать более тщательному перцептивному анализу. Аналогичным образом были установлены интервалы сомнительных экспертных оценок на границе среднего и высокого уровней актуализации ЭПП. Затруднения информантов наблюдались, преимущественно, в диапазоне показателей К от 105 до 145 единиц. При этом выяснилось, что верхней границей высокого уровня актуализации ЭПП следует считать высказывания, реализованные говорящим в состоянии неконтролируемых эмоций, маркируемые, преимущественно, значениями К-критерия, превышающими 300 единиц.

Значительный массив обработанного нами экспериментального материала позволяет так же сделать некоторые заключения об инвариантных и вариативных особенностях просодического оформления английских высказываний, реализованных с разными уровнями ЭПП, и прокомментировать причины затруднений, возникающих при их перцептивном анализе.

Для этого рассмотрим типичные высказывания с высоким уровнем ЭПП, выражающие позитивные эмоции.

1) *Good evening, § my dear Arthur! Mrs. Cheveley, allow me to introduce to you Lord Goring, the idlest man in London.* [341, с. 7; 340] (K=110,1).

Это высказывание, маркированное значением К-критерия ($105 < K < 110,1 < 145$), следует, по мнению аудиторов, однозначно отнести к низкой зоне высокого уровня ЭПП, исходя из официальной коммуникативной ситуации и высокой индивидуальной культуры говорящего.

2) - *Wonderful man, § wasn't he?*

- *He was very remarkable, in many ways.* [341, с. 9; 340] (K=146,9);

3) – *Oh, I love London Society! I think it has immensely improved. It is entirely composed now of beautiful idiots and brilliant lunatics. Just what Society should be.* [341, с. 8; 340] (K=328,8).

В данном случае при критерии K, превышающем 300 единиц, аудиторы, учитывая недостаточность контроля собственных эмоций говорящим, квалифицировали высказывание как реализованное в высокой зоне высокого уровня ЭПП.

Приведем также несколько примеров высказываний с высоким уровнем ЭПП, выражающие негативные эмоции.

1) “*And A Happy New Year!*”

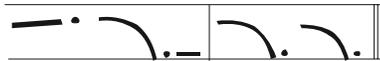
– “*Good after noon!*,” said Scrooge. [267, с. 17] (K=106,8);

2) - *You seem to me to be living entirely for pleasure.*

- *What else is there to live for, father? Nothing ages like happiness.*

- *‘You are heartless, sir, ‘very heartless!* [341, с. 11; 340] (K=135,2);

3) - *Who?*

- *Henry Harris – Hannah’s husband. He was in a car accident.*

- *‘Oh, no! ‘What happened?*

- *He had an accident on his way home from work.* [247, с. 153] (K=203,2).

Как видно из примеров, высказывания, квалифицированные по K-критерию как имеющие высокий уровень ЭПП, независимо от полярности выражаемых ими эмоций, характеризуются следующими общими признаками: 1) средне-повышенным или высоким тональным уровнем начала; 2) высоким или средне-повышенным нисходящим тоном с малой скоростью его реализации; 3) расширенным или широким диапазоном высказывания; 4) замедленным темпом произнесения;

5) повышенной или высокой громкостью актуализации всего высказывания; 6) выделением ключевого слова путем пролонгации его согласных или гласных звуков.

Общность признаков интонационного оформления высказываний с высоким уровнем ЭПП, передающих полярные эмоции, объясняется искренностью выражения чувств и спонтанной реакцией говорящих на неожиданные события. При этом отнесенность высказываний к конкретной подгруппе, выражающей позитивные или негативные эмоции, осуществляется с учетом ситуации общения, соответствующей лексики и паралингвистических средств.

Перейдем к примерам высказываний среднего уровня ЭПП, выражающих позитивные эмоции.

1) - *I have met Lord Goring before.*

- *I did not think you would remember me, Mrs. Cheveley.*

- *My memory is under admirable control. And are you still a bachelor?*

- *I... believe so.*

- ***How very ro,mantic!*** [341, с. 9; 340] (K=76,8);

2) *Wealth has given me enormous power. It gave me at the very outset of my life freedom. And **freedom is everything.*** [341, с. 30; 340] (K=30,1);

Отнесение данного высказывания к низкой зоне среднего уровня ЭПП аргументировано информантами на основе тембральной окраски голоса говорящего, свидетельствующей о его предыдущем глубоком эмоциональном переживании.

3) *Good evening, dear Gertrude! **So kind of you to let me bring my friend, Mrs. Cheveley.** Two such charming women should know each other!* [341, с. 4; 340] (K=88,6).

Дополним анализ примерами высказываний среднего уровня ЭПП, выражающими негативные эмоции.

1) “*A merry Christmas, uncle! God save you!*” cried a cheerful voice. *It was the voice of Scrooge’s nephew, who came upon him so quickly that this was the first intimation he had of his approach. “Bah!” said Scrooge, “Humbug!”* [267, с. 17] (K=30,6).

В этом примере высказывание с критерием К (30<30,6<35), попадающим в зону затруднительной оценки между нижним и средним уровнями ЭПП, характеризуется за счет его лексического наполнения как эмоционально повышенное и поэтому относится аудиторам к низкой зоне среднего уровня актуализации ЭПП.

2) “*What right have you to be dismal? What reason have you to be morose? You’re rich enough.*” *Scrooge having no better answer ready on the spur of the moment, said “Bah!” again; and followed it up with “Humbug.”*

“*Don’t be cross, uncle!*” said the nephew. [267, с. 17] (K=95,23);

3) - *Something wrong?*

- *Nothing’s wrong.* [307] (K=56,39).

Анализ высказываний, отнесенных к среднему уровню ЭПП, делает очевидным, что в них в зависимости от позитивности/негативности выраженных эмоций наблюдаются как общие, так и отличительные признаки интонационной организации. Так, общими признаками обеих подгрупп высказываний являются: 1) высокий или средне-повышенный тональный уровень начала высказывания; 2) восходящее направление движения тона на такте; 3) суженный интервал на стыках участков интонационного контура; 4) средний или расширенный тональный диапазон высказывания.

При этом высказывания, реализующие негативные эмоции, отличаются вариативностью темпа (замедленный, умеренный и ускоренный) и громкости их произнесения, увеличением или уменьшением скоро-

сти изменения движения ядерного тона и сочетанием нескольких кинетических тонов в пределах одной интонограммы.

В свою очередь, высказываниям, выражающим позитивные эмоции, присущи средняя или малая скорость изменения направления движения низкого или средне-повышенного нисходящего тона, их актуализация в пределах умеренного или замедленного темпа.

Рассмотрим теперь примеры высказываний с низким уровнем ЭПП, выражающих позитивные эмоции.

1) *Hello, § |this is |Steve |Richards. It feels like old times again.* [334] (K=22,5);

2) *Hello, § |this is from our |own correspondent § |to |download from the |B.B.C.* [Mortimer 1974] (K=25,38);

3) *|English into.nation. An introduction. By John Wells. Cambridge University Press.* [335] (K=16,2).

Аналогичным образом дополним рассмотрение примерами высказываний с низким уровнем ЭПП, выражающими негативные эмоции.

1) *I have to → say § |there are a |lot of un|answered |questions.* [334] (K=30,0);

2) *The |north of the |country § |was |first to |suffer § |back in Sep|tember.* [334] (K=34,7).

Здесь, несмотря на традиционно нейтральный тон информационного сообщения, диктору не удается скрыть встревоженность неожиданностью событий. Однако аудиторы, апеллируя к нейтральному

лексическому наполнению высказывания, отнесли его к высокому уровню низкой зоны ЭПП.

3) - *I don't know that I am much interested in your family life, Lane.*

- *√No, √sir; | it is √not a √very √interesting √subject. I never think of it myself.*
[339] (K=26,1).

Мы видим, что высказываниям, реализованным в границах низкого уровня ЭПП, независимо от полярности выражаемых эмоций, также присущи общие признаки: 1) постепенно нисходящая ступенчатая или усеченная шкала; 2) низкий или средне-пониженный нисходящий ядерный тон; 3) средний тональный диапазон; 4) наличие суженого/узкого тонального интервала на стыках участков интонационного контура; 5) оформление высказывания простым регулярным ритмом; 6) умеренные темп и громкость.

Общность признаков интонационного оформления высказываний с низким уровнем ЭПП, выражающих полярные эмоции, объясняется сдержанной (индифферентной) реакцией говорящего на предмет обсуждения, ситуацию общения и собеседника, а также высоким уровнем контролируемости своего эмоционального состояния. Отнесенность высказываний к подгруппам, выражающим позитивные или негативные эмоции, определяется наличием соответствующей лексики и коммуникативно-когнитивным опытом говорящего.

Отдельно следует отметить, что высказывания, выражающие низкий уровень негативных эмоций, часто неоднозначно воспринимались аудиторами и определялись, преимущественно, как реализованные на границе высокой зоны низкого уровня ЭПП и низкой зоны среднего. Трудности определения принадлежности негативных высказываний к низкому уровню ЭПП вызваны тем, что при общей реализации параметров интонационного оформления таких высказываний в границах нейтральной речи, они характеризуются выделением отдельных слов, например, с помощью пролонгации звука, кинетического движения тона на неядерном слове высказывания, незначительного повышения громкости, параллельно

лизма интонационной модели, начала высказывания на низком тональном уровне и его повышения в середине или в завершении синтагмы и т.п.

Таким образом, в результате проведенного исследования методами теории подобия был обоснован безразмерный количественный критерий (К) уровня актуализации ЭПП озвученного высказывания. При этом были экспериментально установлены значения К-критерия, определяющие уровни актуализации ЭПП: низкий (К – до 30), средний (К = 30–105) и высокий (К > 105).

Полученные результаты способны благоприятствовать разработке современных компьютерных программ, позволяющих существенно повысить объективность и надежность инструментально-фонетического лингвоэнергетического анализа звучащей речи, а также радикально сократить затраты времени на его осуществление.

2.3. Методы энергетической оценки процесса устной актуализации речи

Не теряющая с течением времени своей актуальности, проблема познания первопричин и источников порождения звукового строя речи нашла свое новое теоретическое освещение в рамках лингвоэнергетического подхода к фонетическим исследованиям [96; 97]. Выше мы уже говорили, что в основу этого подхода положена идея понимания фонетических явлений как результата стохастического порождения речи под воздействием психофизиологической энергии с присущей ей способностью перераспределения между сознанием индивида и сферами его предсознательного и бессознательного [97, с. 299].

Напомним, что методологический инструментарий указанного подхода включает теоретический научный принцип сохранения эмоционально-прагматического потенциала высказывания, и описание механизма психо-энергетического перераспределения энергии эмоционально-прагматического потенциала высказывания между средствами его актуализации [96, с. 5–12]. Вытекающие из нового подхода

методические предпосылки проводимых нами экспериментально-фонетических исследований, основанные на стратификации речевого пространства с позиций взаимодействия прагматики, эмоций и смысла в координатах “коммуникативная функция – эмоция – смысл”, прошли необходимую практическую апробацию.

Экспериментами была доказана потенциальная возможность описания инвариантной структурой-аттрактором саморазвития процессов устной или письменной актуализации различных типов и видов речевых отрезков только по двум параметрам порядка (прагматический и эмоциональный потенциалы). Это дало нам возможность на основе анализа особенностей хаотического взаимодействия логического и эмоционального начал сознания индивида прогнозировать с необходимой полнотой конечный результат синергетизма эмоционально-прагматического потенциала в процессе порождения речи.

Однако уже первые результаты практической реализации функционально-энергетического направления экспериментально-фонетических исследований с позиций энергетического подхода позволили выявить определенную несогласованность между максимальной лапидарностью графической формы отражения интонаграммы и неунифицированной, достаточно произвольной по объему и содержанию вербальной формой изложения особенностей влияния интенции говорящего, прагматической установки высказывания, экстралингвистических и других факторов на просодическое оформление речи.

В связи с этим возникла необходимость теоретического поиска соответствующей графической модели, способной репрезентовать комплексное взаимодействия ведущих лингвистических и паралингвистических факторов с учетом психо-энергетической специфики процесса просодического оформления речи.

В основу формирования искомой модели была положена концепция унификации форм графического изображения динамики изменений ЭПП, интонационных и паралингвистических средств речи. Для повышения наглядности дальнейшего изложения логики и результатов такого моделирования рассмотрим рис. 2.6.

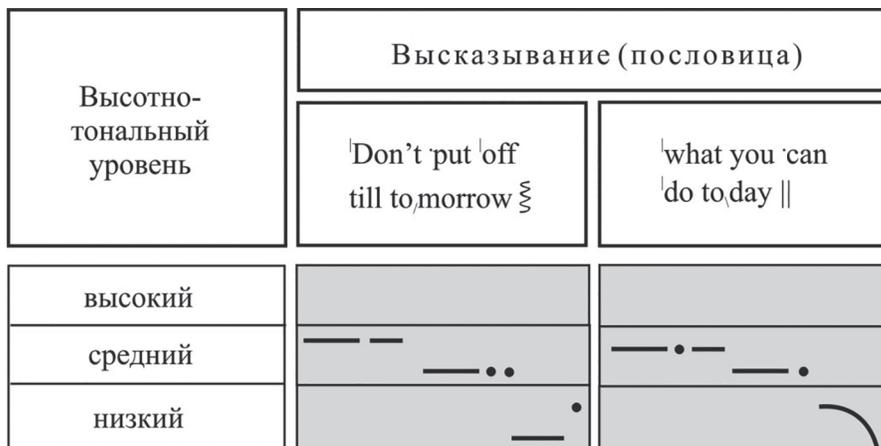

Рис. 2.6. Развернутая интонограмма высказывания

Сущность представленной на нем развернутой интонограммы, с помощью которой принято, как известно, описывать результаты перцептивного анализа речи, заключается в том, что текст исследуемого высказывания делится на синтагмы, или интонационные группы, в которых специальными обозначениями указывают типы ударений и пауз, их локализацию и в случае необходимости обозначают другие компоненты интонации. Непосредственно под текстом по оси времени его актуализации приводят символическое изображение движения тона в пределах трех высотнотональных уровней: низкого, среднего и высокого.

Традиционно используемая в практике фонетических исследований форма такой интонограммы, представлена на рис. 2.7.

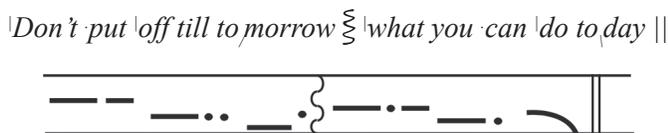

Рис. 2.7 Форма классической интонограммы

Приведенная интонограмма отличается от развернутой тем, что в ней использована хорошо известная каждому фонетисту компактная форма изображения. Понятно, что использование такой интонограммы является вполне оправданным, поскольку глаз человека способен без каких-либо осложнений разделять общую высоту шкалы тонального уровня на три зоны: низкую, среднюю и высокую.

Исходя из этого, нами и было сформулировано *первое* методологическое условие унификации форм графического изображения динамики изменений просодических и паралингвистических средств, оформляющих и сопровождающих речь. Согласно этому условию, шкалы для изображения изменений или движения указанных средств на модели их комплексного взаимодействия должны без осложнений делиться глазом на три уровня по высоте.

Второе выдвинутое нами методологическое условие предусматривало возможность адекватного декодирования и простоту фиксации аудиторами-информантами закономерностей изменений показателей и характеристик речи на модели их комплексного взаимодействия.

Сущность *третьего* методологического условия заключалась в необходимости определения минимума аккумулятивных показателей или характеристик актуализации процесса коммуникации, способных отражать результаты явного или латентного воздействия на речь индивида определенных совокупностей ведущих факторов, обуславливающих конкретно исследуемую специфику просодического оформления его речи.

Путем соотнесения известной взаимосвязи лингвистических и паралингвистических факторов речи с методологическими условиями был определен оптимальный минимум коммуникативных явлений, введение которых в искомую комплексную модель позволяет осуществлять исчерпывающее описание специфики протекания коммуникации. Основным критерием определения и отбора этих явлений была возможность количественного оценивания определяющих их факторов.

Результаты проведенного нами сопоставительного анализа существующего научного знания показали, что зрительный канал имеет максимальный информационный потенциал: с его помощью индивид

получает 90% информации, а его пропускная способность в 10 000 раз превышает способность звукового сигнала [177, с. 108]. Следовательно, на остальные явления, также играющие значительную роль в порождении и декодировании речи, приходится лишь 10% от общей доли информационного потенциала коммуникации. При этом было также установлено, что реальной возможностью графического воспроизведения динамики изменения зрительных образов, в первую очередь, могут обладать определенные пиктограммные средства.

Дальнейшее рассмотрение этого вопроса показало, что адекватность передачи эмоциональной оценки сообщения на 93% зависит от интонации, мимики и жестов говорящего (то есть от невербальных средств) и лишь на 7% от использованных им вербальных средств [174, с. 125; 304, с. 248–252]. Кроме того, было выяснено [56; 174, с. 125], что, если принять 38% информационного потенциала фонетических свойств речи за 100% залога успешной коммуникации, то для ее адекватной реализации говорящему понадобится 50–90% грамматических средств и только 1% словарного запаса.

С другой стороны, было также определено [96, с. 9], что в процессе реализации смысла высказывания развивается противоречие между тенденцией к экономному распределению эмоционально-прагматического потенциала между лингвистическими средствами актуализации высказывания и стремлением к максимальному использованию физиологической энергии говорящего, материализирующейся в сопровождающих речь паралингвистических средствах.

Что же касается энерго-информационных возможностей взятого отдельно прагматического потенциала, то он распадается на соответствующие потенциалы актуализации грамматических, лексических и фонетических средств выражения смысла высказывания, в то время как энергия эмоционального потенциала дифференцируется в направлениях реализации мимики, жестов, а также контролируемых и неконтролируемых сознанием поз и движений говорящего.

Отсюда и стало очевидным, что в состав рационального минимума компонентов искомой нами комплексной модели целесообразно ввести

четыре автономные модели, отражающие: движение или соответствующие изменения тона (интонограмма – ИГ), изменение уровня эмоционального потенциала говорящего (эмоциограмма – ЭГ), изменения прагматического потенциала речи (прагмаграмма – ПГ) и изменения паралингвистических средств коммуникации (пиктограмма – ПкГ).

Рассмотрим на примере развернутой эмоцио-прагмограммы (рис. 2.8) логику совместной разработки моделей эмоциограммы и прагмаграммы.

Рис. 2.8. Развернутые эмоцио- и прагмаграмма высказывания

На модели, в соответствии с первыми двумя вышеприведенными методологическим условиям, стрелками отражены изменения эмоционального и прагматического потенциалов высказывания, актуализирующиеся в пределах трех соответствующих уровней: низкого, среднего и высокого.

Унифицированные согласно первому методологическому условию с интонограммой (рис. 2.7) формы построения компактных, или рабочих интонограммы и прагмаграммы приведены на рис. 2.9.

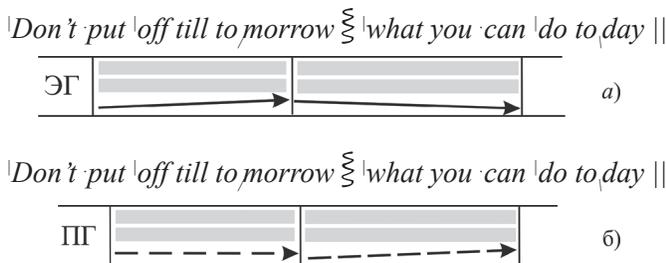

Рис. 2.9. Образцы компактных изображений:
а) эмоциогаммы (ЭГ) и б) прагмаграммы (ПГ)

Модели примеров рис. 2.9 свидетельствуют, что в процессе устной реализации исследуемого экспериментального высказывания имел место рост эмоционального потенциала в первой синтагме (или интонационном контуре первой интоногруппы) в пределах его низкого уровня. Во второй синтагме (интонационном контуре второй интоногруппы), напротив, наблюдалось снижение эмоционального потенциала в зоне его низкого уровня. В то же время, прагматический потенциал актуализации первой синтагмы (или интонационной группы), оставаясь неизменным на низком уровне, во второй синтагме (интонационной группе) повышался в пределах того же уровня.

При поиске иконографических образов для создания пиктограмм, призванных отражать изменения паралингвистических средств коммуникации в процессе актуализации высказываний, нами, прежде всего, было обращено внимание на проксемику, позы, жесты и мимику говорящего.

Анализ возможностей графической интерпретации указанных изменений показал целесообразность объединения проксемики, поз и жестов в один зрительный образ и выделения мимики в другой.

На этих основаниях и была сформирована структура развернутой пиктограммы, изображенной на рис. 2.10.

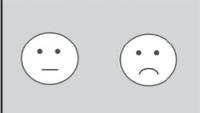
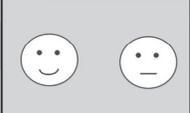
Символы паралингвистических средств	Высказывание (поговорка)	
	Don't put off till tomorrow	what you can do today
Проксемика, позы, жесты		
		
Мимика		

Рис. 2.10. Развернутая пиктограмма высказывания

Сформированная таким образом пиктограмма сопровождения высказывания паралингвистическими средствами имеет только два уровня зрительных образов. На первом уровне с помощью соответствующих символов кодируются проксемика, позы и жесты. Символы второго уровня отражают типичные для коммуникации состояния мимического сопровождения говорящим актуализированных им высказываний.

На основе этого нами было создана компактная форма пиктограммы, образец которой приведен на рис. 2.11.

|Don't .put |off till to/morrow §|what you .can |do to\day ||

ПкГ				
-----	---	---	---	---

Рис. 2.11. Компактная пиктограмма высказывания

Обратим здесь внимание на то, что благодаря примененной в пиктограмме системе символов, или зрительных образов исследователь-фонетист получает не только возможность фиксировать особенности невербального поведения говорящего, но и в случае необходимости дополнительно отражать паралингвистическую реакцию слушателя, являющуюся важной составляющей, характеризующей условия протекания коммуникации.

Для повышения наглядности и подтверждения удобства декодирования содержания невербального поведения коммуникантов по пиктограмме на рис. 2.12 приведен фрагмент разрабатываемой нами матрицы иконографических символов.

Позы говорящего	Символы и их содержание		
Стоячая	 Говорящий подходит, слушающий стоит	 Говорящий стоит, слушающий сидит	 Говорящий стоит, слушающий сидит
Сидячая	 Говорящий сидит, слушающий стоит	 Говорящий сидит, слушающий стоит	 Говорящий и слушающий сидят

Рис. 2.12. Фрагмент матрицы иконографических символов пиктограммы

Отметим, прежде всего, что проксемические показатели условий коммуникации, свидетельствующие о расстоянии между ее участниками, являются очевидными из фрагмента матрицы. Что же касается взаимных поз коммуникантов, то матрица исчерпывается их шестнадцатью основными вариантами. Понятно при этом, что количество символов, отражающих возможные полупозы (например, полусидящая,

действия на слушателя. Во время актуализации первой интонограммы пословицы *'Don't put 'off till to'morrow* § ... наблюдается постепенное снижение высотонального уровня ступенчатой шкалы в сочетании с низким восходящим терминальным тоном (см. ИГ рис. 2.13), сопровождаемым повышением эмоционального потенциала в пределах его низкого уровня (см. ЭГ рис. 2.13). Такое взаимодействие при неизменном низком уровне реализации прагматического потенциала высказывания (см. ПГ рис. 2.13) свидетельствует о перераспределении энергии эмоционально-прагматического потенциала в сторону увеличения эмоций говорящего, направленной на привлечение внимания слушателя. Эта ситуация вызвана тем, что общение началось в условиях рассеянного прислушивания реципиента к началу фразы (см. ПГ рис. 2.13), о чем свидетельствует его полуповорот к говорящему поза и недостаточно доверительное выражение лица. Именно поэтому часть психофизиологической энергии говорящего подсознательно реализуется в форме поз и жестов (его тело продвинуто вперед, руки невольно подняты для привлечения внимания собеседника).

В отличие от этого актуализация второй интонограммы высказывания ... § *'what you can 'do to'day* || происходит при постепенном снижении тонального уровня как в пределах ступенчатой шкалы, так и в терминальной части, а также при соответствующем снижении его эмоционального потенциала (см. ЭГ рис. 2.13). Такое перераспределение энергии между интонационным оформлением второй синтагмы пословицы и ее эмоциональным потенциалом придает ей дополнительный прагматический потенциал (см. ПГ рис. 2.13), возрастающий в пределах низкого уровня за счет влияния соответствующих лексико-грамматических средств. Достижение общего суггестивного воздействия актуализированной пословицы подтверждается как довольным выражением лица говорящего (см. ПГ рис. 2.13), так и соответствующими изменениями позы и мимики слушателя (поворот лица к говорящему и сосредоточенное выражение лица).

Напомним, что нами рассмотрен пример комплексного описания результатов аудитивного анализа спонтанной речи по двум параметрам

порядка (эмоции и прагматика). Вполне естественно также, что аналогичным образом может быть проведен комплексный энергетический анализ аудитивного исследования фрагментов подготовленной речи, сопровождаемой любыми видеорядами: кинофильм, рекламный ролик, телерепортаж и тому подобное. В случае необходимости аудитивно-энергетического изучения озвученной речи анализ должен выполняться подобным образом, но в моделировании его результатов отпадает необходимость в использовании пиктограммы (ПкГ).

Подчеркнем отдельно, что данный метод целесообразно использовать не только в традиционных экспериментально-фонетических исследованиях. Его следует рассматривать шире как переходный методологический инструментарий перспективных исследований в области когнитивной фонетики, эффективность проведения которых на инструментальном уровне при существовании современных средств измерения эмоциональной энергии, зон и интенсивности возбуждения отделов головного мозга, не может вызывать сомнения.

2.4. Методологические предпосылки оптимизации коммуникативного воздействия

Неудивительно, что потребность в решении ряда вопросов, связанных с проблемой коммуникативно-суггестивного воздействия на слушателя, интересовавшей ученых на протяжении многих веков, трансформируется в наше информационно напряженное время в необходимость разработки новых технологий суггестивного воздействия на аудиторию или отдельного слушателя. Характерной особенностью подавляющего большинства современных публикаций по проблеме суггестивного воздействия является, как показал проведенный нами обобщающий анализ, определенная односторонность ее препарирования. Строго говоря, изучение феномена коммуникативного воздействия осуществляется в рас-

смотренных работах преимущественно таким образом, что объектом исследования их авторов являются стратегии, тактики, технологии организации, методы, способы, приемы и средства речевой манипуляции (см., напр., [22; 61; 68; 133; 180; 225; 238; 294] и др.). При этом рассмотрению механизмов порождения реакций аудитории или отдельных индивидов на коммуникативно-суггестивные воздействия, а тем более когнитивно-психологическим аспектам и особенностям возникновения указанных реакций уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания.

Неэффективность дальнейшего развития такого одностороннего подхода к исследованию проблемы коммуникативного воздействия становится все более очевидной, поскольку уже сегодня в накопленном в его рамках знании обнаруживаются, как минимум, два малоприятных обстоятельства. Во-первых, имеет место явление своего рода многократной циркуляции в публикациях широко известного цитатного материала, не приводящее к появлению новых, необходимых для научного познания идей. Во-вторых, на обочине научного интереса остаются аудитория, слушатель, реципиент, без знания природы и специфики когнитивно-коммуникативной деятельности которых, оптимизация технологий суггестивного воздействия, равно как и изучение, при необходимости, возможностей избегания такового, будут заведомо малоэффективными.

Поэтому в объеме разработки энергетической теории речи возникла необходимость методологического поиска возможностей оптимизации существующих технологий коммуникативного воздействия.

Проведенное нами теоретико-методологическое обоснование рациональной совокупности действий, направленных на решение возникшей проблемы, показало необходимость выполнения такой последовательности гипотетико-теоретических процедур: выбор концептуального подхода к описанию основных сторон явления суггестивного воздействия в коммуникации → поиск универсальной модели, отражающей специфику механизмов протекания речемыслительных процессов в сознании коммуниканта → анализ закономерностей и степени варьирования реальных ситуаций общения коммуникантов → адаптация

обоснованной модели для описания типичных стратегий оптимизации коммуникативного воздействия.

В результате анализа существующих логико-методологических подходов к анализу суггестивного воздействия в коммуникации нами был выбран концептуальный подход, основанный на монистической по своей сущности идее [119, с. 88–104; 120, с. 205–208]. Согласно с этой идеей психофизиологическая энергия эмоциональной сферы бессознательного начала человека играет одновременно роль как источника, так и движущей силы всех латентно-когнитивных и речемыслительных процессов и актов, на запуск и интенсивность протекания которых в сознании индивида определяющее влияние оказывает его генетико-инстинктивная природа. В связи с этим, истоки развития любых когнитивных актов, обеспечивающих порождение речи, целесообразно усматривать в моноединстве ограниченного круга врожденных инстинктов и эмоций говорящего [106, с. 8].

Оценивая методологический потенциал эффективности описания специфики механизмов протекания речемыслительных процессов в сознании коммуникантов, мы остановили свой выбор на известной [120, с. 178–187; 122, с. 172–183] концептуальной модели экзистенциальной коммуникации, изображенной на рис. 2.14.

Уникальной особенностью указанной модели является возможность описания на ее основе глубинных психо-энергетических процессов формирующих то, что в современной психологии принято называть истинной личностью человека. Иначе говоря, именно данная модель позволяет нам осуществить определенное приращение научного знания об экзистенциальной коммуникации, существенным моментом в реализации которой и являются акты суггестивно-коммуникативного воздействия.

Здесь, пожалуй, нелишне акцентировать внимание на том, что мы рассматриваем экзистенцию как уникальную, присущую индивиду способность самоопределяться в условиях реальных социальных и материальных миров, неся полную ответственность за свой выбор [122; 120, с. 179-180]. При этом, исходя из того, что протекающие в слое

психического бессознательного экзистенциальные процессы вообще и суггестивные акты в частности, нельзя объяснить или заранее задать как объект научного познания, а можно зафиксировать лишь результаты порождаемых ими речемыслительной и предметно-преобразующей деятельности, мы изобразили экзистенцию на модели в виде сплошной сферы, символизирующей ее энергетическое ядро. Таким изображением и была подчеркнута невозможность сделать в настоящее время экзистенцию непосредственным объектом теоретического описания или исследования. Но это положение ни в коей мере не может распространяться на результаты функционирования экзистенциального в бессознательном начале психики индивида.

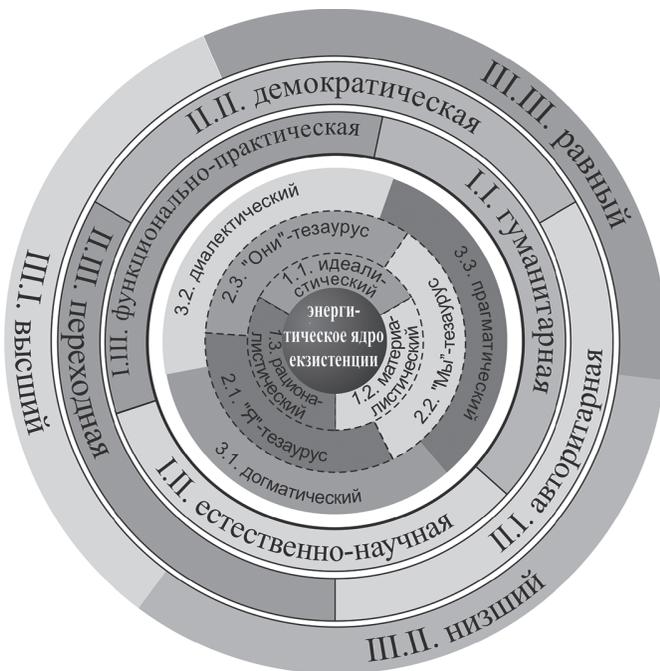

Рис. 2.14. Универсальная модель взаимодействия микро- и макрокосмов духовного бытия индивида в процессах его речемыслительной деятельности:
1.1-3.3 – микрокосм, I.I-III.III – макрокосм

Кроме того, необходимо обратить отдельное внимание, во-первых, на то, что следствием работы экзистенции являются исключительно процессы речемышления и мыследействия. При этом в основе своей лишь конечные результаты саморазвития этих процессов поддаются контролю со стороны сознания индивида. Во-вторых, в отличие от экзистенции, представляющей собой лишь определенную часть бессознательного в психике человека, в собственно бессознательном, питающем энергией экзистенциальное начало, разворачиваются сложнейшие процессы так называемого торможения или освобождения инстинктов, зарождения неосознаваемых реакций, состояний, а также потребностей и желаний, даже в принципе неподдающихся контролю сознанием. В-третьих, внутри психе индивида несомненно имеют место не только энергетические, но и некие эмоционально-тезаурусные связи между ее экзистенциальным и истинно бессознательным началами, анализ которых не входит в план настоящего рассмотрения.

Вообще говоря, из изложенного для нас важно, прежде всего, то, что экзистенция является сферой зарождения движущей силы всех без исключения частично или полностью контролируемых сознанием психических процессов, а бессознательное начало продуцирует все генетически обусловленное многообразие неподдающихся осознанию инстинктивно-физиологических реакций и состояний индивида.

В силу этого порождаемые экзистенцией и закрепляющиеся в долгосрочной памяти эго-, социо- и универсум-тезаурусы, достаточно четко могут быть описаны и изучены экспериментально, а следовательно, могут выступать в качестве предметов научного познания результатов как экзистенциального, так и контролируемых сознанием ментального и/или трансцендентного бытия индивида.

Следствием непрерывной работы экзистенции как неотъемлемой части бессознательного является постоянное расширение тезаурусных образований, сложно взаимодействующая совокупность которых и образует микрокосм духовного бытия индивида. Этот микрокосм включает эго-, социо- и универсум-тезаурусы, изображенные на модели рис. 2.14 в виде соответствующих сфер, охватывающих энергетическое ядро эк-

зистенции. При этом ближайшей к ядру оказывается сфера эго-тезаурусов (1.), обеспечивающая экзистенциальную целостность личности индивида и состоящая из трех взаимодействующих тезаурусов: 1.1 – *идеалистического*, 1.2 – *материалистического* и 1.3 – *рационалистического*. Следующая за ней сфера социо-тезаурусов (2.) включает представления индивида: о себе: 2.1 – “*Я-тезаурус*”; о своем социо-инцестуальном единстве: 2.2 – “*Мы-тезаурус*” и об остальном обществе: 2.3 – “*Они-тезаурус*”. Представления о духовном и материальном мирах, формирующиеся в сфере универсум-тезаурусов (3.), охватывающей микрокосм духовного бытия индивида, возникают на основе взаимодействия трех тезаурусов, имеющих: 3.1 – *догматический*, 3.2 – *диалектический* и 3.3 – *прагматический* характеры.

Из изложенного нетрудно понять, что именно особенности функционирования тезаурусного пространства микрокосма индивида и определяют то, что лишь с некоторой степенью тождественности можно называть его личностью, поскольку, как это было показано выше, возможности непосредственно наблюдать истинную личность человека нам не дает природа его психе.

В связи с этим, можно, видимо, говорить и о том, что любое традиционное исследование личности индивида с позиций социальных наук приведет к уменьшению степени ее тождественности с его истинной личностью. Это произойдет, прежде всего, потому, что культура, идеология и традиции социальной среды обитания человека (т.е. особенности макрокосма духовного бытия индивида) накладывают, как правило, громадное количество запретов на свободное проявление тех или иных сторон его истинной личности. И тем ни менее, при объективном научном описании явления суггестии в условиях реальной коммуникации обойтись без учета влияния макрокосма практически невозможно.

Поэтому в модель рис. 2.14. в качестве третьей составляющей духовного бытия индивида, представленную в виде сущностной интеллигибельной системы, наряду с подсистемами энергетического ядра экзистенции и микрокосма нами также включена подсистема макрокосма. Данная подсистема – *макркосм духовного бытия индивида* –

также включает три концентрически расположенных сферы тезаурусов: (I.) – знания об окружающей его действительности или доминирование в сознании определенной картины мира: (I.I.) – *гуманитарная*, (I.II) – *естественнонаучная* и (I.III) – *функционально-практическая*; (II.) – формы социально-политической культуры социума обитания индивида: (II.I) – *авторитарная*, (II.II) – *демократическая*, (II.III) – *переходная*; (III.) – осознания индивидом своего статуса по отношению к коммуниканту: (III.I) – *высший*, (III.II) – *низший* и (III.III) – *равный*.

Одним из наиболее важных моментов является то, что в условиях протекания реальной коммуникации, в силу неизбежно стохастической природы человеческого мышления, всегда имеет место феномен определенного перемещения друг относительно друга всех тезаурусных сфер его микро- и макрокосмов. Повышение интенсивности такого перемещения, указанного, например, на рис. 2.15б стрелками, будет снижать адекватность прогнозирования коммуникантами ситуаций и тем, а следовательно, и адекватность их общения. Идеальным для достижения суггестии представляется ситуация, в которой адресанту удастся в удобном или выгодном для него порядке (рис. 2.15а) сориентировать все тезаурусные сферы микро- и макрокосмов реципиента.

Такая ситуация зачастую достаточно полно реализуется в процессах религиозной пропаганды. Для этого служители культа используют, как правило, предварительные проповеди. С их помощью, опираясь на доминирующие в психической сфере представителей паствы архетипы отношения к реалиям действительности, проповедники достигают состояния возникновения и закрепления в бессознательном каждого индивида определенно сориентированного устойчивого взаимного положения тезаурусных сфер его микрокосма. Вследствие этого при последующих коммуникативных действиях служителю культа хватает обычно пары кодовых фраз для восстановления этого уже закрепившегося в психике верующего состояния идеального (рис. 2.15а) взаимодействия тезаурусных сфер его микрокосма, обеспечивающего адресанту достижение максимального суггестивного воздействия на каждого слушателя его проповеди.

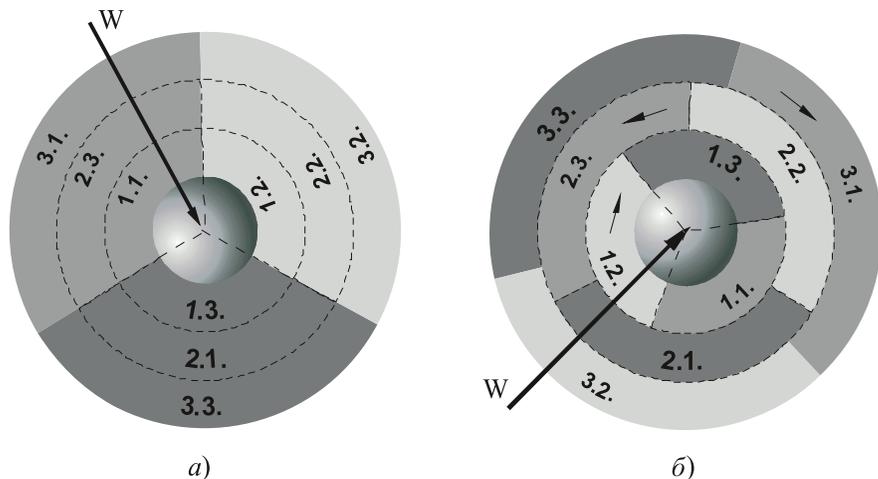

Рис. 2.15. Варианты взаимодействия тезаурусных сфер микрокосма индивида: а) идеальный, б) реальный

Для реализации указанного коммуникативного эффекта вполне достаточно, например, чтобы (см. рис. 2.15а) смыслодержательное насыщение предварительной проповеди апеллировало последовательно к определенным архетипам тезаурусов: 3.1 (догматических представлений об окружающем мире), 2.3 (представлений об остальном обществе) и 1.1 (идеалистического эго). При выполнении этого условия содержащаяся в проповеди информация (см. вектор W) обеспечивает максимально возможный суггестивно-коммуникативный эффект, достижение которого по схеме рис. 2.15б (вектор W) будет заведомо усложнено. Справедливости ради следует отметить, что рассмотренный пример описывает далеко не единственный вариант удачного использования проповедниками приемов предварительной взаимной ориентации тезаурусных сфер микрокосмов.

Однако для нас важнее всего то, что иллюстрированные моделями рис. 2.14 и 2.15 концептуально-методологические предпосылки открывают прямую возможность экспериментального динамического

описания энергетических процессов реализации стратегий оптимизации суггестивного воздействия коммуникации.

Нам представляется, что изложенные предпосылки будут весьма полезны не только исследователям-лингвистам, но и профессионалам сферы риторики и педагогики.

2.5. Классификация речевых пауз и оценка их эмоционально-прагматического потенциала

Пауза как используемое в речи средство смыслового и эмоционального выделения, обеспечивающее её связность путем прерывания звучания и сегментирующая саму речь на высказывания и синтагмы, лингвистам хорошо и давно известна. Исследователями уделено немало внимания изучению особенностей функционирования пауз в речи. Однако специфическая сущность психо-энергетической природы их порождения адресантом и декодирования адресатом раскрыта до сих пор недостаточно полно.

Этим и была продиктована необходимость дальнейшего углубления представлений о психо-энергетической природе порождения и декодирования речевых пауз в условиях коммуникации.

Приступая к решению поставленной задачи, прежде всего, целесообразно рассмотреть реальное состояние научных представлений о паузе как об одном из уникальных речевых феноменов. Так, из наиболее известных дефиниций речевых пауз следует, что они являются по сути своей перерывом в звучании речи (см., напр., [24, с. 338; 245, с. 369]), или молчанием [332, с. 721], и, будучи средством интонационной организации речевого потока, обеспечивают выделение синтагм за счет резкого перепада его тональных уровней [194, с. 539; 86, с. 128] и тембального изменения качества голоса говорящего [332, с. 721]. При этом их физический смысл заключается в отсутствии звука, порождаемого остановкой в работе речевых органов [245, с. 369].

В отличие от перерывов внутри слова (напр., глухие смычки), паузы между словами, выполняя языковые функции, могут являться: 1) средством членения речи на интонационно-смысловые единицы – фразы и синтагмы (в реализации этой функции паузы участвуют совместно с изменениями мелодики речи, интенсивности и темпа речи, причем резкие перепады последних могут заменять паузы); 2) средством выражения характера связи между частями высказывания; 3) средством смыслового и эмоционального выделения слова или синтагмы [245, с. 369].

Функциями паузы считают также *семантическую*, *синтаксическую* (как средства членения и интеграции), *актуализационную* (как средства актуального членения предложения), *прагматическую* (как средства интеракции говорящих), а также *функцию речевого планирования* (остановки с целью подготовки к следующим высказываниям) и *физиологическую* (как средство регуляции дыхания) [194, с. 539]. Л. Янг рассматривал паузы в качестве интерактивных сигналов чередования и направления тем в коммуникации, акцентируя внимание на функционировании паузы как *выразительного элемента* в речи. Эта функция паузы играет особенно важную роль в речи говорящего, поскольку она служит средством *эмоционального выделения* и *интенсификации* особенно важных смысловых элементов повествования [343, с. 270].

Известные нам оценки общекоммуникативной роли пауз лингвистами и мастерами театрального искусства могут быть сведены к следующему. Так, К. С. Станиславский рассматривает паузу как важнейший элемент или инструмент речи и как один из “главных ее козырей” [209, с. 87], поскольку она нередко способна передавать часть подтекста, идущую не только от сознания, но и от самого подсознания и не поддающуюся конкретному словесному выражению. Кроме того, именно пауза, как отмечается в работе [154, с. 480], регулирует смысловое и тем самым интонационное движение речи, увеличивая за счет этого богатство всякого рода смысловых оттенков, подчеркиваний, умолчаний и т.д.

Рассуждая подобным образом, Н. О. Браун видит в молчании одну из форм сознания, способ его артикуляции, занимающую законное место в ряду других форм и в подтверждение этого приводит известную

еще со времен древности мысль о “словности” и смыслонаполненности молчания, выраженную греческим мистиком-неопифагорийцем Аполлоном Тианским: “...молчание тоже есть логос” [258, с. 256]. Похожие суждения можно встретить и у М. Эпштейна, считающего, что “разговор не просто отрицается или прекращается молчанием – он по-новому продолжается в молчании, он создает возможность молчания, обозначает то, о чем молчат” [242]. Он подчеркивает, что “безмолвие скапливается в самих словах, как невыговоренность смысла, его оглушенность словом. Молчание приходит как возмездие лже-Слову, как разоблачение его самозванства” и “чем больше взбивается, взбалтывается речь, тем больше немоты таится на дне” [242]. Аналогично понимает проблему и Л. Витгенштейн, полагающий, что следует молчать о том, о чем невозможно говорить [47, с. 73].

Поскольку в каждой паузе содержится скрытый смысл [209, с. 71], а само молчание принадлежит виртуальной области языка, то выбор между речью и не-речью является скрытым актом речи [16, с. 418]. И не случайно, по видимому, исследователями обращается отдельное внимание на то, что паузы могут сказать о человеке не меньше, чем слова, что в разговоре на них уходит 40-50% времени [44, с. 378].

Кроме того, лингвисты часто подчеркивают, что паузы выполняют разделительную функцию, а также используются для структурирования речи и увеличения степени ее понимания. Молчание в нужный момент воспринимается как признак уверенности и оказывает сильное воздействие на слушающего [71, с. 249]. При этом паузами можно манипулировать для того, чтобы вызвать определенный драматический эффект, поскольку паузы разной длительности могут подчеркивать неопределенные отношения между говорящими, поддерживать напряженную обстановку и содействовать пониманию [266, с. 75]. Кроме того, они предоставляют коммуникантам возможность когнитивной переориентации во время ключевых переходных моментов развития темы [343, с. 270].

Описывая роль паузы, а также умение и необходимость для актера держать ее, С. Юрский отмечает, что пауза – это мгновения свободного

хода действия, его саморазвитие. В паузе к зрителю со сцены не поступает никакой новой информации, но именно в этот момент все накопленное предыдущим движением преобразуется в душе зрителя в новое качество. Именно в паузах скачками повышается напряжение. Паузы, будучи “временем творчества зрителя” [244, с. 77–78], стимулируют его мыслительную деятельность [там же; см. также 211, с. 89, 114] к размышлениям над невысказанным, недоговоренным [244, с. 79].

Уникальность паузы усматривалась К. С. Станиславским уже в том, что она способна передавать идущую от подсознания и не поддающуюся конкретному словесному выражению часть подтекста [207], и, как бы продолжая звучавшую речь, стимулировать протекание в мышлении слушателя соответствующих когнитивных процессов.

Говоря языком современной науки, к особенностям функционирования пауз, отмеченным в приведенных выше высказываниях, мы можем отнести: непосредственную связь процессов порождения пауз с сознанием, предсознанием и бессознательным психики говорящего; способность психофизиологической энергии речевых пауз возбуждать в сознании слушателя акты когнитивного мышления; наличие у речевых пауз латентного манипулятивно-суггестивного потенциала. Благодаря этому, пауза, порождаемая сознательно или неосознанно энергией психического начала говорящего, дополняет звучащую речь определенным подтекстом, позволяющим ему полнее выразить свою мысль и эмоциональное состояние.

Изложенное дает основание считать, что речевая пауза в ее широком понимании является фокусирующим элементом логико-смысловой направленности коммуникации, порождающим из веера латентных альтернатив под воздействием эмоциональной энергии говорящего конкретный, адекватно декодируемый реципиентом смысл высказывания. Именно поэтому паузу и следует рассматривать как специфический энергетический феномен коммуникации, сигнализирующий об уровне эмоционально-прагматической энергии говорящего, дающий толчок к возбуждению соответствующих когнитивно-декодирующих процессов в психической сфере реципиента. В силу этого, с энергетической точки

зрения пауза способна обретать статус мощного средства суггестивного воздействия на собеседника.

Оставив на некоторое время в стороне суггестивный потенциал пауз, сосредоточим внимание на особенностях их порождения адресантом и декодирования адресатом. Из работы [120, с. 192–204] известно, что в процессах коммуникации мозг индивида обрабатывает, структурирует и накапливает различную как по источникам, так и по природе передающих ее носителей, внешнюю информацию. При этом автором подчеркнуто [там же, с. 206], что импульсы, активизирующие энергию и мотивацию речемыслительных, а также физических действий любого индивида, зарождаются в сфере бессознательного, психофизиологическая энергия которого и обеспечивает осуществление всех без исключения тесно между собой связанных мыслительных процессов эмоционального и когнитивного характера.

Исходя из этого, логично допустить, что речевые паузы, в зависимости от уровня их зарождения в психике адресанта (сознание, предсознание и бессознательное), актуализируются в коммуникации под влиянием различных по физическим параметрам нервных импульсов, информационно-энергетическая манифестация которых воспринимается и селективно декодируется нейронными популяциями, управляющими функционированием указанных уровней психики адресата. Проще говоря, мы можем предположить, что паузы, порождаемые сознанием, предсознанием или бессознательным говорящего, декодируются на адекватных уровнях психики слушающего.

Такое понимание тесно взаимосвязанных между собой процессов их порождения, актуализации и декодирования в коммуникации приводит нас к прямой возможности систематизации речевых пауз по уровням их порождения психикой говорящего. Воспользовавшись этой возможностью, мы и ввели в психо-энергетическую классификацию признаков пауз звучащей речи (см. рис. 2.16) три их основных класса, идентифицируемых в соответствии с уровнями (сознание, подсознание, бессознательное) порождения самих пауз психикой говорящего.

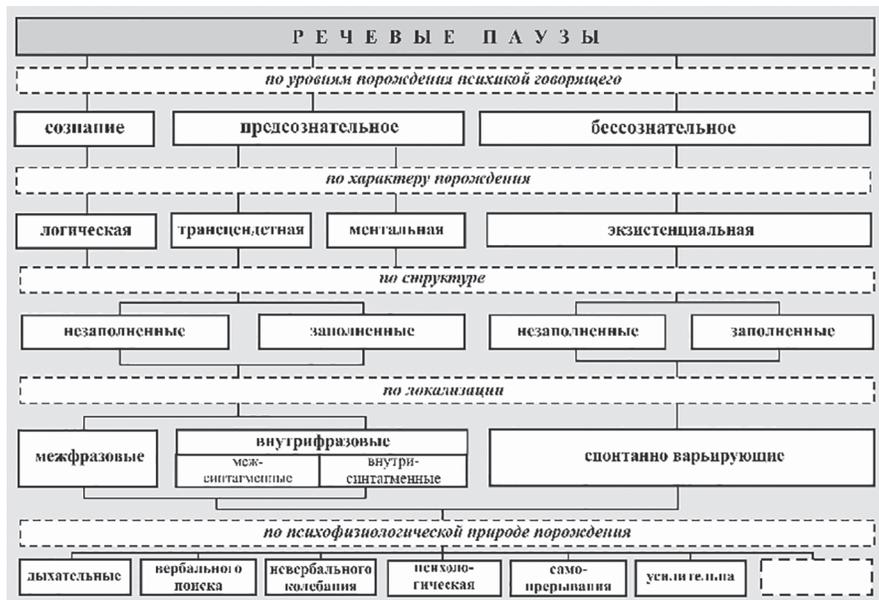

Рис. 2.16. Классификация психо-энергетических признаков пауз в звучащей речи

Дальнейший анализ научных представлений о психо-энергетической природе порождения и актуализации пауз в коммуникации показал, что продуцирующая их энергетика существенным образом зависит от эмоционального состояния говорящего. В этой связи большинство лингвистов склонно разделять все известное многообразие пауз звучащей речи на два их основных укрупненных класса или две соответствующие группы – логические и эмоциональные.

Логическая, или интеллектуальная пауза, интерпретируемая С. И. Бернштейном как артикуляторная [26, с. 84], будучи “пассивной, формальной, бездеятельной”, обусловленной процессами мышления и синтаксической структурой высказывания, отражает его смысл и приводит к механическому членению речевого потока на относительно

самостоятельные смысловые группы слов – фразы, синтагмы или речевые такты [228, с. 75–77; 209, с. 87]. Она не только объединяет слова в речевые такты, но и помогает точно понять смысл высказывания [58, с. 147–148], сигнализируя о когнитивной деятельности говорящего [266, с. 174]. Логическая пауза способствует силе воздействия и убедительности [209, с. 87]. Такие паузы, отделяющие один речевой такт от другого, называют также интонационно-логическими и считают, что изменение их места в одном и том же предложении может значительно изменить его смысл [44, с. 381].

Процесс сегментации речевого потока с помощью пауз интерпретируется “временем мышления – временем планирования” [270, с. 119]. Лингвисты различают в речи паузы, связанные с ее синтаксическим построением: логические, логико-синтаксические, интонационно-логические [44, с. 381] и эмотивные паузы [270, с. 119].

Анализируя многофакторную природу пауз Л. К. ЦиPLITIS подразделяет их на: 1) асемантические, или неинтонационные, классифицируемые на конститутивные (ритмические или технические, артикуляционные, усиливающие), ситуативные, индивидуальные и физиологические; 2) семантические, или интонационные, обозначающие границы групп слов или указывающие на эмоциональное состояние говорящего и передающие интеллектуальное или эмоциональное значение [228, с. 73–75].

При этом паузы, соответствующие знакам препинания в письменной речи, определяются как интонационно-синтаксические, различающиеся своей длительностью. Самая короткая пауза ассоциируется с запятой; самую длинную паузу требует точка. Интонационно-синтаксической паузой отделяются в звучащей речи однородные члены предложения, вставные конструкции, обращения; пауза заполняет то место в предложении, где подразумевается пропуск слова.

Кроме того, в работах [58, с. 149; 44, с. 383] сообщается, что физиологические паузы, обеспечивающие плавность речи и позволяющие держать ее в пределах среднего темпа, следует делать через 10–15 слов. Отмечается также, что невыгодной для оратора и неприятной для слу-

шателей становится ситуация, если физиологические паузы не совпадают с логическими и психологическими. Противопоставляя пустые паузы заполненным, В.И. Немирович-Данченко замечал, что в заполненных паузах выражаются “недоговоренное чувство, намеки на характер, полутона” [171, с. 160–161], в то время как пустые паузы не создают комфорта при общении, они затягивают разговор, а иногда и раздражают, поскольку говорящий постоянно думает о том, что дальше следует говорить [44, с. 379].

Говоря о логических паузах, называемых также паузами молчания, мы можем, во-первых, отметить невысокую целесообразность использования по отношению к ним синонимически-тавтологического словосочетания “пауза молчания”, поскольку самим термином “пауза” и принято [18, с. 314; 245, с. 369; 86, с. 128; 194, с. 539 и др.] обозначать временную остановку или прерывание движения речевого потока, возникающее вследствие остановки в работе речевых органов, и независимо от причин, приводящее к отсутствию звучания, т.е. молчанию говорящего; во-вторых, обратить внимание на то, что в зависимости от вида и степени переживаний говорящего, его эмоциональное состояние может передаваться в речи и асемантическими (неинтонационными) паузами; в-третьих, напомнить, что логические паузы также вполне могут быть как заполненными, так и незаполненными. Как видим, далеко не все представления лингвистов о речевых паузах можно считать однозначными.

И, тем не менее, исходя из сложившейся к настоящему времени традиционной дифференциации речевых пауз на *логические* и *эмоциональные* мы имеем возможность классифицировать в соответствии с существующими требованиями [129, с. 110–118] основные признаки логических пауз. В вербальной форме четырехуровневая система классификации указанных признаков примет следующий вид: по природе порождения: 1. *логические паузы*; по заполнению: 1.1. *незаполненные*, 1.2. *заполненные*; по локализации в тексте: 1.2.1. *межфразовые*, 1.2.2. *внутрифразовые*, по локализации внутри фразы: 1.2.2.1. *межсинтагменные*, 1.2.2.2. *внутрисинтагменные*.

Вполне понятно, что в рамках некоей общей системы признаков речевых пауз, классификацию признаков логических пауз вполне можно рассматривать в качестве одной из ее автономных подсистем. При этом представляется естественным, что в таком случае второй автономной подсистемой должна стать классификация признаков эмоциональных речевых пауз.

Для начала ее рассмотрения напомним, что эмоции при чтении выражаются интонацией, а также психологическими паузами [211, с. 101], создающими эмоциональное толкование текста и выделяющими дополнительные оттенки сообщения. Будучи всегда связанной с подтекстом, психологическая пауза не подчиняется законам логического членения текста: она может оказаться там, где логически и грамматически невозможно сделать остановку [58, с. 148]. Психологические или эмотивные (экспрессивные [26, с. 84]) паузы выражают чувства говорящего, его желание придать слову особенную важность, передают его невыраженный вербально смысл и служат для привлечения внимания слушателя [80, с. 289; 228, с. 80-82; 209, с. 87; 193, с. 45]. По словам К. С. Станиславского, если без логической паузы речь становится безграмотной, то без психологической, содержащей богатый внутренний смысл, она становится мертвой [209, с. 87]. Подчеркивая роль психологических пауз в речи, К.С. Станиславский отмечает, что они "...умеют досказать то, что недоступно слову, и нередко действуют в молчании гораздо интенсивнее, тоньше и неотразимее, чем сама речь. Их бессловесный разговор может быть интересен, содержателен и убедителен не менее чем словесный" [там же].

Что же касается пауз хезитации, то они помогают говорящим оформить свои мысли и предложения, находить лучшую, наиболее точную и ясную форму изложения. Будучи, по сути, паузами размышления, они возникают в любом месте высказывания и отражают колебания при выборе возможных речевых средств [1, с. 100; 44, с. 379; 327, с. 494]. Их могут заменять любые средства языка: сочетания слов, интонационные средства, напр., перепады тональных уровней, замедление темпа, повышение громкости и т.п., которые помо-

гают говорящему корректно сформулировать свою мысль, выделить наиболее важное и уместное с точки зрения семантики слово или словосочетание, производя в определенном контексте конкретный эффект. Такие паузы иногда называют паузами замирания, раздумий, ожидания, недоумения, тревоги [205], сомнения [327], колебания, удивления, стеснения, размышления, гнева [194, с. 539], неуверенности, сомнения [86, с. 128], пауза обдумывания [211, с. 89, 114] и т.д. Их можно классифицировать [1, с. 96] по качественному составу на *вербальные* (вокализации, удлинения звуков, вербального поиска (лексико-семантические паузы и метатекстовые комментарии), являющиеся по своим функциям языковыми / речевыми единицами; незавершенное высказывание; непреднамеренные повторы, фальстарт и рестарт) и *невербальные* (незаполненная пауза колебания, паралингвистические паузы).

В коммуникации пауза хезитации выполняет ряд функций: коммуникативную, контактоустанавливающую, контролирующую и корректирующую, временную, маскирующую речевые затруднения или смущение говорящего [2]. При этом пауза хезитации может как помогать собеседникам, так и нарушать эффективность общения.

Анализируя терминологическую возможность формирования второй автономной подсистемы общей вербальной классификация признаков речевых пауз, отметим, прежде всего, то, что паузы рассмотренного выше класса их признаков целесообразно называть эмоциональными паузами.

Представленная, как и в предыдущем случае, в вербальной форме, четырехуровневая система классификации основных признаков эмоциональных пауз примет следующий вид: по природе порождения: 2. *эмоциональные паузы*; по заполнению: 2.1. *незаполненные*, 2.2. *заполненные*; по локализации в тексте: 2.1.1-2.2.2. *спонтанно варьирующие*; по локализации внутри фразы: 1.2.2.1. *межсинтагменные*, 1.2.2.2. *внутрисинтагменные*.

Таким образом, для формирования общей классификации признаков речевых пауз достаточно объединить первую и вторую структури-

рованные нами автономные подсистемы признаков логических и эмоциональных пауз.

Характеризуя в общих чертах такую академическую четырехуровневую классификацию признаков речевых пауз, можно с полным на то основанием говорить, что структурная и сущностная ее основы не противоречат важнейшему методологическому требованию сохранения преемственности научно-лингвистического знания.

На первый взгляд, вполне может показаться, что проблема систематизации речевых пауз, в основе своей, решена, поскольку полученная классификация способна охватить любое сколь угодно большое количество известных и потенциально возможных их признаков. С этим, в принципе, можно и согласиться при условии корректного дополнения ее двумя-тремя нижележащими иерархическими уровнями известных альтернативных признаков речевых пауз. К ним, в первую очередь, следует отнести морфологический ряд признаков, конкретизирующих состояние психики говорящего (например, колебание, раздумье, размышление, ожидание, тревога и т.п.), послужившие причиной возникновения в речи того или иного вида паузы. Не менее важно ввести в такую классификацию и морфологию чувств, переживаемых говорящим (например, удивление, гнев, радость, восторг, любовь, ненависть, уважение, признание и т.п.), под воздействием которых говорящий вынужден делать паузу определенного вида. При этом обязательным следует считать наличие в классификации иерархически соподчиненных морфологических рядов признаков, отражающих физиологическую природу порождения конкретного вида речевых пауз, природу их физической материализации и функциональное назначение в коммуникации. В результате строго пошаговой реализации описанной методологии мы и получим исчерпывающую, весьма эффективную для использования в лингвистике, классификацию признаков речевых пауз.

Однако для научного обоснования такой классификации необходимо, как известно, наличие в лингвистическом знании соответствующего понятийно-терминологического аппарата. Для решения данного вопроса воспользуемся информацией о реальном состоянии понятийного

тезауруса, на основе которого в современной лингвистике принято осуществлять описание признаков и разновидностей речевых пауз.

Так, по характеру восприятия речевые паузы, чаще всего, определяются театраловедами и лингвистами как: *красноречивые, многозначительные, гробовые, оробевшего человека, ненужные, утомляющие, комические, специальные* [205]; *неловкие, психологические, многозначительные, ритмические* [224]; *обязывающие, томительные, трагического бездействия, эффектные, торжественные, удачно выбранные* [206]; *нудные, гастрольные, случайные, логические, безграмотные, классические, затянутые* [208]; *ситуативные, физиологические* [44, с. 383; 228, с. 73–75]; *творческие, расслабляющие, тихие* [224], *социальные* [296, с. 540; 282, с. 53]; *культурные, ситуативно маркированные* [282, с. 52–53]; *пейзажные, динамические, творческие, чистые; абсолютные, грозные, мучительные, будоражащие; выжидательные, наполненные, напряженные, тягостные, обозначенные, паузы сосредоточения* [244, с. 43, 73]; *оцепенения* [205]; *раздумья* [206]; *ожидания, недоумения, тревоги* [208]; *раздумья, удивления, стыдливости, растерянности, гнева, сомнения* [194, с. 539]; *рефлексии, игровые, отдыха и расслабления* [224]; *обдумывания, ожидания, подготовительные* [211, с. 89, 114]; *напрягающие, побуждающие, активизирующие* [244, с. 36, 43] и т.п.

В свою очередь, для обозначения функций речевых пауз в коммуникации исследователи используют, преимущественно, следующие термины: *психологические* [224; 211, с. 101; 58, с. 148; 26, с. 84]; *ритмические* [224; 228, с. 73–75]; *физиологические* [58, с. 149; 194, с. 539; 228, с. 73–75]; *интонационно-логические и интонационно-синтаксические* [44, с. 381]; *неуверенности, или хезитации* [Калити 2001, с. 128; 316, с. 68-72; 7, с. 97–100; 230, с. 130; 253, с. 245–262; 257, с. 163; 259, с. 155–170; 277, с. 43–44; 296, с. 158; 291, с. 486–490]; *синтаксические и несинтаксические* [194, с. 539; 270, с. 119]; *логические, или интеллектуальные* [103; 26, с. 84; 316, с. 68-72; 7, с. 97–100; 253, с. 245-262; 257, с. 163; 259, с. 155–170; 277, с. 43–44; 296, с. 158; 291, с. 486–490]; *прагматические* [194, с. 539]; *стыковые* [296, с. 535–539]; *предупреждающие, объединительные, перечисляющие* [194, с. 539]; *подчеркивающие,*

выделяющие [58, с. 146; 7, с. 104; 311, с. 259; 296, с. 541]; *интонационные* или *неинтонационные, интенсифицирующие* [245, с. 369; 7, с. 104; 311, с. 259; 296, с. 541]; *эмотивные* [270, с. 119; 26, с. 84]; *артикуляционные, экспрессивные* [26, с. 84]; *межсинтагменные, внутрисинтагменные, финальные, разделительные, нефинальные, межфразовые* [316, с. 68–72; 7, с. 97–100; 230, с. 130; 253, с. 245–262; 259, с. 155–170; 277, с. 43–44; 296, с. 158; 291, с. 486–490]; *асемантические, конститутивные, технические, усиливающие, индивидуальные* [228, с. 73–75]; *оценивающие, структурирующие* [71, с. 249]; *семантические* [7, с. 104; 311, с. 259; 296, с. 541], *паралингвистические* [2]; *динамические* [244, с. 43, 73]; *удивления, растерянности, нежелания вмешательства посторонних лиц, сомнения* [194, с. 539]; *рефлексии, игровые* [224]; *побудительные, активизирующие* [244, с. 36, 43] и т.п.

С методологической точки зрения, представленная здесь совокупность понятий и терминов является вполне достаточной для системного описания признаков и разновидностей речевых пауз в объеме обоснованных выше процедур формирования их обобщенной классификации. Об этом, в первую очередь, свидетельствует то, что в данной совокупности практически каждая группа альтернативных терминологических элементов может быть без особых проблем соотнесена с более абстрактным научным понятием или термином, необходимым для обозначения критериев или иерархических уровней их формируемой (рис. 2.16) в данной работе классификации. Поэтому можно с полной, необходимой для нашего рассмотрения научной объективностью, считать, что традиционно сложившийся в лингвистике понятийно-терминологический аппарат описания признаков и разновидностей речевых пауз является достаточным для его применения в объеме теоретического исследования психо-энергетических особенностей их порождения, актуализации и декодирования.

Есть, однако, в анализируемом нами понятийно-терминологическом аппарате весьма странное толкование и недостаточно, в смысле его иерархического статуса, обоснованное определение термина “психологическая” пауза. Сегодня, пожалуй, трудно найти лингвиста, отри-

чающего, что сознание, предсознание и бессознательное являются конкретными сферами или уровнями психики индивида и пытающегося одновременно настаивать на том, что логические паузы в частности, и речемышление вообще не являются уникальным продуктом психического бытия личности. Иначе говоря, в объемах любой из рассматриваемых классификаций само понятие “психологическая пауза” имеет настолько высокий уровень абстракции (т.е., является настолько общим по отношению к остальным, используемым в них понятиям), что его применение в качестве признака конкретного класса, вида, типа, группы или отдельно взятой речевой паузы становится логически некорректным.

Именно поэтому, с одной стороны, в процессе обоснования психо-энергетической классификации пауз все многообразие их признаков и было сведено нами в два основных класса: логические и эмоциональные. Возвращаясь к указанной классификации, отметим, что, с другой стороны, понимание важности дальнейшего познания психо-энергетической специфики функционирования речевых пауз в коммуникации поставило нас перед необходимостью отражения в классификации (рис. 2.16) особенностей и характера их порождения. Поэтому в качестве критерия или основания для систематизации элементов ее второго иерархического уровня был принят характер порождения самих пауз. Этот характер, как показано в работах [119, с. 88–104; 120, с. 208–213; 102; 105; 114], определяется, в основе своей, теми сферами духовного бытия психики индивида, в которых протекало его мышление, приведшее, в конечном счете, к актуализации того или иного вида речевой паузы.

Подчеркнем здесь, что, в сущности, характер порождения речевых пауз может вполне определяться как логическим мышлением сферы сознания индивида, так и другими видами его мышления: эмоциональным, присущим сфере его экзистенции, эмо-рациональным, протекающим в его ментальной сфере, и рациональным, продуцируемым трансцендентной сферой его психического бытия. При этом именно от сферы зарождения паузы и зависят характер актуализации самой паузы и те признаки, по которым лингвисты идентифицируют его сегодня.

Отметим также, что поскольку психическая энергия человека обеспечивает протекание всех без исключения процессов его речемышления и мышледействия, то мы имеем полное основание для введения в формат рассматриваемой (рис. 2.16) классификации на ее пятом иерархическом уровне критерия психофизиологической природы порождения речевых пауз. Благодаря этому и появляется возможность путем проведения междисциплинарного исследования устанавливать степени превалирования в порождении пауз психической энергии говорящего (от энергии инстинкта через энергию состояний, эмоций и чувств до энергии, обеспечивающей работу сознания) или его физиологической энергии, поскольку результат их действия обуславливает не только перепад интонационных параметров речи на границах актуализации паузы, но и виды обычно сопровождающих ее паралингвистических средств (движений, поз, мимики, жестов и т.п.).

Что же касается третьего (структура) и четвертого (локализация) иерархических уровней классификации пауз, то, оставаясь соответственно адекватными второму и третьему уровням, рассмотренной в вербальной форме их общей классификации, они, будучи введенными нами в схему рис. 2.16 без изменений, призваны в соответствии с методологическим требованием сохранения преемственности научного знания обеспечить прямую трансляцию результатов исследования психо-энергетических признаков речевых пауз в уже существующее лингвистическое знание.

Однако результаты проведенного нами предварительного системно-матричного анализа показали недостаточную надежность описываемых, а чаще прогнозируемых в лингвистических источниках, связей между элементами четвертого и пятого иерархических уровней классификации (рис. 2.16). И поэтому считать проблему решенной представляется еще преждевременным. Напротив, исходя из общеизвестных законов генезиса научного знания, можно с полной уверенностью сказать, что проблема только предстала во всей ее сложности.

И, тем не менее, трудности логико-методологического характера, возникающие при определении связей между элементами четвертого

и пятого уровней обоснованной таким образом классификации, представляются нам вполне разрешимыми.

Для этого необходимо расширить возможности классификации рис. 2.16 как теоретического инструментария научного познания путем ее преобразования в системную матрицу. В боковину такой матрицы следует ввести все элементы классификации, приведенные на рис. 2.16, а в ее головке разместить шкалы установленных экспериментальным путем физических параметров просодических средств, принимающих непосредственное участие в актуализации конкретных видов речевых пауз. Согласно существующим методологическим требованиям в роли искомым параметров должны выступать определенные комплексы или отдельные просодические характеристики, имеющие размерность физических величин.

Остановимся на этом несколько подробнее. Напомним, что в лингвистических источниках для маркирования длительности речевых пауз часто используют такие их характеристики: *короткая, длинная* [332, с. 721], *длинная, длинная томительная, огромная* [205; 244, с. 36]; *долгая, короткая* [206; 103 и др.]; *довольно долгая, довольно большая* [206]; *большая, затянутая* [208]; *продолженная* [103]; *значительная, незначительная (второстепенная)* [343, с. 269], *мини-пауза* [224]; *минутная, бесконечная, сильно затянувшаяся, громадная* [244, с. 36, 38, 43] и т.п. С одной стороны, мы видим, что приведенные определения следует расценивать как арсенал средств описания типичных образно-качественных характеристик длительности пауз. С другой, хорошо известно, что в экспериментальных исследованиях реальная длительность пауз измеряется традиционно в миллисекундах как физических единицах фиксации времени прерывания звукового потока в условиях устной коммуникации.

Однако получаемая таким образом количественная оценка длительности речевых пауз является лишь необходимой, но недостаточной для строго научного описания энергетической природы процессов их порождения, актуализации и декодирования. Для этого в распоряжении исследователя должны быть еще и такие количественно оценива-

емые связанные с психоэнергетикой говорящего параметры речи, как интенсивность и частота основного тона. Аппаратурная регистрация указанных параметров с помощью ряда современных компьютерных программ не составляет каких-либо трудностей. Проблема состоит, прежде всего, в том, что, поскольку до настоящего времени психоэнергетическим феноменам интонационного оформления речи не уделялось достаточного внимания, то в лингвистике и не ставилась задача обоснования теоретических предпосылок соответствующих экспериментально-фонетических исследований.

Поэтому с методологической точки зрения представляется целесообразным использовать в разработке таких предпосылок не только обоснованный [107] и апробированный [108; 289] нами выше (см. раздел 2.1) критерий уровня эмоционально-прагматического потенциала высказывания, а и саму логику его поиска. В таком случае, исходя из предыдущего опыта, можно с высокой степенью вероятности утверждать, что с помощью методов теории подобия целесообразно обосновывать также безразмерные (нормированные) коэффициенты длительности паузы и коэффициенты интенсивности влияния психической и физиологической энергии говорящего на их актуализацию. Более того, теоретически возможным является определение некоего комплекса указанных безразмерных коэффициентов, т.е. критерия интенсивности паузального перепада энергии.

При таком подходе установленные экспериментальным путем поля числовых значений безразмерного критерия интенсивности паузального перепада энергии вполне могут служить показателями доминирующего влияния психической или физиологической энергии на порождение конкретного вида речевой паузы. При наличии указанных данных и дополнительном введении в классификацию рис. 2.16 морфологического ряда акцентно-суггестивных функций пауз, формирование обобщенной матричной систематизации психоэнергетических признаков речевых пауз можно будет считать завершенным.

Благодаря такому пониманию рассмотренных выше проблем психоэнергетическая сущность функционирования речевых пауз [115,

с. 33–53; 289, с. 54–56] представляет отдельный интерес. Он во многом обусловлен также объективной невозможностью игнорирования широко известных мнений лингвистов, психологов и философов об исключительной важности эмоций, 90% энергии которых реализуется в коммуникации на неречевом уровне, и уникальной роли используемых в ней пауз [198, с. 19]. Возникшая таким образом проблема ставит нас перед необходимостью концептуального рассмотрения энергетической природы речевых пауз, определения их ЭПП, а также механизмов диалектически противоречивого взаимодействия ЭПП пауз с ЭПП высказывания в процессах порождения и декодирования речи.

Не вдаваясь в детали, остановимся подробнее на ключевом с точки зрения энергетической теории моменте, суть которого заключается в актуальности поиска безразмерного критерия для количественной оценки перепадов ЭПП определенных речевых отрезков на паузе.

Вполне понимая известные предостережения А. И. Багмут [21, с. 57] о нецелесообразности поиска прямой зависимости между длительностью пауз и их значением, между их положением во фразе и функцией или взаимосвязи между паузой и другими просодическими средствами в процессе передачи смысла высказывания, мы пришли к выводу, что природу функционирования пауз в коммуникации логичнее связывать с динамическим феноменом энергетического взаимодействия ее ЭПП (эмоционально-прагматического потенциала) с ЭПП высказывания, в котором она актуализуется.

Начиная разработку методологического инструментария, призванного обеспечить теоретическое обоснование такого подхода, мы сочли целесообразным убедиться в возможности практического инструментального определения динамических и энергетических характеристик речевой паузы.

Исходная идея для решения этого вопроса вытекала из известного высказывания Л. К. Цеплитиса [228, с. 70] о том, что длительность является единственным доступным параметром паузы, поддающимся аппаратурной фиксации. Далее он говорил также о целесообразности определения относительной, зависящей от темпа паузы, определяемой

количеством сегментных единиц (звуков, слогов, слов и т.п.), которые при данном темпе могли бы заполнить паузу [там же, с. 71].

Таким образом было выяснено, что обязательным условием определения энергетических характеристик паузы должно быть соотношение ее длительности с темпом ренализации смежных с ней речевых сегментов. При этом в зависимости от поставленной исследователем задачи правило указанного обезразмеривания должно относиться к любому виду речевых сегментов. Фиксация вычисленных таким образом безразмерных характеристик пауз открывала возможность перехода с помощью подобных безразмерных показателей иных элементов интонации к исследованию динамики взаимодействия и корреляционных связей между любыми факторами, оказывающими влияние на актуализацию конкретных видов, групп или классов эмоциональных высказываний.

Что же касалось методологии нормирования, или обезразмеривания энергетических характеристик звучащего высказывания, то этот вопрос был решен нами выше в процессе обоснования количественного критерия уровня актуализации ЭПП высказывания.

Для удобства восприятия дальнейшего изложения напомним лишь, что безразмерный К-критерий определяется по следующей формуле:

$$K = \frac{F_0 \times t \times I_0}{1000 \times I_3}, \quad (1)$$

где: К – критерий уровня актуализации ЭПП высказывания; F_0 – частота основного тона в герцах (1/с.); t – длительность звучания слога (мс.); I_0 – интенсивность F_0 (дБ); I_3 – интенсивность F_3 (дБ); 1000 – коэффициент перевода миллисекунд в секунды.

Заметим также, что физический смысл полученного безразмерного критерия состоит в том, что он характеризует количественную меру уровня актуализации ЭПП высказывания, выраженного через размерные просодические параметры.

Наличие апробированного нами К-критерия обеспечило возможность перехода к теоретическому обоснованию соответствующего

безразмерного критерия количественной оценки уровня актуализации удельного паузального перепада ЭПП. Остановимся подробнее на логике и основных моментах проведения нами указанного обоснования.

Отметим, прежде всего, что для определения искомого критерия мы сочли целесообразным воспользоваться общей для обоснования относительной паузы и безразмерного критерия уровня ЭПП высказывания методологической логикой, сущность которой заключается в обезразмеривании соотношения абсолютных значений аппаратурно измеряемых количественных показателей просодических параметров, характеризующих динамику изменения ЭПП высказывания во времени его актуализации.

Такой подход позволил исключить упомянутую выше неэффективность путей поиска прямой зависимости между длительностью пауз и значением, или между их позицией в высказывании и функцией, поскольку именно он позволит исследователю подняться на более высокий уровень абстракции научных представлений о стохастической природе порождения речи [114, с. 16–25], удовлетворительно описываемых путем выявления определенных форм корреляции ЭПП различных высказываний с их семантическими структурами. В пользу реализации такого понимания свидетельствовали результаты известных попыток исследователей, искавших связь между паузой и смыслом высказывания [69, с. 72, 77; 193, с. 43–45; 141], а также с аналитико-синтетическими способностями мозга человека, его естественными дыхательными циклами [Цеплитис 1978, с. 72], синтагматическим членением предложения [193, с. 43], его перлокутивной функцией [169], стратегией текстопорождения [142, с. 9] и т.п.

Не менее важным в реализуемом нами подходе было и то, что пауза, не обладающая по определению непосредственным эмоционально-прагматическим потенциалом, является, как известно, одним из эффективнейших средств суггестивного воздействия на слушающего. Поэтому мы исходили из идеи, что паузу следует рассматривать как специфический энергетический феномен коммуникации,

сигнализирующий, с одной стороны, об уровне актуализации говорящим эмоционально-прагматической энергии высказывания, с другой, – дающий толчок к возбуждению соответствующих когнитивно-декодирующих процессов в психической сфере реципиента [116, с. 25–26]. В силу дихотомии данного явления мы получили возможность оценивать уровень суггестивно-коммуникативного воздействия паузы по величине критерия паузального перепада ЭПП между предшествующими паузе и последующими за ней речевыми сегментами (ритмогруппа, интоногруппа-синтагма, высказывание, текстовый фрагмент, текст).

Обобщая изложенные методологические предпосылки, мы сформулировали условия, в соответствие с которыми искомый критерия паузального перепада ЭПП должен: 1) быть безразмерным и рассчитываться на основе аппаратурно измеряемых размерных просодических параметров; 2) включать в себя психо-энергетический и темпоральный компоненты, поскольку их выполнение позволит объективно описывать динамику взаимодействия паузального перепада ЭПП в ее соотношении с уровнями актуализации ЭПП любых, смежных с паузой, видов речевых сегментов.

Благодаря этому стало очевидно, что в качестве психо-энергетического компонента реализации высказывания целесообразно было принять разность значений рассмотренного выше безразмерного критерия уровня актуализации ЭПП любых речевых сегментов, предшествующих и последующих по отношению к паузе. В качестве же темпоральной характеристики нами была принята разность значений темпа предшествующих и следующих за паузой речевых сегментов.

Следующий логический шаг состоял в том, что, записав частное от деления разности критериев уровней актуализации ЭПП смежных с паузой интоногрупп на разность соответствующих значений темпа этих интоногрупп, мы получили значение паузального перепада ЭПП исследуемого сегмента. Последующим делением этой величины на измеренную в миллисекундах длительность паузы мы получили безразмерную величину удельного паузального перепада ЭПП, отнесенную к

единице времени и непосредственно связанную с динамикой организации речевого потока говорящим.

Выведенная на основе изложенных выше концептуальных положений и методологических условий формула для определения удельного паузального перепада ЭПП, приняла следующий вид:

$$\Delta P_y = \left[\frac{(K_1 - K_2)}{\left(\frac{L_1}{t_1} - \frac{L_2}{t_2} \right)} \right] : t_p, \quad (2)$$

где: ΔP_y – удельный паузальный перепад ЭПП;

K_1 – критерий уровня актуализации ЭПП речевого сегмента, предшествующего паузе;

K_2 – критерий уровня актуализации ЭПП речевого сегмента, следующего за паузой;

t_1 – длительность звучания речевого сегмента, предшествующего паузе (мс.);

t_2 – длительность звучания речевого сегмента, следующего за паузой (мс.);

L_1 – количество звуков в речевом сегменте, предшествующем паузе;

L_2 – количество звуков в речевом сегменте, следующем за паузой;

t_p – длительность паузы (мс.).

Проверка эффективности практического применения обоснованной таким образом формулы проводилась путем обсчета результатов инструментальных измерений, реализованных с помощью компьютерных программ для обработки звука (*Praat*, *Cool Edit Pro*, *SpectraLab*) в процессе экспериментально-фонетического исследования психоэнергетических особенностей взаимодействия параметров интонации в трех классах высказываний, характеризующихся различными (высокий, средний, низкий) уровнями актуализации их ЭПП.

Фрагмент матрицы, использованной нами для фиксации результатов измерений и удельного паузального перепада ЭПП, полученного в соответствии с формулой (2), представлен в таблице 2.4.

Таблица 2.4
Фрагмент матрицы расчета удельного паузального перепада эмоционально-прагматического потенциала высказывания по результатам инструментальных измерений его интонационных параметров

№	Высказывание	Параметры											Удельный паузальный перепад ЭПП	
		t ₁	t ₂	t ₃	tp ₁	tp ₂	K ₁	K ₂	K ₃	L ₁	L ₂	L ₃	ΔPy ₁	ΔPy ₂
Высказывания с высоким уровнем актуализации ЭПП														
1	But Russell. I don't understand.	135	673	1310	300	216	20,6	63,57	38,45	3	5	14	-9,74	-36,57
2	Honey, why are you so sad?	528	1421	-	401	-	39,29	67,5	-	4	10	-	-130,27	-
3	Oh, no! What happened?	1035	919	-	198	-	119,9	49,5	-	3	9	-	-51,53	-
4	Don't shop! till you drop!	702	953	-	124	-	87,01	85,07	-	7	9	-	29,52	-
Высказывания со средним уровнем актуализации ЭПП														
5	Oh, and a jar of peanut butter and a container of vanilla yogurt.	265	1578	1776	273	166	54,85	22,83	24,29	1	17	25	-16,75	2,72
6	You don't love me, Jasmine.	969	575	-	047	-	32,09	34,65	-	11	6	-	59,20	-
7	Listen, William, if you are sick, I don't think...	950	967	826	350	103	18,4	33,15	28,11	9	8	9	-35,12	-19,57
8	No, I made steak.	538	874	-	279	-	53,8	34,1	-	2	8	-	2,52	-
9	It's this holiday shopping — I'm ready to drop!	1692	1129	-	485	-	34,11	28,28	-	17	12	-	20,68	-
10	But honey, I like your company much better than Hunter's.	781	2714	-	379	-	36,27	31,37	-	7	29	-	-7,52	-
Высказывания с низким уровнем актуализации ЭПП														
11	You are listening to the BBC world service; I'm Julian Marsh with news hour.	3285	750	-	260	-	17,24	18,65	-	39	9	-	41,71	-
12	I have to say there are a lot of unanswered questions.	1890	1278	-	154	-	19,6	19,94	-	18	15	-	0,99	-
13	English intonation. An introduction. By John Wells.	1075	771	891	522	976	10,25	10,58	16,65	15	13	9	0,22	-0,92

Эмпирическая апробация показала, что в реальной коммуникации числовые значения интонационных параметров в речевых сегментах, предшествующих паузе, могут оказаться как большими, так и меньшими по отношению к одноименным параметрам, измеренным в следующих за нею сегментах. Физическая сущность указанного факта интерпретируется в формуле (2) изменением знака, получаемого с ее помощью показателя ΔP_y . Так, если рассчитанное по данной формуле значение удельного паузального перепада ЭПП имеет знак “минус” (напр., -9,74), то это свидетельствует о том, что он (перепад) направлен на ослабление влияния ЭПП речевого сегмента, предшествующего паузе на следующий за ней сегмент. Знак “плюс” перед расчетным показателем ΔP_y (напр., 29,52), напротив, показывает, что паузальный перепад энергии направлен на усиление влияния ЭПП предыдущего паузе речевого сегмента на ЭПП последующего.

Фрагмент матрицы свидетельствует, что полученный таким образом знак выступает в роли объективного, зарегистрированного приборами показателя функциональной направленности паузального перепада ЭПП актуализуемых говорящим речевых сегментов. Числовое же значение самого удельного паузального перепада ЭПП зависит, как это видно из таблицы 2.4, от разности ЭПП смежных с паузой речевых сегментов и длительности паузы. Наблюдаемая при этом корреляция абсолютных значений удельных паузальных перепадов ЭПП с уровнями актуализации ЭПП смежных сегментов не является, по видимому, жесткой, поскольку зависит еще и от ряда других значимых факторов, сопровождающих коммуникацию, к которым, в первую очередь, следует относить ее прагматическую направленность, а также ситуацию общения, социокультурный уровень и психотипы говорящих, традиционно определяемых исследователем из контекста коммуникации.

Это позволяет предполагать в ближайшем будущем выход лингвистики на более высокий уровень научного познания за счет исследования психо-энергетических особенностей актуализации говорящим эмоциональных высказываний.

Обоснованный нами концептуально-гипотетический подход дает основания прогнозировать возможность получения нового фонетического знания путем системного исследования взаимосвязей паузального перепада эмоционально-прагматического потенциала с устойчивыми комплексами интонационных средств актуализации эмоциональных высказываний, обеспечивающих суггестивное воздействие паузы на запуск когнитивных механизмов мышления реципиента.

Перспективность дальнейшего теоретического углубления и последовательного внедрения в практику такого подхода к экспериментально-фонетическим исследованиям проблемы достижения суггестивного эффекта в коммуникации усматривается нами в расширении научных представлений о самоорганизации и саморазвитии синергетических процессов порождения и декодирования речи в психических сферах коммуникантов.

2.6. Методологические предпосылки исследования особенностей суггестии речемузыкальных произведений

Переходя к проблеме влияния речемузыкальных произведений на слушателя, нетрудно убедиться, что с когнитивной точки зрения, взятые отдельно составляющие их речевая и музыкальная системы, в настоящее время изучаются нейролингвистами и музыковедами достаточно широко. При этом можно с полным на то основанием утверждать, что вопросы суггестии музыкальных произведений [см., напр., 48; 149; 161; 178; 222] рассмотрены в объеме, вполне удовлетворительном для начала их лингвистического рассмотрения. Подобное заключение можно сделать и о результатах научного познания особенностей суггестивного воздействия речи на слушателя, нашедших свое отражение в большом количестве соответствующих работ [43; 57; 82; 109, с. 10–19; 111, с. 47–56; 133; 136; 165; 166; 168; 176; 180; 190; 218; 221; 222; 229; 237; 246; 251; 268; 309; 325; 336; 344].

К тому же, буквально в последние годы появился ряд работ (см., напр., [5; 48; 112, с. 25–30; 113, с. 79–82; 83; 117; 149; 165; 166; 190; 222]), направленных на изучение различных аспектов феномена суггестивного воздействия речемузыкального произведения на слушателя. Анализ содержания этих публикаций показывает, что их авторами уже интегрирована в научное знание совокупность информации, выдвигающая проблему методологической проработки перспектив комплексного исследования суггестивного воздействия речемузыкальных произведений на слушателя в ряд первоочередных. К сожалению, большинство из указанных работ не ориентированы непосредственно на решение комплексной проблемы взаимодействия речемузыкальных произведений как сложно организованных открытых систем с не менее сложными психофизиологическими системами, обеспечивающими когнитивные процессы декодирования этих произведений слушателем.

В связи с этим и стало очевидным, что объектом такого поиска должен быть процесс суггестивного воздействия речемузыкального про-

изведения на реципиента. А его предметом – методологический подход к исследованию особенностей влияния речемзыкального текста на степень его суггестивного воздействия на реципиента.

При этом мы исходили из того, что традиционный подход к рассмотрению речемзыкального произведения как функционирующего в дискурсе поликодового текста, основанного на сочетании в общем знаковом пространстве семиотически гетерогенных составляющих (вербального текста и знаков музыкальной системы) [42], позволяет изучать процессы его порождения, восприятия и суггестивного воздействия на слушателя [218] по аналогии с речевой коммуникацией (см., напр., [184; 240]).

С учетом этого описание механизмов, обеспечивающих реализацию суггестивного воздействия в речемзыкальной коммуникации, осуществлялось нами на основе фундаментальных положений известной концепции бытия духовной сферы коммуниканта [120], результаты апробации которой опубликованы в работах [104, с. 102–105; 109, с. 10–19; 105, с. 213–219].

Важным моментом такого описания было четкое выделение в психической сфере коммуниканта трех следующих ее уровней: сознания, предсознательного и бессознательного. В соответствии с идеей, изложенной в монографии [120, с. 208–210], в области бессознательного нами рассматривались процессы экзистенциального бытия индивида, протекание которых основано на эмоциональном мышлении. В область подсознательного включались ментальное бытие индивида, основанное на эмо-рациональном мышлении, а также движимое рациональным мышлением его трансцендентное бытие. При этом подразумевалось, что логическое мышление присуще только сознанию индивида.

В соответствии с изложенным, на основе достаточно широко известной последовательности протекания процесса коммуникации нами и была сформирована структурно-когнитивная модель функционирования механизмов порождения суггестивного воздействия в речемзыкальной коммуникации, приведенная на рис. 2.17.

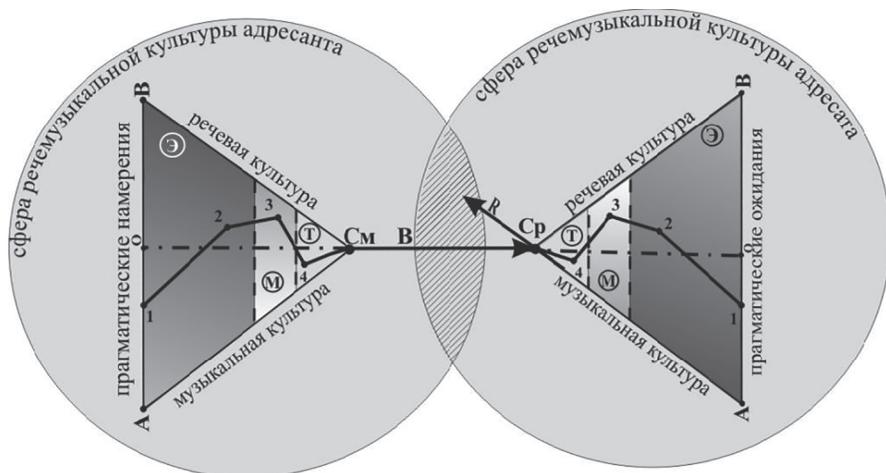

Рис. 2.17. Структурно-когнитивная модель функционирования механизмов порождения суггестивного воздействия в рече-музыкальной коммуникации

Модель представляет собой систему, состоящую из двух подсистем (или отдельных систем) духовного бытия адресанта и адресата. Методологическим основанием для формирования модели послужила идея минимума частичного совпадения рече-музыкальных культур адресанта и адресата как обязательного условия коммуникации.

В пределах сфер рече-музыкальных культур коммуникантов треугольниками изображены сечения синергетических моделей пирамид духовного бытия адресанта и адресата, обоснованных в работе [120]. Благодаря этому мы получаем возможность рассматривать в рамках левой сферы механизм порождения и актуализации рече-музыкального произведения автором, а в правой – соответствующий механизм его декодирования реципиентом.

Сечения пирамид духовного бытия коммуникантов представляют собой отдельные системы, включающие в качестве подсистем экзистенциальную, ментальную и трансцендентную сферы его протекания.

Оболочка каждой системы образована тремя составляющими: прагматическим намерением коммуниканта, а также его речевой и музыкальной культурами. В сформированной таким образом синергетической модели речевая культура коммуниканта и его музыкальная культура являются параметрами порядка, обеспечивающими специфику актуализации прагматического намерения коммуниканта на основе саморазвития контролируемого сознанием неравновесных процессов, протекающих в духовной сфере индивида.,

Такая модель дает нам возможность последовательно рассматривать развитие мышления индивида, зарождающееся как сугубо эмоциональное (в экзистенциальной сфере – Э), переходящее в эмо-рациональное (в ментальной сфере – М), трансформирующееся в рациональное (в трансцендентной сфере – Т) и окончательно оформляющееся сознанием в логическое. Вследствие стохастического взаимодействия и взаимоперетекания этих форм мышления происходит саморазвитие синергетического по своей природе процесса порождения и актуализации суггестивного воздействия речемзыкального произведения. Путь саморазвития процесса порождения и актуализации речемзыкального произведения автором или исполнителем изображается на модели в виде структуры-аттрактора (1-См).

Отметим также, что в отличие от адресанта речемзыкальная информация, воспринимаемая сознанием адресата, практически одновременно поступает во все остальные сферы его духовного бытия. В результате возбуждения ею энергий этих сфер в психике адресата развивается синергетический процесс декодирования речемзыкального текста, изображенный в правой части модели аттрактором (1-Ср) и называемый коммуникативной реакцией. Интегральным результатом реализации этого процесса и является интересующий нас суггестивный эффект.

Теперь, используя графический образ сечения пирамиды левой части рис. 2.17, рассмотрим модель формирования вида и формы суггестивного воздействия в речемзыкальной коммуникации, изображенную на рис. 2.18.

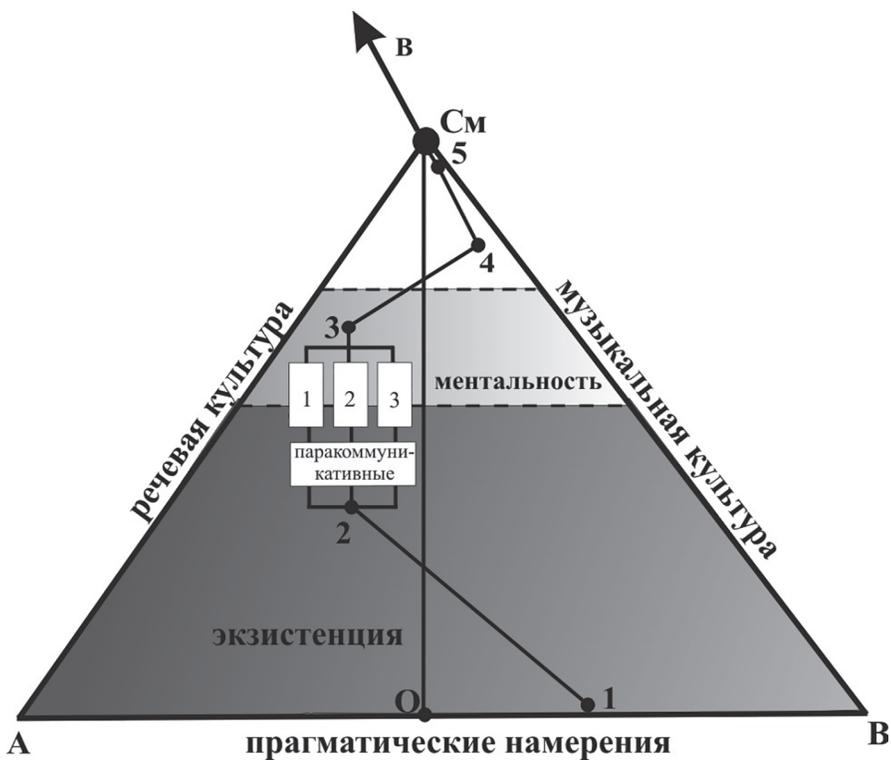

Рис. 2.18. Модель порождения вида и формы суггестивного воздействия в речемусыкальной коммуникации

Из модели видно, что зародившаяся в сфере бессознательного интенция суггестивного воздействия на адресата (точка 1), формализуется в виде аттрактора (1–2), отклоняющегося в сторону речевой культуры (сторона АСм) как параметра порядка. Развитие частного аттрактора (2–3) свидетельствует о стремлении адресанта стимулировать аудиторию к коммуникации путем преимущественного использования вербальных средств трех уровней языка (1 – фонетические; 2 – лексические, 3 – грамматические) и сопровождающих их паракон-

муникативных актов на фоне и во взаимодействии с соответствующими средствами музыкального текста.

Дальнейшее развитие процесса порождения текста речемузыкального произведения отмечено резким отклонением частного аттрактора (3–4) в сторону параметра порядка, символизирующего музыкальную культуру адресанта. В этом случае, следует понимать, что завершающееся в точке бифуркации (4) развитие процесса формирования суггестивного воздействия будет характеризоваться явным доминированием суггестивного потенциала музыкальных средств разных уровней, реализуемых на фоне соответствующих им менее активно действующих речевых средств.

И, наконец, рассмотрев траекторию аттрактора (4–5), совпадающую с вектором (В), обозначающим превалирование музыки в речемузыкальном произведении, не трудно убедиться в том, что суггестивное воздействие на адресата имеет явно музыкальную природу.

Благодаря изложенной и апробированной нами методологии синергетического анализа психических процессов порождения вида и формы суггестивного воздействия в речемузыкальной коммуникации, а также наличию таких современных методов и инструментальных средств определения психофизиологических реакций адресата как электроэнцефалограмма (ЭЭГ), количественная электроэнцефалограмма (КЭЭГ), позитронная эмиссионная томография (ПЭТ), однофотонная эмиссионная компьютерная томография (ОЭКТ), функциональная магнитно-резонансная томография (ФМРТ) и др., в настоящее время появляется реальная возможность фиксации и количественной оценки результатов суггестивного воздействия различных речемузыкальных произведений и их отдельных элементов на слушателя.

Следовательно, и это представляется вполне понятным, для достижения цели предпринятого нами теоретического поиска необходимо разработать методологические предпосылки для непосредственной реализации системных исследований проблемы суггестивного воздействия речемузыкальных произведений на слушателя. Решение данной проблемы целесообразно, на наш взгляд, связывать

непосредственно со структурными элементами текста речемузыкального произведения.

Подчеркнем в связи с этим, что речемузыкальный текст является комплексной системой, образованной путем синергетического взаимодействия элементов речевого и музыкального текстов. Соответственно, структура речемузыкального текста и реализация его формальных категорий осуществляется за счет наложения музыкальных единиц различных уровней на фрагменты вербального компонента. Исходя из этого, становится понятным, что систематизация составных элементов речемузыкального текста должна включать изучение, сопоставление и структурирование единиц уровней вербального и музыкального языка, образующих в процессе взаимодействия комплексный речемузыкальный текст.

Основанием для сопоставления и классификации структурных элементов текста речемузыкального произведения должно служить, в первую очередь, понимание того, что текст как целостная функционально, содержательно и структурно завершенная единица, состоящая из коммуникативно-функциональных элементов, организованных в систему для осуществления коммуникативного намерения автора текста [78, с. 51], обладает определенными правилами построения [42, с. 112], среди которых общим и для вербальной, и для музыкальной знаковых систем является принцип иерархичности [246].

Существующий в любых знаковых системах принцип иерархичности проявляется в парадигматике как иерархия классов, в синтагматике – как иерархия длины или иерархия развертывания [78, с. 51]. Иными словами, структура текста определяется особенностями внутренней организации элементов уровней текста и закономерностями взаимосвязи этих элементов в рамках целостного сообщения (текста) [240].

Более того, существует мнение [78, с. 53], что рассмотрение текста как высшей коммуникативной единицы, отражающей некое коммуникативное событие, предполагает возможность соотнесения элементов события с отдельными компонентами (или элементами) текста. Следовательно, выявление единиц текста и их иерархии в его структуре

помогает обнаружить сущностные характеристики самого текста – содержательные, функциональные, коммуникативные.

Обращаясь к природе проблемы проводимого нами поиска, следует заметить, что и для анализа механизмов суггестивного воздействия важным является не только рассмотрение текста как целостной коммуникативно-познавательной единицы [83, с. 147], но и исследование суггестивного потенциала его структурных элементов путем изучения закономерностей их функционирования и связей [155, с. 55], а также, текстовых категорий и стилистико-композиционных характеристик текста [237, с. 167], призванных оказывать суггестивное воздействие на реципиента.

Рассматривая уровневую организацию текста и составляющие его единицы в соответствии с упомянутым правилом парадигматической иерархичности, большинство исследователей-лингвистов (см., напр., [37; 78]) являются сторонниками принципа изоморфности текстовых уровней уровням языка и выделяют соответственно фонетический, морфологический, лексический, синтаксический уровни текста и соответствующие им средства языка. Поскольку подобные уровни функционируют и в системной организации музыкального языка и текста, то подавляющее большинство исследователей обычно выделяют его фонетический и синтаксический уровни [11, с. 324; 168, с. 252]. Однако до сих пор спорным остается вопрос наличия в структуре музыкального текста морфемного и лексического уровня, поскольку, по мнению ряда ученых [5; 246], в музыкальном языке отсутствуют слова и соответственно законы словообразования.

Впрочем, при этом многие исследователи (см., напр., [240, с. 157–158]) все же констатируют наличие в музыкальных текстах типовых звуковых форм, имеющих определенные устойчивые образные значения и составляющих вместе определенный фонд (называемый в концепции музыковеда Б. Асафьева словарем). Думается, что такие устойчивые звуковые формы и формирующие их элементы вполне могут функционировать в музыкальном тексте аналогично словам и морфемам в речевом. Такой подход позволяет выделить в системе

вербального и музыкального языка фонетический, морфологический, лексический и синтаксический уровни и в соответствии с этим структурировать элементы речевого и музыкального текста.

На изложенных основаниях нами и была смоделирована формальная классификация структурных элементов текста речемузыкального произведения, приведенная на рис. 2.19.

Из рисунка видно, что классификация структурных элементов текста речемузыкального произведения может быть представлена в виде иерархично-организованной системы единиц отдельно взятых речевого и музыкального текстов, образующих в результате синтеза единый речемузыкальный текст. На схеме, элементы текстов структурированы в соответствии с языковыми уровнями текста: синтаксический уровень представлен словосочетанием и предложением в речи, в музыке – синтагмой и предложением; лексический уровень репрезентирует слово как речевой элемент и мотив – как музыкальный; к морфемному уровню относятся морфемы в речи и в музыке; фонетический уровень представлен фонемой в вербальном и музыкальном тексте.

Согласно сформированной таким образом классификации, первый иерархический уровень систематизации структурных элементов текста речемузыкального произведения представлен в речевом и в музыкальном текстах “предложением”, являющимся также центральным понятием и основной единицей синтаксического уровня и вербального, и музыкального языка.

При этом, несмотря на высокую степень изученности предложения, как в лингвистике, так и в музыковедении до сих пор не существует единого определения этого явления. Однако, анализируя работы ученых, посвященные предложению, можно сделать вывод, что в основе определения предложения и в речи, и в музыке лежит логико-психологический и структурно-семантический принцип. Так, А. А. Шахматов рассматривал предложение как единицу речи, воспринимаемую говорящим и слушающим как грамматическое целое, служащее для словесного выражения единицы мышления [236, с. 19-20].

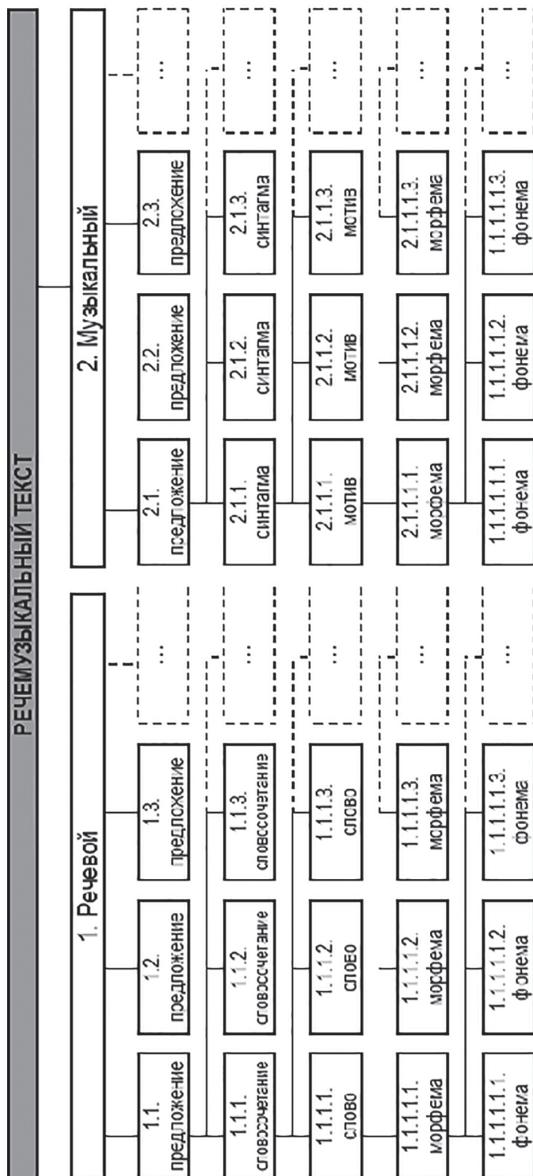

Рис. 2.19. Формальная классификация структурных элементов текста речемзыкального произведения

Основываясь на структурно-семантическом принципе, В. В. Виноградов трактует предложение как грамматически оформленную по законам данного языка целостную единицу речи, являющуюся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли [46]. В свою очередь, О. С. Ахманова [18, с. 335] определяет предложение как грамматически и интонационно оформленную по законам определенного языка целостную единицу речи, являющуюся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли о некоторой действительности и отношения к ней говорящего.

Рассматривая предложение как минимальную коммуникативную единицу, М. П. Кочерган отмечает, что в отличие от других составляющих элементов текста предложение характеризуется коммуникативностью (передает конкретное содержание в логически понятных формах и способно входить в любые формы общения), относительной самостоятельностью (выражает относительно законченную мысль и отделяется от других предложений паузами) и структурной целостностью (строится по определенной структурной модели) [138, с. 314].

Соглашаясь с пониманием предложения как минимальной единицы человеческой речи, представляющей собой грамматически организованную структуру и обладающей известной смысловой и интонационной законченностью, Д. Э. Розенталь [189, с. 203–204] обращает также внимание на то, что предложение является единицей формирования и выражения мысли, а также служит для выражения эмоций и волеизъявлений, входящих в сферы чувств и воли.

В музыкальном языке предложение является самой крупной по масштабу синтаксической структурой [239, с. 134–135] и главной категорией музыкального синтаксиса [240, с. 243–244]. Выделяемые музыковедами основные характеристики музыкального предложения сходны с особенностями предложения в вербальном языке. Так, рассматриваясь по аналогии с речью как коммуникативная единица, музыкальное предложение также обладает обособленностью в тексте (отграниченность от предыдущей синтаксической структуры с помощью каданса), структурностью и комбинаторностью (наличие нескольких синтакси-

ческих частей меньшего масштаба – фраз), модальностью, предикативностью [11; 201; 239, с. 134–135; 240].

Подобно лингвистике, в музыкознании также важное место занимает понимание предложения как логически завершенной, целостной музыкальной мысли [239], сложный процесс порождения и декодирования которой завершается при условии реализации всех связей и отношений между меньшими структурными единицами предложения [11, с. 326].

Таким образом, результаты сопоставлений понятий “предложение” в лингвистике с соответствующим понятием в музыковедении в принципе позволяет их отождествить, но вместе с тем возникает необходимость уточнения некоторых терминологических нюансов. В теории музыки кроме предложения к крупным комбинаторным синтаксическим структурам относят также период и фразу, причем период делится на два предложения, состоящих из двух фраз. Указанные понятия функционально тождественны и рассматриваются как законченные композиционные структуры, выражающие завершенную мысль, но при этом их основное отличие это масштаб построения. Очевидно поэтому, что здесь, во избежание терминологических недоразумений, следует согласиться с автором [240, с. 247], полагающим, что период следует понимать как сложное предложение, а фразу соответственно как предложение меньшего масштаба.

В соответствии с классификацией рис. 2.19 ко второму иерархическому уровню элементов структуры речемзыкального текста следует относить “словосочетание” в речевом тексте и “синтагму” – в музыкальном.

Что касается лингвистического термина “словосочетание”, то Ф. де Соссюр [203, с. 155] рассматривает его как сочетание меньших структурных единиц – слов, которые, соединяясь, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов одновременно. С таким пониманием словосочетания согласуется и следующее его определение [18, с. 415; 189, с. 275], согласно которому словосочетание является

сложнообразованным знаком речи, двучленной структурой, элементы которой соотносятся как определяемый и определяющий и выражают единое, но расчлененное понятие, представляющее собой сложное наименование явлений объективной действительности.

Обратим внимание и на то, что в лингвистике словосочетание как синтаксическая единица синонимична понятию синтагма, определяемому как семантико-синтаксическая единица речи, образуемая группой слов в составе предложения, объединенных в смысловом и ритмомелодическом отношениях [18, с. 398; 189, с. 252]. Так, Л. В. Щерба [241, с. 88], изучая синтагму, усматривал ее специфику в интонационной форме, которая объединяет соседние, связанные по смыслу слова в словосочетание – единицу более высокого структурного уровня. Такой подход к синтагме как к интонационно-смысловой целостности в наибольшей степени соответствует пониманию музыкальной синтагмы.

Проанализировав работы, посвященные изучению речевой и музыкальной синтагмы [10, с. 152–154; 203; 241], можно констатировать корреляцию их структурно-функциональных признаков, а именно: каждая из указанных синтагм состоит из двух или нескольких первичных структурных единиц (слов, мотивов), объединенных контекстуальной / смысловой связью, и является формообразующей единицей для построения единиц высшего уровня (предложений, фраз). Кроме того, словесная и музыкальная синтагмы отделяются от другой такой же единицы межсинтагменной паузой или цезурой соответственно.

Заметим также, что единицы, образующие синтагму, располагаются в порядке возрастающей значимости, причем таким образом, что самым важным, кульминирующим оказывается последняя; в соответствии с этим располагаются ударения в словесной синтагме и тонцентры в мелодической: высшими, преобладающими являются финальные ударения, выступающие синтагматическими центрами. Музыкальная синтагма имеет много пересечений со словесной, и наиболее важное из них состоит в том, что последний мотив оказывается, как правило, более развитым, более ярким, акцентуемым, как и последнее слово

в словесной синтагме. В обоих случаях смысловой центр сдвигается, таким образом, к концу синтагмы [10, с. 67].

В состав структурных элементов следующего иерархического уровня классификации нами введено “слово” в речевом тексте и “мотив” – в музыкальном.

Известно, что в лингвистике слово принято рассматривать как минимальную структурно-семантическую единицу языка, которая обозначает понятие о предметах, процессах, явлениях действительности, их признаки или отношения между ними, свободно воспроизводится в речи для построения предложений [18, с. 412], а также способно выражать эмоционально-волевые проявления говорящего [138, с. 184]. Существует мнение, что обозначая явления действительности и психической жизни индивида, слово обычно одинаково понимается коллективом людей, говорящих на одном языке и исторически связанных между собой [40]. Таким образом, в процессе своего функционирования в речи слово приобретает устойчивое, исторически закреплённое в сознании людей лексическое значение, являющееся продуктом мыслительной деятельности человека [138, с. 188]. Из рассмотренных выше определений нетрудно заключить, что слову свойственны фонетические признаки (звуковой комплекс), лексико-семантические (лексическое значение) и грамматические (морфологическая структура и потенциальный минимум предложения).

Справедливости ради следует отметить, что некоторые исследователи (см., напр., [23]), разделяя мнение о том, что музыкальный текст обладает языком как упорядоченной системой, служащей средством коммуникации, все же считают, что эта система специфична и лишь отчасти коррелирует с вербальной системой человеческой коммуникации, поскольку не имеет знаков, аналогичных словам вербального языка, составлявших бы музыкальный словарь. Но с этим, увы, согласиться трудно, так как приведенные выше признаки присущи и аналогичной слову единице музыкального языка – мотиву. В пользу этого свидетельствует также и то, что мотив в музыкознании принято рассматривать как элементарную единицу композиционной структуры, имеющую

определенный смысл, обладающую собственной структурой и эстетической ценностью [10, с. 45] и являющуюся элементом высказывания музыкальной мысли [240].

Обратимся к точке зрения Л. Мазеля [10, с. 106], который рассматривает мотив как небольшой узнаваемый при повторении ритмический оборот произведения. Такое трактование мотива соответствует лингвистическому определению лексемы как слово-типа, значение которого представляется в качестве исторически закрепленного в сознании людей соотношения слова с определенным явлением действительности. Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением [11, с. 67], что формирование музыкальных слов происходит в процессе становления текста, то есть они возникают только по случаю порождения конкретного текста, *только* в нем и *ради него*.

Тут важно, пожалуй, то, что наиболее общей характеристикой слова и мотива, позволяющей проводить параллели между этими единицами, является способ их построения, а именно принцип центрирования. Суть данного принципа состоит в том, что в структуре складываются отношения, при которых один звук оказывается центром, а мотив и слово содержат один главный акцент [170, с. 92], тогда как остальные – периферией. При этом отношение “центр – периферия” является для музыки конститутивным, поскольку устанавливает некоторую шкалу ценностей и позволяет в соответствии с нею дифференцировать звуки. Центр предполагает возможность периферии, а периферия — наличие центра. Они обуславливают друг друга и поэтому создают минимально выраженную систему отношений, то есть структуру.

Из классификации рис. 2.19 видно, что элементами четвертого иерархического уровня структуры текста речемзыкального произведения являются морфемы.

Для нашего рассмотрения важно, прежде всего, то, что аналогом тонцентра может быть и корневая морфема, несущая лексическое значение слова [11, с. 324-325]. Этим, на наш взгляд, и подтверждается целесообразность выделения морфемы в речевом и в музыкальном текстах в качестве общего элемента структуры речемзыкального текста.

И, тем не менее, отметим, что определение единиц этого уровня представляется весьма непростой задачей, поскольку, если рассматривать речевое высказывание в фонетическом плане, то структурным элементом слова будет слог, но если анализировать высказывание как структурную единицу текста – то морфема. Сложность заключается в том, что эти понятия не вполне сопоставимы: слог представляет собой группу звуков, объединяющихся вокруг гласного, а морфема является минимальной значимой частью слова. В свою очередь, в музыкальном тексте слогу в плане звучания и морфеме в плане структуры будет соответствовать звук или группа звуков, приходящиеся на данный слог, для которых в музыковедении используется понятие морфемы, позаимствованное у лингвистов. В музыковедении также встречается понятие субмотива, мельчайшей поддающейся выделению конструктивной части мотива, в отличие от последнего обладающей лишь самой элементарной смысловой и образной самостоятельностью.

Известно также, что в лингвистике морфеме принято рассматривать как наименьшую, семантически неделимую и регулярно воспроизводимую согласно моделям определенного языка единицу системы выражения, непосредственно соотносимую с соответствующим ей элементом системы содержания [18, с. 232]. Структуры с подобными характеристиками имеют место и в музыкальном языке в виде устойчивых интонационных форм, которые почти неизменно воспроизводятся в разных текстах и ситуациях и которые в разном интонационном окружении выступают в идентичном или почти одинаковом образно-выразительном значении (например, энергичные восходящие квартовые интонационные ходы, интонация нисходящего минорного тетрахорда) [240, с. 159]. Такие формы вполне могут рассматриваться как проявление функционирования морфологического механизма музыкального языка.

Музыкальные морфемы определяются как целостные интонационные формы, которые: а) имеют внеконтекстовое образно-художественное значение, б) являются элементарными смысловыми единицами языка, то есть они не содержат в своем составе элементов, имеющих

самостоятельное значение, в) характеризуются инвариантной фонематической структурой, которая способствует дифференциации смысловых единиц в речи [240, с. 160]. Подобное понимание музыкальной морфемы как конститутивного материала для мотива позволяет относить к этому типу структурных элементов и созвучия – мелодические (образованные последовательностью фонем) и гармонические (представляющие собой созвучие двух или более фонем) интервалы, а также аккорды (гармоническое соединение не менее трех музыкальных звуков).

Несмотря на это, в силу существования описанных аналогий мы приходим к заключению о целесообразности использования в классификации понятия “морфема” для обозначения иерархической единицы, составляющей слово в речи и мотив в музыке.

На пятый базовый уровень формальной иерархической классификации структурных элементов текста речемзыкального произведения, как это видно из рис. 2.19, введена “фонема”.

Отметим, что в лингвистике фонему принято рассматривать как единицу звукового строя языка, представляющую собой определенную совокупность одновременно реализующихся дифференциальных признаков и способная различать звуковые оболочки (звуковую сторону, звучание) значимых единиц языка, таких как морфемы и слова [18, с. 484; 189, с. 332]. При этом обратим также внимание на то, что фонема является прежде всего психической единицей или интегрированным представлением, производимым произнесением различных минимальных видоизменений одного и того же звука [32, с. 36].

В связи с этим, ряд исследователей связывает когнитивно-психологическую способность различать при восприятии музыкального текста определенные значимые единицы с существованием в коллективном сознании (точнее, в языковой компетенции) соответствующих элементарных эталонов звучания, образы-стереотипы всех существенных изменений звукового процесса, то есть фонем [240, с. 157]. Вполне естественно поэтому, что для музыкознания представляется важным выявление в музыке элемента, подобного фонемам вербального языка,

особенно если учесть, что восприятие и осознание музыкальной речи вряд ли принципиально отличается в когнитивно-психологическом отношении процесса декодирования речи. Результатом указанного интереса и явились неоднократно предпринимаемые попытки сравнения фонем речи и музыки.

Так, рассматривая музыкальную интонацию как производное явление от интонации речи, В. Назайкинский считал, что системности фонем в речи соответствует дискретность звуковысотной шкалы музыки, дающей основу для ладофункционального различения тонов [170, с. 255] и утверждал, что фонематической системе в речи соответствует музыкальная звуковысотная организация, отраженная в категориях лада, тональности и строя [там же, с. 256] – обе звуковые системы закреплены в общественном сознании. Из этого вытекает, что фонемы в понимании и лингвистов, и музыковедов являются элементарными типовыми звуковыми единицами, отличающимися друг от друга определенным физическим признаком или рядом признаков и обеспечивающими, благодаря этому, различимость смысловесущих единиц вербального и музыкального языка соответственно в речевом и в музыкальном тексте [11, с. 321; 240].

Изложенное убедительно свидетельствует, что кроме синтаксических видоизменений в порождении речевого текста значительная роль принадлежит интонации и ее компонентам. Очевидно также, что именно интонация речи, не связанная прямо со структурой слов, наиболее важна как прототип музыкальной интонации. Особенностью же музыкальной интонации является ее полифункциональность: помимо присутствующих и речевой интонации коммуникативной, экспрессивной, информативной и системно-организационной функций, в музыке интонация и ее компоненты являются конститутивными элементами практически всех уровней музыкального языка.

Нам представляется, что обоснованные выше структурно-когнитивные модели функционирования механизмов порождения суггестивного воздействия в речемзыкальной коммуникации и формальная классификация структурных элементов текста речемзыкального

произведения, свидетельствующие о наличии глубоких структурно-функциональных связей между составными элементами речевого и музыкального текстов, рационально использовать в качестве базовых методологических предпосылок комплексного лингвистического исследования проблемы суггестивного воздействия речемузыкальных произведений на слушателя.

2.7. Методологические возможности исследований влияния сегментных единиц на суггестию высказывания

Если мыслить язык и речь как открытую целостную систему, характеризующуюся практически бесконечной совокупностью связей всего, что в ней есть, со всем, что ее окружает, то, с одной стороны, следует признать, что, к сожалению, человеческому разуму не дано одномоментно охватить весь, пусть даже четко структурированный континуум, возникающих в этой системе отношений. С другой стороны, дихотомическая природа мышления наделила наше сознание способностью к анализу, сущность которого заключается в последовательном осуществлении интеллигибельной вивисекции любого целого или целостности на конечное количество частей или элементов с последующим их синтезом в новое, определяемое задачей исследования, целое.

Благодаря этому, представления об элементах любого уровня анализируемой системы, накапливаясь, шаг за шагом в объеме научного знания, неизбежно структурируются в определенные парадигматические конструкты, смыслодержательное обоснование которых обязательно включает те или иные связи с другими элементами системы. На каждом следующем этапе своего развития лингвистическая наука получает возможность оперировать этими парадигмами, структурные элементы которых, как правило, представляют собой некие абстракции (целостность, причинно-следственность, принцип, система, функция, структура, связи, закон, закономерность и т. п.). Исследователь,

придерживающийся указанной методологической логики, неизбежно сталкивается с рядом артефактов и, следовательно, получает стимул к выбору новых, ранее неизвестных объектов познания, позволяющих рассматривать совершенно новые причинно-следственные связи между любыми произвольно взятыми элементами системы, изучаемой им как целостность.

Однако изучение принципиально нового объекта, хотя и приводит, в конечном счете, к более продуктивным результатам, но, как правило, требует разработки соответствующей новой методологии для их получения.

Мы не случайно прибегли к такому вступлению, поскольку в фокус одной из проблем разрабатываемой нами энергетической теории речи [96; 115] попадают причинно-следственные связи между сегментными единицами языка и речевой суггестией, которые до сих пор, как известно, не были предметом специального лингвистического исследования.

Вполне отдавая себе отчет в том, что речь идет, прежде всего, о решении методологической проблемы обоснования логики системного исследования нового объекта, независимо от того примет его модель вербальную, графическую или математическую форму, мы осознаем необходимость рассмотрения в том числе и существующих в лингвистике теоретических представлений о функциональной роли сегментных единиц в процессах актуализации речи, а также структурных и смысловых связей, существующих между ними и остальными элементами речи.

Разработке этих представлений посвящено достаточное количество работ, рассматривающих природу речевой единицы, смыслозвуковую организацию текста, его звуковое оформление, фонетическое значение звуков, связь между значением и звуком и т. п. По этому поводу У. Г. Рузин [192, с. 39] отмечал, что природа языковой единицы определяется очень сложной и в то же время подвижной совокупностью следующих факторов: 1) экстралингвистических, обусловленных объективной природой действительности, отражающейся в мыслях и языке;

2) концептуальных, связанных с закономерностями отражения объективного мира сознанием человека; 3) собственно языковых, порождаемых закономерностями их функционирования в речи.

В свою очередь, С. Ульманн подчеркивал, что звуки приобретают определенную степень символичности только в конкретном контексте (цит. по [298, с. 51–52]). Иные лингвисты [76; 147; 151; 300 и др.] также обращали внимание на роль содержательной звуковой организации текста в процессах его декодирования и эмоционального восприятия. При этом обычно имелось в виду [301, с. 2], что процесс восприятия и понимания смысла несколько сложнее, поскольку он возникает в результате слияния культурного, эмпирического и чувственного опыта, сложившихся в течение жизни и варьирующих от говорящего к говорящему в определенных речевых ситуациях. Обращалось внимание также на то, что смысл любого отрезка текста как определенного целого весьма сложно декодировать, не опираясь на относительную полноту понимания множества частей и деталей этого целого, являющихся носителями смысла, среди которых особое место занимают текстообразующие средства просодии и фоносемантики [31, с. 66].

Изучение звуковой ткани текста показало, что звуковое оформление не является случайным, а находится в соотношении с его эмоциональным насыщением. Было установлено, что сознательное нагнетание “светлых” или “темных” звуков в тексте способствует выражению эмоционального состояния говорящего и воздействует на адресата [6, с. 24–25]. Так, в английских текстах, связанных с выражением отрицательных эмоций или с обозначением темноты, была зафиксирована [234, с. 61], высокая частотность низких “темных” гласных /a:/, /ɔ:/, /u:/.

Углубляя существующие представления, В. В. Левицкий [152, с. 66; 150, с. 91] отмечал, что символические значения звуков являются научной абстракцией, поскольку сами звуки без приписанного им смысла не имеют никакого значения. И, тем не менее, в сочетании с определенным смыслом они могут приобретать конкретные значения [152, с. 67]. Следовательно, слово как цепочка звуков состоит в семантиче-

ском отношении с элементарными звуко-смыслами, информирующими о значении всего звукового комплекса [77, с. 44].

Анализируя особенности декодирования смысла любого звукового сегмента, Г. Марчанд [302, с. 323–324] показал, что только два морфемных элемента слова играют релевантную роль: инициальные символ, то есть согласная (согласные), предшествующая гласному, и финальный, то есть гласная и финальная согласная (согласные).

Экспериментально также было установлено [76, с. 28–29], что фонетическое значение звуков речи базируется на их физических характеристиках, то есть оно не является порождением значений слов, поскольку в определенных аспектах его природа первичная, что также свидетельствует о его универсальном характере. При этом отдельные звуки, по мнению исследователей (см., напр., [151, с. 69]), вступая в различные сочетания с другими звуками, все же сохраняют свои основные физические и эмоционально-логические свойства и имеют неодинаковый звуко-символический потенциал. Видимо поэтому З. Харрис считает [280, с. 188], что связь между звуковым портретом слова и его значением следует искать не среди отдельных фонологических элементов, а среди сочетаний звуков и их последовательностей.

При изучении символических свойств звуков многие ученые пришли к мысли, что их анализ может осуществляться и на уровне фонем, и на уровне единиц, меньших или больших, чем фонемы, а именно на уровне фонетических признаков или сочетаний фонем. Кроме того, в исследованиях последних лет [41, с. 34] отмечалось, что сочетание фонем, определенные Дж. Р. Фирсом [273] как фонестемы, имеют в разных языках достаточно четко выраженные символические функции, то есть имеют фонетическое значение [76, с. 37]. Исследуя семантическую природу сочетаний фонетических элементов в слове, М. М. Маковский [158, с. 74] обращал внимание на то, что их определенные качественные, количественные и позиционные (типологические) характеристики регулируют возможность или невозможность экстраполяции на конкретную фонетическую форму того или иного участка семантического спектра.

Размышляя над этим, Н. А. Слюсарева [200, с. 248] склоняется к мнению Л. В. Щербы о том, что фонемы являются лишь потенциально семантическими, в результате чего их функциональные свойства находятся на поверхности и доступны для изучения. Поэтому, вступая в разнообразные между собой сочетания, они сохраняют свои основные физические и эмоционально-логические свойства.

Считая абсолютно очевидной связь между звуком и значением, В. фон Гумбольдт [64, с. 93–96], указывал на связь конкретных звуков с определенными понятиями. Исходя из аналогии связи понятий и звуков, особенно устойчивой в обозначении общих отношений, он считал, что словам с подобными значениями присуще также и сходство звуков [64, с. 95], утверждая, таким образом, единство звукового комплекса и значения.

Апеллируя к повседневной речи, М. Граммон [60, с. 52–55] различал следующие общие признаки звуков: ясные, острые, резкие, мягкие, тихие, неприятные, суровые и так далее. По его мнению, гласные и согласные звуки речи могут приобретать, выразительные значения в соответствии со смыслом слова, в котором они встречаются. Целесообразно также упомянуть, что еще в работе М. В. Ломоносова [156, с. 241] подчеркивались более широкие символические возможности согласных, чем гласных. Об эстетическом воздействии на слушателя согласных звуков и их сочетаний говорилось и в трудах римского оратора Квинтилиана (I в. до н.э.), который считал сочетания *s* и *x* или двух *s* на стыке лексических единиц неблагозвучными [9, с. 238]. Убедительной иллюстрацией фонетического значения английских лабиализованных гласных служили известные эксперименты Е. Сепира [320, с. 225–239], которыми впервые показали, что лабиализованные звуки используются для обозначения округлых и выпуклых предметов благодаря таким характеристикам артикуляции как округление или выпучивание губ и увеличение ротового резонатора. Рассматривая особенности акустических свойств звуков, А. Н. Морозова и Т. В. Пахомова [167, с. 139] приходят к выводу, что сонанты как доминирующие звуковые элементы имеют большую функциональную нагрузку.

По известному утверждению М. Магнус [300], на уровне артикуляции, любой звук – согласный или гласный – приобретает определенное значение, поскольку он является составным элементом значения слова и дифференцирует значения других слов, в составе которых он отсутствует. В основе этого звука-значения лежит форма звука, то есть, его произношение. Этот аспект значения, актуализированный звуком, она считает более коннотативным, чем денотативным.

Хорошо известны также результаты исследования Т. А. Полукаровой гласных звуков [181, с. 55], в соответствии с которыми монофтонги /а:/, /и:/ и /з:/ ассоциируются с признаком “злой”, при этом, монофтонги /и:/ и /з:/ считаются “тусклыми”, а /з:/ является к тому же единственным монофтонгом с признаком “отталкивающий”. Звук может ассоциироваться с выражением размеров предметов. Кроме того, низкие гласные связывают с обозначением темноты [234, с. 61], близким или далеким расстоянием (/i:/ и /а:/, /и:/, соответственно) [266, с. 177]. Платон, например, относил звук /а:/ к средствам, выражающим огромные размеры. Прорывные согласные способны, в свою очередь, передавать ощущение кратковременности и отсутствия, непрерывности (см. также [266, с. 175]). Глухость согласных предполагает невнятность, отсутствие шума, звучности. При этом высокие или средние монофтонги в ударном слоге, в отличие от низких гласных или дифтонгов, придают большей интенсивности словам, содержащих глухие согласные [337, с. 11].

Добавим к этому, что в круг вопросов, рассматриваемой нами проблемы, входят также проблемы звуко-символизма, в основе которого лежит синестезия, обусловленная физическими свойствами звуков [49, с. 81–84; 152, с. 66; 298, с. 52–59]. Однако эта обусловленность имеет потенциальный, латентный характер и проявляется только тогда, когда звучание слова по тем или иным причинам реализуется в соответствии с его содержанием. Иначе говоря, сама синестезия как основа звукового символизма возникает только при таких условиях, когда возможна транспозиция одних видов ощущений в другие, когда между формой и содержанием в языке проявляется структурное сходство, когда есть

общий для них стержень, с помощью которого и осуществляется “перевод” ощущений с одной сенсорной зоны в другую [151, с. 69–71].

Подчеркнем также, что чувственные реакции на звук являются врожденными компонентами нашего языкового представления. Передача многоаспектной природы наших внутренних представлений о звуке осуществляется за счет его модуляций, многообразие которых коррелирует с нюансами значений, то есть в языке, подобно музыке, мы через звучание облакаем значение в определенную форму [301, с. 2]. Проводя по этому поводу многочисленные эксперименты, О. П. Журавльов доказал, что звуки речи имеют определенный смысл и определенное значение [75; 76]. При этом в фонетическом смысле он подразумевал [76, с. 34] не обозначение понятий или предметов, а набор определенных признаков. Препарируя эту проблему, Л. Блумфилда [29, с. 162–163] акцентировал внимание на том, что английский язык особенно богат символическими формами, выполняющими функцию усиления или интенсификации значения.

Рассмотренные представления лингвистов о соотношении между звучанием и значением показывают, что семантическая система языка фиксируется в образно-смысловой структуре текста, воспроизводящей не только тезаурус языковых единиц, но и сам процесс символизации, включая семантизацию единиц фонетического уровня, базирующуюся на феномене приобретения звуками символического значения, которое в устном тексте совпадает со значением единиц других уровней языка. Следовательно, текстообразующие средства фонетического уровня, сигнализируя о наличии определенного значения или его оттенка, способны участвовать в создании смысла опосредованно – путем звуковой дифференциации его составляющих, происходящей в сфере сознания коммуникантов.

При этом вполне очевидно, что обусловленная смыслом слова или высказывания коммуникативная энергия звука осуществляет запуск когнитивных механизмов психики индивида. Действием этих механизмов возбуждается эмоциональная сфера слушающего, обеспечивающая активное взаимодействие логического и эмоционального начал

его личности, в результате чего воспринятое им звучание и значение, приобретая психо-энергетический потенциал конкретного содержательного единства, и оказывает свое суггестивное воздействие.

Как видим, анализируемая нами проблема влияния сегментных единиц на речевую суггестию весьма сложна. С одной стороны, из изложенного выше с необходимостью следует, что, рассматриваемый под таким углом зрения объект является не чем иным, как сложной открытой саморазвивающейся системой исключительно интеллигибельного характера. С другой стороны, становится ясно, что в процессе решения поставленной проблемы перед нами возникнет задача комплексной проверки сформулированных выше теоретико-гипотетических допущений.

Понятно и то, что при познании указанного нами нового объекта в условиях отсутствия научной информации о степени влияния на его функционирование конкретных факторов или причин, эффективным должно оказаться применение метода многофакторного исследования [143, с. 97–182; 67, с. 157–172], позволяющего, в конечном итоге, ранжировать их номенклатуру по уровням значимости.

Для этого процесс влияния сегментных единиц на суггестию высказывания необходимо представить в форме широко известной абстрактной математической модели исследуемой системы (см., напр., [172; 129, с. 105–121; 159, с. 109–158]), называемой в кибернетике “черным ящиком”.

Естественно, что для описания образованной таким образом системы требуется, прежде всего, определить ее структуру, функцию и связи. Вполне очевидно, что в общем случае полная четырехуровневая структура рассматриваемой системы должна включать в качестве составляющих ее элементов отдельные звуки, слоги и слова с указанием их связей внутри высказывания. Однако в иных случаях при постановке конкретных целей исследователь волен моделировать и такие схемы модели черного ящика, в качестве структурных элементов которых будут выступать лишь отдельные звуки, слоги, слова, высказывания, а также любые их комбинации.

Здесь то мы и вынуждены акцентировать внимание на одном весьма важном методологическом требовании [130, с. 160], согласно которому разработки любых теоретических предпосылок или моделей изучаемого объекта могут иметь смысл только при наличии четко поставленной цели исследования, поскольку по отношению к ней эти предпосылки выступают в роли лишь одного из средств ее достижения.

Из изложенного выше вполне понятно, что объектом нашего исследования должен служить процесс суггестивного воздействия звучащего высказывания на реципиента. При этом из формулировки проблемы несложно также убедиться в том, что предметом исследования выбрана суггестия звуков и слогов. Отсюда вытекает, что для экспериментального установления влияния сегментных единиц на суггестию высказывания достаточно рассмотреть структуру двухуровневой системы, элементами которой будут отдельные звуки и слоги, а также существующие или возникающие между ними связи.

В таком случае необходимо, прежде всего, определить полную номенклатуру существующих в различных языках гласных и согласных звуков и их возможных сочетаний в структурах слогов и слов. Формально определить искомое номенклатурное множество позволяют, как известно [173, с. 13–21], методы кибернетической теории морфологического анализа и синтеза систем.

Для этого, абстрагируясь от артикуляционных характеристик звуков, достаточно ограничиться такими, значимыми с точки зрения цели исследования, элементами системы, как гласные и согласные звуки, альтернативные взаимодействия которых образуют слоги. Приняв гласные и согласные звуки за классификационные признаки, мы получаем возможность построить морфологическую матрицу, приведенную в таблице 2.5.

Как видно из матрицы, структурные элементы исследуемой нами системы образуют определенное альтернативное поле потенциально возможных сочетаний различных количеств гласных и согласных звуков человеческой речи. Проще говоря, мы получили искомую матрицу полной номенклатуры звукосочетаний, потенциально функционирую-

щих в речи человека. Наличие же в ней пяти незаполненных ячеек, связано с тем хорошо известным фактом [305, с. 689–690], что в слоге любого из известных языков не может быть более пяти подряд идущих гласных или согласных.

Таблица 2.5

Системная матрица методологических альтернатив многофакторных исследований закономерностей взаимодействия гласных и согласных звуков в слогах в процессе создания смысла высказывания

Альтернативные варианты взаимодействия звуков	Гласный звук (V)	Согласный звук (C)	Сонант (S)	Два гласных (VV)	Три гласных (VVV)	Два согласных (CC)	Три согласных (CCC)
Гласный звук (V)	V + V	V + C	V + S	V + VV	V + VVV	V + CC	V + CCC
Согласный звук (C)	C + V	C + C	C + S	C + VV	C + VVV	C + CC	C + CCC
Сонант (S)	S + V	S + C	S + S	S + VV	S + VVV	S + CC	–
Два гласных (VV)	VV + V	VV + C	VV + S	VV + VV	VV + VVV	VV + CC	VV + CCC
Три гласных (VVV)	VVV + V	VVV + C	VVV + S	VVV + VV	–	VVV + CC	–
Два согласных (CC)	CC + V	CC + C	CC + S	CC + VV	CC + VVV	CC + CC	CC + CCC
Три согласных (CCC)	CCC + V	CCC + C	CCC + S	CCC + VV	–	CCC + CC	–

Имея исчерпывающую методологически обоснованную номенклатуру возможных сочетаний различных количеств гласных и согласных звуков, перейдем непосредственно к рассмотрению методических возможностей исследований степени их влияния на суггестию речи в целом и высказываний в частности. Поскольку, как говорилось выше, речь идет о многофакторном экспериментальном исследовании, то необходимость рассмотрения специфики его планирования стает очевидною.

В процессе решения данного вопроса лингвисту целесообразно обратить, прежде всего, внимание на возможность дифференциации слогов по таким, указанным в ячейках матрицы, признакам как: количественные соотношения в них гласных и согласных, их дистрибуция, качественные характеристики конкретных звуков (для гласных – долгота, подъем, ряд и т.п.; для согласных – глухость, звонкость, мягкость, твердость, фрикативность, латеральность, назальность и т.д.), а также ассоциативные свойства отдельных звуков и их сочетаний (положительный/отрицательный, светлый/темный, крупный/мелкий, злой/добрый, опасный/комфортный, близкий/дальний и т.д.).

При таком подходе исследователь вынужден фактически иметь дело, как минимум, с четырьмя комплексами факторов, в каждый из которых может входить от одного до n -ого количества конкретно фиксируемых факторов. Образно говоря, он столкнется с практически неограниченным полем альтернатив факторов, потенциально управляемых по его воле. Вполне естественно при этом, что выполнение полного факторного эксперимента (ПФЭ) в соответствии с методикой его планирования и проведения [159, с. 122–147] окажется неоправданно малопродуктивным по отношению к полученным результатам, поскольку при числе факторов $n > 5$ проведение эксперимента по планам ПФЭ становится чрезвычайно трудоемким. В таких случаях с целью уменьшения объема экспериментальных работ применяется метод, называемый дробным факторным экспериментом (ДФЭ) [там же, с. 147]. Так или иначе, в нашем случае, как это показывает практика, исследователь с оправданной необходимостью вынужден будет оперировать максимум четырьмя факторами.

В силу указанных обстоятельств поиск оптимальных методологических перспектив изучения гиперпроблемы влияния сегментных единиц на суггестию высказывания вынуждает нас расширить статус ее объекта до уровня объектной сферы лингвистических исследований.

При таком подходе открывается реальная возможность как последовательного, так и параллельного изучения любого количества объектов, входящих в сформированную таким образом объектную сферу, по унифицированной системно-методологической схеме.

Для этого достаточно сосредоточить внимание на любом их конкретных объектов, сущность которых закодирована в каждой ячейке, наведенной на рисунке системной матрицы (табл. 2.5). В таком случае смысл ячейки “3 согл. + глас.” мы можем, например, декодировать, как объект исследования, понимая, что им является процесс суггестивного воздействия сочетания в слогах высказывания трех согласных и гласного на реципиента. Памятуя про прерогативу исследователя в выборе объекта познания, мы не можем отрицать его обоснованное право рассматривать при необходимости и более сложные объекты, формируемые путем интегрирования содержаний двух или нескольких, преимущественно, смежных ячеек матрицы.

Однако из матрицы очевидна рациональность формирования объектов такого типа путем интеграции в них содержания ячеек, рассматриваемых в пределах горизонтальных строчек или вертикальных столбцов. Редуцируя эту проблему непосредственно на уровень компетенции исследователя, мы можем перейти к вопросам методического характера

С методической точки зрения важно, пожалуй, отметить целесообразность в качестве первого шага планировать экстремальные эксперименты, результатом которых будет прямое определение максимального суггестивного воздействия конкретных сегментных единиц на психику реципиента. Под вторым, естественным, этапом, похоже, следует понимать организацию экспериментов, позволяющую решать непосредственно задачи оптимизации результатов взаимодействия языковых средств всех уровней в достижении эффекта суггестии.

Что же касается количественной оценки интенсивности суггестии, то на нее необходимо обращать особое внимание, поскольку методы многофакторного исследования, как известно [159, с. 109], направлены на математическое описание изучаемых явлений. Для этого в случае лингвистического исследования желательно осуществлять указанную оценку двумя методами: экспертным и аппаратным.

Экспертный метод с применением относительной (100%) шкалы оценки степени суггестивного воздействия высказывания на реципиента в целом и сегментных единиц в частности лингвистам хорошо знаком.

Среди аппаратных методов, оборудование для которых выпускается промышленностью, известны в настоящее время следующие: электроэнцефалограмма (ЭЭГ), количественная электроэнцефалограмма (КЭЭГ), позитронная эмиссионная томография (ПЭТ), однофотонная эмиссионная компьютерная томография (ОЭКТ) и функциональная МРТ (ФМРТ). Однако не все эти методы являются пока широкодоступными для лингвистов. Поэтому сегодня можно рекомендовать лишь методы количественной электроэнцефалограммы и однофотонной эмиссионной компьютерной томографии или более простые частные методы: регистрации давления, пульса, активности потоотделения, расширения зрачка, для применения которых используются относительно простые технические средства. Напомним что, результаты, полученные экспертным и аппаратным методами следует сопоставлять на основе их предварительного нормирования (обезразмеривания). Остается добавить, что полное описание феномена влияния звуков речи на реципиента может быть выполнено лишь на основании статистического обобщения характеристик восприятия им слова, высказывания, текста различных стилей речи.

Мы полагаем, что обоснованные в статье методологические положения, направленные на изучение влияния сегментных единиц на суггестию высказывания, могут быть использованы в качестве своего рода логико-методологической карты дальнейших научных разработок данной лингвистической проблемы.

2.8. Методологическая специфика изучения суггестивного потенциала ритмической системы прозаического текста

Для описания ритма как уникального коммуникативного феномена в его широком понимании лингвисты активно используют современные теоретические положения и экспериментальные факты, добываемые исследователями таких областей научного знания, как философия, искусствоведение, психология, музыковедение, физиология, информатика, математика, нейропсихология, психолингвистика, психофизиология, нейрофизиология, психоакустика и т.п., поскольку его рассмотрение как сугубо фонетико-синтаксического явления не является достаточным для решения практически возникающих проблем.

При этом в последнее время среди частных вопросов общей проблемы функционирования ритма в коммуникации исследователи однозначно признают вопрос энергетической природы порождения суггестивного потенциала ритма одним из наиболее актуальных. И, тем не менее, в известных нам работах отсутствуют теоретические результаты системной гипотезации научных представлений об энергетической природе возникновения суггестивного потенциала речевого ритма.

В силу этого и возникает необходимость методологической системной гипотезации научных представлений об энергетической природе возникновения суггестивного потенциала ритма прозаического текста и механизмах его воздействия на реципиента.

Для решения указанной проблемы, используя строго научный подход, рассмотрим кратко свойства, особенности проявления, признаки и характеристики ритма, отмеченные в ряде работ известных нам отечественных и зарубежных исследователей, описывающих его в самом широком понимании. По поводу функционального назначения ритма в коммуникации существуют мнения, что он является средством: побуждения человека к чтению и письму, оживления прозы [276, с. 14]; реализации структурирующей, текстообразующей и экспрессивно-эмоциональной функций речи [245, с. 416]; художественного воздействия на

реципиента [74, с. 569]; психологического и эмоционального воздействия [35, с. 130]; фокусирования внимания читателя на определенных элементах сообщения [65, с. 6]; организации субъектом его собственной речи [306, с. 71]; организации структуры текста, а также процессов передачи и восприятия информации [65, с. 7]; создания связности и целостности текста [72, с. 90]; достижения определенного эффекта в речи [19, с. 10]; формирования “мотива”, упорядочения мысли и последующего формирования высказывания [79, с. 11]; порождения и организации суггестии текста [38; 35, с. 130; 231, с. 83]. Из этого очевидны попытки исследователей определить суггестивную функцию ритма с позиций индивида, порождающего текст, либо индивида, воспринимающего его.

Опираясь на элементарные положения метода системного анализа названных исследователями функций, несложно убедиться в том, что главной функцией коммуникативного ритма вообще, и ритма текста или высказывания, в частности, может являться только актуализация их суггестии. Более того, с учетом её значимости суггестивную функцию ритма целесообразно рассматривать, а, следовательно, и трактовать на всех уровнях ее актуализации как стратегическую [111, с. 48–49; 131, с. 165].

В таком случае всем остальным, указанным выше функциям, логично, соответственно их роли, присвоить статус тактических функций, методов, способов, приемов и средств актуализации суггестии ритма. Такой подход не только позволяет однозначно выделить ведущую роль ритма в суггестии текста, но и повышает актуальность рассмотрения остальных средств речевой суггестии в непосредственном соотношении с ним как с базовым элементом.

Не менее важным вопросом для нашего анализа следует, пожалуй, считать особенности проявления ритма. Традиционно речевой ритм принято рассматривать как “регулярное повторение сходных и соизмеримых речевых единиц, выполняющее структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции” [245, с. 416].

Понятно, что результаты реализации этих и значительного количества указанных выше функций ритма должны неизбежно порождать

широкое поле альтернатив его проявления в реально существующих видах речевой коммуникации.

Как известно [308, с. 11–15], ритм проявляется в регулярности чередования синтаксических частей предложений, количества ударений, количества слогов, характера звуков (аллитерация, омофоны); синтаксическом параллелизме; распределении частей целого текста или фразы согласно возрастающему или убывающему порядку в объеме этих частей; повторах (лексические, семантические); равенстве или неравенстве восходящей и нисходящей интонационных контуров предложения, а также ряде других явлений. В соответствии с этим, Г. Р. Гачециладзе подчеркивает, что ритм прозы выражается преимущественно в чередовании пауз и смысловых единиц различной длины, а также проявляется в повторении смысловых ударений, последовательностей повышения и понижения интонации, симметричном строе предложений и расположении синтагм, иногда привнесением рефрена, аллитерации, внутренней рифмы и ассонанса [52, с. 208].

Рассматривая ритм как средство художественного воздействия, В. М. Жирмунский считает его основным атрибутом синтаксического уровня текста [74, с. 575–576]. Исходя из смысловой и информационной составляющих текста, Е. И. Бойчук подчеркивает, что ритм проявляется в построении сюжетной канвы текста, в его архитектонике и, в особенности, в системе средств выразительности языка, при помощи которых создаются образы художественного произведения [35, с. 130].

Определяя ритм как симметрию двух или нескольких однородных явлений, имеющих сходную длительность и сходно расположенных во времени, Е.-Л. Мартен обнаруживает его проявление во множестве различных симметрий [303, с. 170] и утверждает, что наиболее известной является симметрия ритмических ударений [там же, с. 176–177].

В лексическом ритме С. В. Болтаева выделяет две формы его проявления: к средствам эксплицитной актуализации ритма она относит анафору, полный лексический повтор, а к имплицитным формам – проявление ритма путем повторной репрезентации уже названного понятия с помощью синонимов его первичной номинации, называния

его характерных свойств и признаков, использования словообразовательных дериватов, а также лексики, семантически близкой данному понятию на уровне ассоциаций [38, с. 14]. В своей работе, касаясь латентных ритмических схем актуализации семантики речевой единицы, содействующих непрерывному нагнетанию и внушению определенной идеи, она подчеркивает, что особой сложностью ритмического рисунка отличается заключительный фрагмент, суммирующий смыслы текста в оригинальном ритме их фонетических маркеров [38, с. 20].

Изложенные факты не позволяют сомневаться в том, что ритм как уникальный феномен речи проявляется практически на все языковых уровнях. К ним с равной объективностью можно отнести: звуковой, интонационный, лексико-семантический, синтаксический [245, с. 416; 65, с. 105], фонетический, лексический, грамматический и структурно-композиционный [35, с. 130], интонационно-синтаксический, семантический, композиционный, сюжетно-образный [30, с. 19], сюжетный, образной системы, пространства и времени, тематический [15, с. 6] и т.п.

Вполне очевидно, что в многообразии терминологических определений указанных уровней однозначно отражаются авторские подходы или аспекты их рассмотрения. Это весьма удобно для метафорического описания особенностей проявления речевого ритма. Вместе с тем, экспериментальная лингвистическая практика требует более жесткой ортодоксации уровней рассмотрения актуализации ритма, в качестве которых весьма целесообразно ограничиться их классической иерархией: фонетический, морфологический, лексико-семантический, синтаксический [137, с. 69]. Поэтому в дальнейшем изложении мы и будем придерживаться классической иерархией уровней актуализации ритма и традиционного терминологического аппарата их обозначения.

Обратимся еще к одному весьма важному обстоятельству. Оно заключается в том, что естественная вариативность целей и задач лингвистических исследований ритма, связанная с определенными подходами, точками зрения и аспектами его изучения, порождает значительное количество его определений, традиционно функционирующих во многих [245, с. 416; 139, с. 298; 144, с. 678; 34, с. 232; 254, с. 28; 260,

с. 150; 317, с. 107; 330, с. 311 и др.] или оригинальных, предлагаемых в отдельных [65, с. 26; 303, с. 170; 187, с. 133; 74, с. 439; 265, с. 161–165 и пр.] работах.

Однако в данном случае для унификации понятий представляется целесообразным ориентироваться на наиболее общее представление о *ритме*, под которым мы понимаем *разворачивающуюся во времени энергетическую основу или потенциал коммуникации, обеспечивающий концентрацию суггестивного воздействия высказывания / текста на эмоциональное и рациональное начала психики реципиента путем чередования его различных по природе порождения проявлений, рассматриваемых в лингвистике как результат комплексного взаимодействия средств всей уровней языка.*

Исходя их такой формулировки, мы получаем возможность сформировать условно-графическую модель механизма интеграции суггестивного потенциала ритма звучащего текста (рис. 2.20).

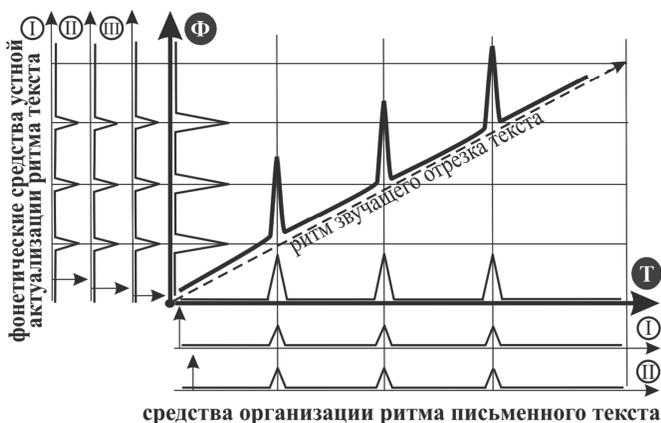

Рис. 2.20. Модель механизма интеграции

суггестивного потенциала ритма звучащего текста

Условные обозначения: Т – синтаксический уровень текста;
 I – лексико-грамматические средства; II – стилистические средства;
 Ф – фонетический уровень текста; I – сегментные средства;
 II – слогово-акцентные средства; III – супraseгментные средства

Для рассмотрения логики ее построения обратим, прежде всего, внимание на идеи К. С. Станиславского, четко разделявшего ритм и темпоритм речемышления и мышледействия на внутренние и внешние. По его мнению, чтобы привести музыку, пение, слово и действие к единству, необходим не внешний, физический темпоритм, а внутренний, духовный. Его следует чувствовать в звуке, в слове, в действии, в жесте и походке, во всем произведении [205, с. 233]. Поэтому, говоря о ритме, он подозревал именно этот внутренний ритм [там же, с. 281] и пытался объяснить его внутреннюю невидимую характеристику [там же, с. 289]. Понимая сведение действия, музыки, пения, речи и самих эмоций актера в один внешний ритм, являющийся основной силой спектакля, он предпочитал говорить главным образом о внутреннем ритме переживания [205, с. 281].

В любом случае мы можем считать, что речь шла о естественном взаимодействии внутрибиологического ритма актера с психолого-суггестивным ритмом озвучиваемого им текста, который в результате его конечного оформления средствами интонационного уровня трансформировался во внешний ритм материализации звучащих отрезков текста. Таким образом, интерпретируя указанную идею в терминах лингвистики, мы получаем две обобщающие координаты формирования внутреннего ритма говорящего: Т – синтаксический уровень текста и Ф – фонетический уровень ритма текста, являющиеся, по сути, аккумуляторами энергий функциональных соподчиненных им уровней языковых средств. Для синтаксического уровня текста таковыми являются, как известно, лексико-грамматические и стилистические средства. Что же касается фонетического уровня ритма текста, то он аккумулирует в себе сегментные, слогово-акцентные и супraseгментные средства.

В процессе активного взаимодействия языковых средств на синтаксическом (Т) и фонетическом (Ф) уровнях речемышления возникают ритмические структуры, являющиеся следствием резонанса/диссонанса психофизиологической энергии порождения этих средств, результат которого К. С. Станиславский вполне мог ощущать как внутренний ритм текста. Тогда с большой степенью вероятности мы можем пола-

гать, что происходящая в силу действия того же механизма резонанса интеграция внутренних ритмов в единый ритм речевой материализации текста воспринималась им, а, следовательно, и должна была восприниматься слушателем в качестве внешнего ритма.

Логическим развитием концептуальных представлений, положенных в основу формирования модели, приведенной на рис. 2.20, представляется моделирование качественной картины интеграции суггестивного потенциала ритма звучащего текста как следствия взаимодействия синтаксических и фонетических средств его актуализации. Результаты такого моделирования интерпретированы нами на рис. 2.21.

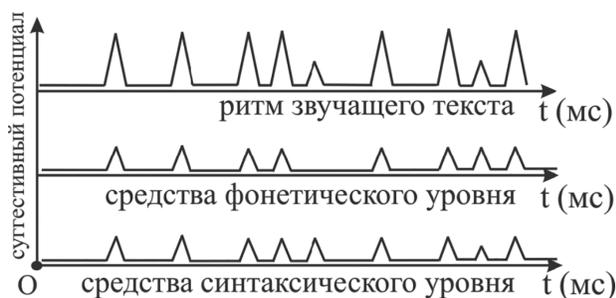

Рис. 2.21. Графическая интерпретация процесса формирования суггестивного потенциала ритма звучащего текста

Напомним в этой связи, что ритмом как динамическим фактором текстообразования обуславливается в основе своей интенсивность суггестивного потенциала текста. Следовательно, конкретный уровень суггестии текста определяется, в первую очередь, его ритмической организацией (см. работы [54; 84; 188; 197; 199] и др.), отражающей результат речемышления адресанта и способной транслировать энергию суггестии речи в психическую сферу адресата, представляющую собой типичную открытую саморазвивающуюся систему.

Вариативность суггестивного потенциала ритма текста возникает, как это указано выше, в результате резонанса/диссонанса психофизиологических энергий внутренних ритмов актуализации говорящим

средств разных уровней языка. Возникновение резонансов, достигаемых путем дублирования компонентов сообщения, способствуя появлению дополнительной семантики, осуществляет манипуляцию вниманием реципиента [245, с. 414-415; 118; 145].

Диссонанс же основывается на эффекте перебивания ритма, приводящего к разрушению трансовых состояний, создаваемых повторяющимися стимулами [135, с. 18] и создающего своего рода аритмичный текст, способный вызывать у реципиента противоречивые ощущения [35, с. 131; 15, с. 17]. Образно говоря (см. рис. 2), динамика внешнего ритма возникает в моменты его перехода от порядка к неупорядоченности и обратно [195, с. 15].

Исходя из этого, на верхней оси рис. 2.21 нами и отражена качественная картина разворачивания во времени внешнего, включающего определенное чередование результатов резонанса и диссонанса, динамического ритма звучащего текста. При этом относительные высоты пиков аккумулированных во внешнем ритме энергий внутренних ритмов синтаксического и фонетического уровней текста интерпретируют величины суггестивных потенциалов, воздействующих на слушателя на отдельных участках актуализации ритма звучащего текста.

Однако с какой бы точки зрения не рассматривался ритм как объект познания, неизбежно возникнет научная проблема сравнения ритма двух и более коммуникантов, традиционно решаемая в лингвистике методами нормирования его основных параметров. Как бы предчувствуя это, К. С. Станиславский [205, с. 289] обращал особое внимание на темпоритм как уникальное явление, характеризующее динамику протекания процесса материализации индивидом текста в звучащей речи. Конечно, не случайно и то, что он по аналогии с темпом различал внутренний и внешний темпоритм речемыслительной деятельности человека. Сущность такого разделения [215] заключалась в том, что под внутренним темпоритмом подразумевалось состояние психики, характеризующее скоростью мышления и эмоциональности. Внутренний темпоритм материализовался в манере речи, энергичности жестикулирования и скорости перемещения говорящего в пространстве.

Благодаря этому, в описаниях темпоритма сложилась традиция относить внутренний темпоритм непосредственно к процессам мышления индивида, а внешний – к словесному действию [175]. К. С. Станиславский также подчеркивал, что правильное физическое поведение актера в роли зависит от верного темпоритма его внутренней жизни, поскольку внутренний темпоритм влияет на темпоритм внешнего поведения. При этом внешний темпоритм определяет, в свою очередь, внутреннее самочувствие актера, вызывая у него верные эмоции.

Интересным, на наш взгляд, в таком рассмотрении предстает неисследованная до сих пор лингвистами, психологами и педагогами проблема аутосуггестивной функции ритма, важная сама по себе для обучения выразительной речи.

К этому вопросу примыкает и другая, не менее интересная проблема, побуждающая нас к обсуждению когнитивных моделей процессов порождения и декодирования темпоритма текста в речевой коммуникации. Воспользуемся для этого идеей, в соответствии с которой в психических сферах адресанта и адресата речевого сообщения происходят определенные трансформации: в первом случае внутреннего темпоритма во внешний, во втором – внешнего во внутренний. Основанная на этой идеи когнитивная модель процесса трансформации ритма в психической сфере адресанта приведена на рис. 2.22.

Рис. 2.22. Когнитивная модель этапов процесса порождения темпоритма текста в психической сфере адресанта

Из модели видно, что первым этапом процесса продуцирования темпоритма в психической сфере адресанта является порождение внутреннего темпоритма, однозначно обусловленное, как это показано

выше, внутренним самочувствием и эмоциями коммуниканта. Следовательно, зарождающаяся таким образом и неосознаваемая индивидом исходная схема темпоритма формирует в экзистенциальной сфере [110, с. 106–112; 290, с. 331–332] его духовного бытия определенную структуру эмоционального ритма (эмо-ритма). В силу диалектического взаимодействия эмоционального и рационального начал психики говорящего в сфере его предсознательного на третьем этапе происходит соответствующая коррекция структуры эмо-ритма, в результате которой формируется структура рационального ритма (рацио-ритма).

Сущность четвертого этапа, названного нами табуированием, состоит в том, что сознание говорящего в соответствии со сформированными в процессе его культурного развития нормами ритмического оформления речи и присущими его психике запретами, оформляя окончательно логику построения структуры рацио-ритма, подбирает для этого необходимый темп его актуализации, обеспечивая тем самым его речевую материализацию уже в качестве внешнего темпоритма.

Подобным образом, но в обратном порядке (рис. 2.23) осуществляется процесс декодирования темпоритма адресатом.

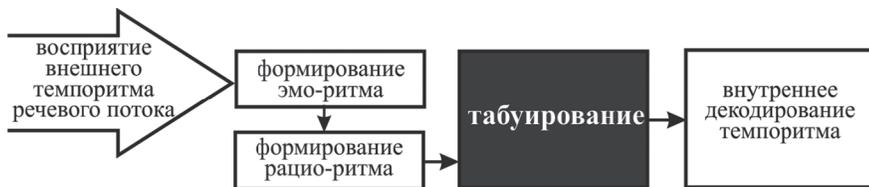

Рис. 2.23. Когнитивная модель этапов процесса декодирования темпоритма текста адресатом

Из рис. 2.23 видно, что в психике адресата, под воздействием внешнего темпоритма речевого потока, происходит возникновение эмо-ритма воспринимаемого текста. Структура внутреннего эмо-ритма формируется на основе заложенных в эмоциональной памяти реципиента прототипов эмо-ритмов-концептов [120, с. 221]. На втором этапе процесса декодирования подобным образом появляется аналог структуры

рацио-ритма. Трансформированные таким путем эмо- и рацио-ритмы, интегрируясь в темпоритм, подвергаются на третьем этапе табуированию сознанием реципиента. В результате протекания четвертого этапа декодирования текста адресатом его сознание, исключая табуированные элементы, формирует из находящихся в памяти индивида концептов-прототипов структуру декодированного им внутреннего темпоритма.

Заметим здесь, что процесс табуирования в обоих случаях осуществляется специфической нейронной структурой мозга коммуниканта, функционирование которой является неотъемлемым элементом работы его сознания. Эта структура названа Н. П. Бехтеревой детектором ошибок [28, с. 120].

Известно также, что процессы трансформации внутреннего темпоритма во внешний, зависящие в основе своей от особенностей психики и состояния эмоциональной сферы коммуниканта [205], могут в ряде случаев приводить к неожиданно резкому различию их типов. Этот эффект порождения темпоритма в речи отражен на модели рис. 2.24.

Рис. 2.24. Модель табуирования и трансформации внутреннего темпоритма во внешний

Так, например, ускоренный обидой внутренний темпоритм изложения сути конфликта адресатом в результате табуирования, апеллирующего к высокому социальному статусу собеседника, заложенным в сознании говорящего речевым нормам коммуникации и необходимости сдерживать эмоции, трансформируется его сознанием в замедленный тип внешнего темпоритма.

Вполне понятно, что остальные, указанные на модели варианты трансформаций осуществляются в реальной коммуникации в результате разрешения сознанием противоречий, возникающих между усвоенными говорящим нормами речевого поведения, условиями и содержанием коммуникации, с одной стороны, и порождаемым его психикой внутренним темпоритмом, с другой. Обратим особое внимание на использованные в модели разновидности типов темпоритма, заимствованные нами из фонетической практики [86, с. 97-98]. К этому нас побуждают две причины. Первая заключается в том, что традиционные для научных работ психологов и театраловедов градации типов темпоритма (предельная пассивность, вялость, бездейственная подавленность, опустошенность, почти умирание; постепенный переход к энергичному, бодрому самочувствию; готовность к любому действию, ясная цель в энергичном, плодотворном действии; темпоритм настоящего внимания, когда человек должен моментально принимать точное решение; ритм решений, резкий, четкий ритм жизнеутверждения; преодоление серьезных препятствий в энергичном действии, первое появление опасности, тревога или бурная радость; лихорадочный пульс жизни; миг перед падением в пропасть, перед расстрелом, начало безумия, потеря способности осознавать и регулировать свои действия [59]) практически непригодны для использования в фонетических исследованиях, поскольку как элементы морфологической классификации указанные типы не имеют общего признака, вместо которого в ней в качестве критериев фигурируют состояния индивида, его готовность/неготовность к действию, его ощущения и пр.

Суть второй причины (и это особенно важно) состоит в том, что использованная нами в модели (рис. 2.24) унифицированная градация

внутреннего и внешнего темпоритмов по зонам их актуализации позволяет не только оценивать количественно результаты трансформации внутреннего темпоритма во внешний, но и сравнивать динамику происходящих изменений на основе нормирования показателей этих зон. При таком подходе не составит особой трудности осуществление экспериментального определения закономерностей динамики изменения указанных темпоритмов путем вычисления коэффициентов их ускорения и замедления.

Дальнейшее развитие методологии количественных оценок проявлений суггестивного потенциала темпоритма или ритма звучащего текста на основе идеи, заложенной в модели (рис. 2.21), позволит перейти к практическому построению ритмокарт и соответствующих им темпоритмокарт любых речевых отрезков. Отметим здесь, что принципиальным моментом, позволяющим строить темпоритмокарты звучащего текста, нам представляется возможность осуществления синархического моделирования подобных и различных по структуре актуализации темпоритма отрезков текста, результаты которого несложно будет оценивать соответствующими коэффициентами компрессии темпоритма.

Рассмотренные таким образом сложные методологические проблемы изучения ритмической системы текста позволили нам сформулировать более полное содержание понятия “темпоритм” как уникального речевого феномена.

Согласно этому, *темпоритм текста, являясь доминирующим средством речевой суггестии, образуется путем интеграции микро-ритмов всех уровней внутренней речи индивида во внутренний макроритм, который, будучи скорректированный эмоциональным мышлением, протекающим в экзистенциальной сфере (в бессознательном), структурируется уже в форме внутреннего темпоритма и далее под влиянием диалектического взаимодействия рационального (учитывающего конкретные условия коммуникации) и эмоционального начал личности говорящего преобразуется в ментальной и трансцендентной сферах (в предсознательном) в соответствующие рацио-*

и эмо-ритмы, трансформируемые на основе учета сознанием реальных условий и норм коммуникации во внешний темпоритм высказывания, материализуемый в речи как результат процесса речемыслительной деятельности говорящего.

Отсюда с естественной необходимостью вытекает вопрос об иерархии элементов терминологической системы, включающей понятия микро-ритма, макро-ритма, внешнего и внутреннего темпоритмов. Рассматривая этот вопрос, отметим, прежде всего, что понятия микро- и макро-ритмов авторы ряда лингвистических работ относят к различным уровням структуры текста, а также используемых в нем языковых средств. Так, в работе М. М. Гиришман выделяет речевой “микроритм” и композиционный “макроритм” [55, с. 78], подчеркивая при этом, что ритм проступает на всех уровнях литературных отрезков действия или образно насыщенных отрывков текста, и в повторах и контрастах тех или иных тем, мотивов, образов и ситуаций, и в закономерностях сюжетного движения, и в соотношениях различных композиционно-речевых единиц, и в разворачивании системы образов-характеров и т.п. [55, с. 76]. В свою очередь, Е. С. Сергеева рассматривает интеграционную роль микро- и макро-ритма в обеспечении формообразующей функции ритма [196]. Ряд авторов [38, с. 14; 210, с. 81–84] считает, что композиционный уровень строения текста – макро-ритм, а исследуемый фонетистами микро-ритм – создающим мелодию авторского повествования. В иных работах [15, с. 17] микро-ритм однозначно относят к психологической сфере автора текста или говорящего, считая, что макро-ритм непосредственно материализуется в коммуникации. Существуют также подходы [186], в рамках которых микро-ритм приписывается чередованию отдельных звуков, а макро-ритм – высказыванию или текстовому фрагменту.

В силу известного методологического принципа относительности любых понятийных классификаций мы признаем за авторами объективное право тех или иных отнесений микро- и макро-ритмов к целым сюжетам, структурам, элементам организации все уровней текста вплоть до отдельных звуков. Более того, используя указанный принцип

в концептуальной системе нашего рассмотрения, считаем рациональным называть микро-ритмами чередование любых, различных по природе происхождения и средствам актуализации, речевых проявлений, возникающих как при формировании внутреннего, так и внешнего ритмов, непосредственно интегрирующихся во внутренний и внешний темпоритмы.

По такой логике на рис. 2.20 (см. ось абсцисс) мы имеем макро-ритм синтаксического уровня текста, интегрирующий в себя микро-ритмы актуализации лексико-грамматических и стилистических средств языка. В свою очередь, макро-ритм фонетического уровня высказывания, изображенного на оси ординат, формируется на основе интеграции сегментного, акцентно-слогового и супraseгментного микро-ритмов. Согласно тому же принципу относительности, в системе более высокого ранга, обозначенной координатами рис. 2.20, ритм звучащего отрезка текста получит статус макро-ритма, а порождающие его ритмы синтаксического и фонетического уровней текста будут именоваться микро-ритмами. Изложенная здесь логика и использована нами в расширенной дефиниции темпоритма речевой коммуникации.

Проведенный выше анализ специфических особенностей функционирования ритмической системы текста как психофизиологической энергетической субстанции лишней раз свидетельствует, что порожденный ею темпоритм аккумулирует в себе и отражает в коммуникации непосредственную связь и характер взаимодействия духовного и материального начал личности индивида.

Нам представляется вполне вероятным, что в перспективе исследователи суггестивной природы ритмов текста и механизмов их актуализации, вооруженные соответствующим междисциплинарным знанием, придут к необходимости моделирования суггестивного пространства коммуникативного темпоритма (независимо от того, назовут ли его, косморитмом, мегаритмом, суперритмом, глоборитмом) как некой темпоритмосферы, в объеме которой происходит пульсирующее взаимодействие энергетических потенциалов вербальных, зрительных, осязательных, обонятельных, вкусовых и т.п. концептов.

ГЛАВА 3.

АПРОБАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ РЕЧИ

В этой главе приведены результаты эмпирической апробации объективности ряда концептуальных положений изложенной в монографии энергетической теории речи.

Апробация была направлена на подтверждение эффективности применения новой теории в практике лингвистических исследований. В ее объеме на основе поисковых экспериментов показаны возможности перцептивной и инструментальной оценки эмоционально-прагматического потенциала высказывания с использованием обоснованного выше К-критерия; проиллюстрированы методология и метод синергетического анализа процессов порождения и актуализации фоноконцепта в предложенном нами его широком понимании; на реальных примерах изложена методологическая последовательность научного описания психо-энергетических когнитивных механизмов порождения и восприятия речемузыкального произведения и обоснованы варианты модели речемузыкальной коммуникации; раскрыты возможности практического описания динамики суггестивного воздействия речи и построения психо-энергограмм реализации стратегии суггестивно-коммуникативного воздействия.

3.1. Перцептивная и инструментальная оценка эмоционально-прагматического потенциала высказывания

Выше (см. раздел 2.2) мы обращали внимание на затруднения, возникающие у аудиторов при оценке эмоционально-прагматическо-

го потенциала (ЭПП) высказываний, реализованных на границах его смежных уровней. Причина этого усматривалась в том, что в процессе оценки сознание аудитора-информанта вынуждено обрабатывать значительный по объему и различный по природе происхождения комплекс психоэмоциональных факторов и физических (перцептивных) показателей, влияющих на просодическое оформление высказывания.

Поэтому в рамках апробации теоретических предпосылок энергетической теории речи нами решалась задача сопоставления результатов перцептивной и инструментальной оценок уровней актуализации ЭПП высказываний, реализованных говорящим на границах двух его уровней: низкого и среднего, среднего и высокого.

Напомним, что при решении данного вопроса методами теории подобия была обоснована и экспериментально апробирована аналитическая формула количественного безразмерного К-критерия для определения уровня актуализации говорящим ЭПП высказывания. При этом путем анализа частотных показателей были также выявлены границы диапазонов значения критерия для низкого ($K \leq 30$), среднего ($K = 30-105$) и высокого ($K \geq 105$) уровней ЭПП. Это дало основания считать, что высказывания, актуализированные с низким уровнем ЭПП, характеризуются значением К-критерия, не превышающим 30 единиц. Высказывания среднего уровня ЭПП реализуются в пределах значений безразмерного К-критерия от 30 до 105 единиц. А высказывания, имеющие высокий ЭПП маркируются значениями критерия, превышающими 105 единиц. Кроме того, было установлено, что верхней границей высокого уровня ЭПП следует считать высказывания, реализованные говорящим в состоянии неконтролируемых эмоций, характеризующиеся значением К-критерия, превышающим 300 единиц.

Предварительное сопоставление результатов аудитивного (качественного) и акустического (количественного по К-критерию) анализа экспериментальных английских высказываний показало, что у информантов возникали определенные сомнения по поводу отнесения ряда из них к тому или иному уровню ЭПП. Учитывая это, в процессе углубления предпринятого анализа, на границах между низким и средним,

а также – средним и высоким уровнями актуализации ЭПП высказываний нами были выявлены интервалы показателей К-критерия, при определении которых информанты испытывали затруднения. Так, на границе между низким и средним уровнями ЭПП такой интервал составил +5 единиц, а на границе между средним и высоким он возрос до +40 единиц К-критерия. Таким образом, мы убедились, что в силу указанных выше причин оценки уровня реализации ЭПП английских высказываний, маркированных значением количественного К-критерия в его интервалах от 30 до 35 и от 105 до 145, характеризовались наибольшей частотностью расхождений оценок информантов.

Естественно, что целью дальнейшего поиска стало выявление ведущих факторов, затрудняющих корректность перцептивной оценки информантами уровней ЭПП английских высказываний и выяснение целесообразности применения четких границ показателей К-критерия, разделяющие эти уровни.

Для выявления таких факторов, приводящих к возникновению у информантов затруднений в оценках, были проанализировано по 100 соответствующих примеров высказываний, относящихся к каждому из трех уровней актуализации их ЭПП. Проиллюстрируем лишь наиболее интересные из них. Отметим, что таковыми, в первую очередь, являются высказывания с низким уровнем ЭПП, выражающие положительные эмоции. Они квалифицировались информантами как реализованные на стыке двух уровней ЭПП (низкого и среднего).

Так, высказывание *“Oh, love me always, Gertrude, | love me always!”* [341, с. 27; 340] (К = 21,2) было отнесено информантами к среднему уровню ЭПП. На наш взгляд, это обусловлено, с одной стороны, лексическим наполнением анализируемого высказывания (употребление междометия *Oh*, прямого обращения *Gertrude*, повторением глагола *love* в повелительном наклонении и наречия *always*) и синтаксической структурой (восклицательные предложения); с другой – его интонационным оформлением: наличием высокого предакта на междометии *“Oh*, контрастивным выделением слова *always* в смежных интоногруппах (низким нисходящим тоном в первой, выражающей настоятельную

просьбу, и низким восходящим тоном – во второй, передающей мольбу говорящего всегда любить его).

Вместе с тем, данные инструментального анализа засвидетельствовали актуализацию этого высказывания в пределах низкого уровня ЭПП, что вполне естественно, поскольку его общее звучание реализуется в суженном тональном диапазоне, с приглушенным хриплым тембром голоса говорящего, умеренным темпом, пониженной громкостью, что, согласно Дж. О'Коннором [311, с. 268–269], передает обычно выражение искреннего чувства (в нашем случае – чувства любви). Добавим, что автор этой работы акцентирует внимание на значительной роли тембра голоса и других невербальных средств в передаче сущности высказанной информации.

Трудности возникали также и в определении уровня ЭПП высказываний, выражающих отрицательные эмоции, в реализации которых зарегистрировано ровный тон, передающий взвешенность говорящего в высказывании своей некатегоричной мысли, например:

- *What on earth do you do there?*

- *When one is in town one amuses oneself. When one is in the country one amuses other people. It is excessively boring.*

- *And who are the people you amuse?*

- *Oh, neighbours, → neighbours.* [339] (K = 35,14).

Аудиторы-информанты однозначно квалифицировали это высказывание как актуализированное с низким уровнем ЭПП. Такому определению ЭПП высказывания способствовала, на наш взгляд, его принадлежность к высказываниям-рассуждениям, размышлениям, характеризующимся, обычно, повторяемостью определенного слова, которому предшествует междометие с не свойственной ему эмоционально-окрашенной лексикой. Кроме того, средние показатели параметров интонации, сниженный уровень громкости и замедленный темп, а также средний тональный уровень начала высказывания и средне-сниженный уровень завершения ровного тона, сопровождающий рассуждения говорящего, служили теми показателями, которые и способствовали его отнесению информантами к низкому уровню ЭПП. Описанное интонационного оформления

высказывания вполне согласуется с известным тезисом о том, что высказывания-рассуждения, размышления говорящего актуализуются, как правило, в зонах замедленного, иногда умеренного темпа.

Что же касается результатов акустического анализа, то обработка его данных показала, что приведенное высказывание реализовано в низкой зоне среднего уровня ЭПП ($K = 35,14$). По нашему мнению, расхождению данных аудитивного и акустического анализов способствовала протяжная актуализация слогов *oh* (520 ms), *-bours* (401 ms), *-bours* (307 ms), квалифицированная аудиторами-профессионалами как свидетельство эмоциональной окраски высказывания.

Неоднозначность оценок информантами уровня ЭПП наблюдалась и в высказываниях-констативах, передающих информацию негативно-го характера и относящихся, согласно данным акустического анализа, к высокой зоне низкого уровня ЭПП:

I have to → say ξ *there are* ξ *a lot of un\answered questions*. [334] ($K=30,0$).

Как и в предыдущем примере, в рассматриваемом высказывании зарегистрированы средне-сниженный ровный тон в первой синтагме, несколько удлиненная реализация гласной /a:/ в глаголе *are*, низкий уровень завершения затакта *-tions*. Вместе с тем, определению информантами уровня ЭПП данного высказывания как среднего способствовали внутрисинтагменная пауза перед ξ *a lot*, служащая средством усиления семантического веса этого слова, и функционирование двух кинетических тонов во второй интоногруппе (последний из которых ядерный), актуализированных разновидностями нисходящего тона: низкого на слове *lot* и средне-повышенного на слове *un\answered* (семантический вес которого интенсифицирован ядерным тоном) при среднем тональном диапазоне всего высказывания, умеренной громкости и замедленном темпе произнесения. Таким образом, волнообразный характер движения тона во второй интонационной группе и нарастание семантического веса на каждом последующем знаменательном слове (*lot* и *un\answered*) были определяющими при квалификации информантами уровня ЭПП данного высказывания как среднего.

Подобное затруднение в определении уровня ЭПП зафиксировано и в приведенном ниже примере высказывания, реализованного по данным акустического анализа в низкой зоне среднего уровня ЭПП, но квалифицированного на перцептивном уровне как имеющее низкий уровень ЭПП.

SIR ROBERT CHILTERN. *Mrs. Cheveley? I seem to know the name.*

LADY MARKBY. *She has just arrived from Vienna.*

SIR ROBERT CHILTERN. *Ah! Yes. §-I think I know whom you mean.*
[341, с. 6; 340] (K = 36,16).

Квалификация высказывания *-I think I know whom you mean* как актуализированного с низким уровнем ЭПП обусловлена, прежде всего, нейтральностью его лексического наполнения, а также игнорирования аудиторами роли предыдущих коротких высказываний: *Ah!* и *Yes*, которые произносятся как одна интонационная группа, оформленная высоким передтактом *Ah!* и низким нисходящим тоном на слове *Yes*, а также перцептивной паузой на стыке двух высказываний (*Yes* и *I think I know whom you mean*), что свидетельствует об их тесной семантической связности. Кроме того, расширенный тональный интервал на стыке такта (*I think I*) и ядерного тона (*know*) свидетельствует об эмоциональном возбуждении говорящего, не воспринятом, вероятно, информантами-носителями английского языка. Однако данные акустического анализа и инструментально определенный К-критерий (36,16) позволили идентифицировать средний уровень ЭПП анализируемого высказывания.

Не менее интересная ситуация наблюдается и в оценке высказывания *Good[^]evening, Lady Chiltern!*, отнесенного аудиторами-информантами к группе высказываний с низким уровнем ЭПП, в то время как расчеты по К-критерию засвидетельствовали его реализацию на среднем уровне ЭПП (K = 62,02). Квалификации этого высказывания как актуализированного со средним уровнем ЭПП способствовали констатация и высокий восходяще-нисходящий тон в его завершении (*Good[^]evening, Lady Chiltern!*), усиливающие в приведенном примере негативное насмешливое отношение говорящего к ситуации и собеседника:

LADY CHILTERN. *A secret? Between whom?*

MRS. CHEVELEY. *Between your husband and myself.*

SIR ROBERT CHILTERN. *Your carriage is here, Mm Cheveley!*

MRS. CHEVELEY. *Thanks! **Good ^evening, Lady Chiltern!*** [341, с. 21-22; 340].

Трудности, возникающие при определении уровня ЭПП высказываний-констативов объясняются рядом особенностей их интонационного оформления, а именно: низкий тональный уровень начала высказывания, большее выделение семантически значимых слов, незначительное повышение громкости на фоне общей умеренной громкости высказывания; наличие внутрисинтагменных пауз и кинетических тонов, предшествующих ядерному; параллелизм интонационного оформления смежных интонационных групп, а также тем, что информанты не учитывали коммуникативный тип сообщения.

Неоднозначность в отнесении негативных высказываний к низкому уровню ЭПП объясняется тем, что при общей реализации параметров интонационного оформления таких высказываний в пределах нейтральной речи, им присущи также выделение отдельных слов с помощью пролонгации звука, кинетическое движение тона на неядерном слоге, средне-пониженный ровный тон в завершении интоногруппы, незначительное повышение громкости, повторение интонационной модели в смежных интоногруппах и т.п.

Следует также отметить, что информанты сталкивались с трудностями и при определении высокого уровня ЭПП высказываний, выражающие положительные или отрицательные эмоции. Так, выражение *How \awful!* в следующем ниже контексте однозначно квалифицировалось как отрицательное (благодаря лексеме *awful* и восклицательной форме предложения) и было отнесено информантами к высокому уровню ЭПП:

- *Henry Harris – Hannah's husband. He was in a car accident.*

- *Oh, no! What happened?*

- *He had an accident on his way home from work.*

- ***How \awful!*** [247, с. 153] (K = 56,4).

Согласно инструментальному определению значения К-критерия рассматриваемое высказывание относится к среднему уровню актуализации его ЭПП. Это обусловлено, прежде всего, сдержанным отношением говорящего к собеседнику и услышанному, а также неискренностью в выражении им чувств. Эффект восприятия этого высказывания как имеющего средний уровень ЭПП достигается за счет взаимодействия всех компонентов интонации, рассматриваемых в качестве просодических маркеров выражения неискреннего отношения говорящего к высказанному. Так, например, интонограмма *How \awful!* характеризуется взаимодействием таких просодических средств: конфигурация нисходящего тона – восходящий на ядерном слогиносителе *aw-* и низкий ровный на затакте *-ful*; скорость изменения направления его движения – малая; тональный уровень – высокий на *aw-*, произнесенный в расширенном диапазоне, и низкий на *How* и *-ful*, реализованные в узком тональном диапазоне; тональный интервал – расширенный между *How* и *aw-*, *aw-* и *-ful*; громкость – низкая на слове *How*, повышена на *aw-* и экстранизкая на *-ful*; темп – умеренный на *How* и замедленный на *awful*; тембр голоса – фальцет на *aw-*, приглушенный на *How* и *-ful*.

Подобным образом квалифицированное и следующее высказывание, выражающее положительные эмоции и актуализирующееся, по мнению информантов, на высоком уровне ЭПП:

^Good \evening, dear Gertrude! So kind of you to let me bring my friend, Mrs. Cheveley. Two such charming women should know each other! [341, с. 4; 340] (К = 81,41).

Отнесение этого высказывания к высокому уровню ЭПП объяснялось информантами тем, что оно передает радость говорящего при встрече с собеседником, выражающуюся в интонационной модели высоким тональным уровнем произнесения предтакта (*^Good*) и ядерного слогиносителя (*^eve-*) и низким восходящим тоном на обращении (*Gertrude*), реализованным с увеличенной скоростью изменения направления его движения, наличием расширенного тонального интервала между ядерным слогиносителем (*Gert*) и затактом (*-rude*), а,

следовательно, расширенным тональным диапазоном и повышенной громкостью.

Вместе с тем, несмотря на определение информантами неискренности и ложности в выражении говорящим радости в анализируемой ситуации, показатель К-критерия ($K = 81,41$) свидетельствует, что исследуемое высказывание реализуется в высокой зоне среднего уровня ЭПП.

Некоторые неточности в определении информант уровня ЭПП наблюдались также в высказывании (*I was sure of it, Robert, I was sure of it*), реализованном, по их мнению, со средним уровнем ЭПП. Однако данные инструментального анализа показали его актуализацию в низкой зоне высокого уровня ЭПП ($K = 127,4$).

SIR ROBERT CHILTERN. *Gertrude, there is nothing in my past life that you might not know.*

LADY CHILTERN. *-I was \sure of it, Robert, -I was \sure of it.* [341, с. 26; 340].

Расхождения в оценках аудиторов и экспериментально определяемых значениях К-критерия можно объяснить тем фактом, что сознание информантов связывает уровень громкости с уровнем выражение ЭПП, которые, как известно, не всегда коррелируют. Кроме того, во время перцептивного определения уровня ЭПП высказывания необходимо обращать внимание на продолжительность звучания некоторых слов. Так, продолжительность слова *sure* в первой интоногруппе вышеприведенного высказывания равна 713 ms, в то время, как во второй интоногруппе его продолжительность значительно ниже и составляет 464 ms, то есть соотношение между продолжительностью звучания этого слова в смежных интоногруппах составляет 1,5:1,0, что свидетельствует о повышенном уровне эмоциональной окраски высказывания при общей умеренной громкости его произнесения. Целесообразно обращать внимание также и на тональный уровень реализации нисходящего тона на слове *sure* (низкий в первой интоногруппе и высокий – во второй), низкий тональный уровень предакта в первой интоногруппе и высокий – во второй. Такой просодический контраст способствует выражению

и семантическому контрасту, в рассматриваемом случае – выражению истинных положительных чувств говорящего.

Подобные эффекты зафиксированы также при анализе примера, в котором говорящий передает искренние негативные эмоции. Определяя уровень ЭПП высказывания *\Sick of London Society*, аудиторы не восприняли несколько повышенную продолжительность звука /s/ в инициальной позиции в слове *sick*, составляющей 204 ms, в то время, как его продолжительность в такой же позиции в эмоционально-нейтральных словах приведенного примера (например, *society*, *side*, *sent* и др.) колеблется в пределах 93–99 ms (отношение составляет около 2:1), что и повлияло на погрешность в оценке информантами уровня ЭПП высказывания:

Never go anywhere now. \Sick of London Society. Shouldn't mind being introduced to my own tailor; he always votes on the right side. But object strongly to being sent down to dinner with my wife's milliner. Never could stand Lady Caversham's bonnets. [341, с. 4; 340] (K = 116,2).

Отметим здесь, что сопоставление результатов определения ЭПП в высказываниях, выражающих различные чувства, подтвердил выводы нашей предыдущей работы [90, с. 283, 365] о том, что их просодическая организация не зависит от выражения искренности / неискренности полярных эмоций.

В процессе анализа результатов экспериментального исследования 300 высказываний, было зафиксировано отклонение оценок уровней актуализации ЭПП аудиторами от уровней, определяемых аппаратурно по расчетным значениям К-критерия как в сторону повышения, так и в сторону их понижения. С методологической точки зрения это явление было вполне прогнозируемо, поскольку, как известно, природа человеческой психосферы не признает наличия четких однозначных границ. Однако общеизвестно, что в науке количественные шкалы любых сенсорных показателей (достаточно вспомнить здесь шкалы уровней звукового давления, освещения пространства, вибраций и т.д.), представленные в их количественной интерпретации, имеют, как правило, четко фиксированные числовые значения конвенционально

устанавливаемых границ. Поэтому определение четких конвенциональных границ значений К-критерия, для дифференцирования низкого, среднего и высокого уровней ЭПП актуализации высказываний в нашем случае также следует считать традиционно оправданным, а, следовательно, – целесообразным.

Именно с учетом этого обстоятельства можно считать методологически обоснованной и экспериментально подтвержденной целесообразность применения в фонетических исследованиях следующих четких границ показателей безразмерного количественного К-критерия уровня актуализации ЭПП звучащего высказывания: низкий ($K < 30$), средний ($K = 30-105$) и высокий ($K > 105$).

При этом основными причинами, осложняющими корректность перцептивной оценки уровня ЭПП английских высказываний, следует считать незнание информантами особенностей фонетического анализа устной речи и недостаточно профессиональный анализ ими комплексного (усиливающего или компенсирующего) взаимовлияния таких факторов как: тип сообщения, языковой контекст, внеязыковые факторы (ситуация общения, отношение говорящего к собеседнику и к коммуникативной ситуации и т.д.), индивидуальная и речевая культуры говорящего, особенности его артикуляции (например, заикание при сильном нервном возбуждении, специфический тембр голоса и т.д.), психологический тип говорящего, тип языковой личности и т.д., что приводит к ошибкам в установлении уровня ЭПП английских высказываний.

Все это лишний раз свидетельствует, что внедрение в практику соответствующих компьютерных программ для автоматизированных расчетов значений количественного критерия уровня актуализации говорящим эмоционально-прагматического потенциала высказывания, способствуя повышению степени объективности, а также снижению затрат времени и труда на проведение экспериментально-фонетических исследований, позволит осуществлять дальнейшее эффективное продвижение научных поисков фонетистов в области психоэнергетики речи.

3.2. Синергетический анализ порождения и актуализации фоноконцепта

В рамках разработки проблем синергетического описания процесса порождения фоноконцептов в английской речи показано [99, с. 3–6], что, независимо от того, какие фонетические элементы перцептивной базы речи или их конкретные совокупности рассматриваются, каждый из них является, по сути, фоноконцептом определенного иерархического уровня.

Напомним, что под *фоноконцептом* было предложено понимать (см. раздел 1.3) специфическое, сформированное вследствие конкретного коммуникативного опыта, ментальное образование, содержащее смысловой минимум знания, способный в форме звукового перцептивного образа сохраняться в звуковой памяти индивида и воспроизводиться им в устной речи с помощью определенных фонетических структур.

Подчеркнем при этом, что специфика фоноконцепта как уникального ментального образования заключается в его системной сущности, поскольку фоноконцепт высказывания как завершенная мысль представляет собой сложную систему, в состав которой входят строго иерархически соподчиненные разноуровневые по смыслу фоноконцепты синтагм как элементов, образующих озвученное высказывание.

Приступая непосредственно к выполнению синергетического анализа, мы обратились к модели рис. 1.3, трансформировав которую в соответствии с задачей анализа и получили универсальную матрицу для построения синергетических моделей порождения фоноконцептов, изображенную на рис. 3.1.

Матрица является сложной многоуровневой условно топологической системой сфер духовного бытия говорящего, включающей экзистенциальную, ментальную и трансцендентную подсистемы, функционирование которых управляется сознанием, обозначенным на модели точкой С. Оболочка системы создана тремя составляющими: культурами макро- и микросоциумов и прагматическими намерениями коммуниканта. Внутри обозначенной таким образом системы, моделирующей

сферы духовного бытия индивида, и происходит саморазвитие всех без исключения синергетических по своей природе процессов и актов порождения его речемышления. Благодаря этому, синергетическая картина зарождения в мышлении говорящего, саморазвития и актуализации фоноконцепта как средства, завершающего оформление высказывания, может быть отражена на модели в виде определенной структуры-аттрактора. В этих условиях при научном описании синергизма такой структуры появляется возможность учета совместного комплексного воздействия движущих сил источников энергии и других факторов на специфику порождения и актуализации устной речи индивида.

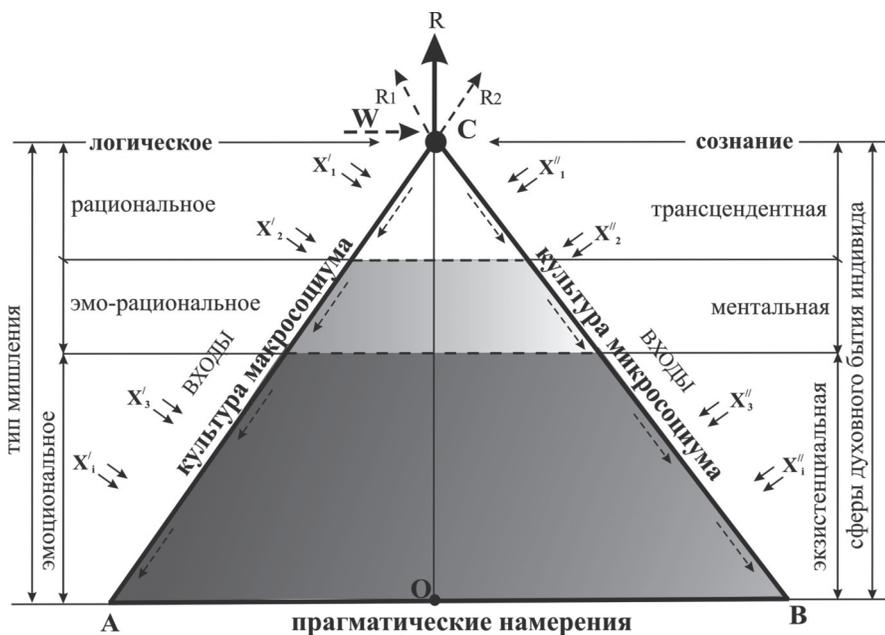

Рис. 3.1. Универсальная матрица для построения синергетических моделей порождения фоноконцептов

В процессе построения матрицы мы исходили из положения [120, с. 208–213], что, независимо от зоны или уровня порождения, структу-

ры всех без исключения иерархических элементов сложных фоноконцептов в каждом отдельно взятом их тезаурусном блоке (экзистенциальном, ментальном, трансцендентном) имеют сходный характер. При этом актуализация фоноконцептов осуществляется в специфически возбуждаемом памятью эмоционально-энергетическом режиме функционирования психической сферы коммуниканта. В таком режиме мозг говорящего производит ассоциативный поиск звукового (фонетического) аналога, соответствующий определенному фонопрототипу как социально-приобретенному эталону звучания или генетически обусловленному ассоциативно-подражательному навыку.

Поэтому в рамках синергетики всю концептосферу индивида можно считать совокупностью архетипических фоноконцептов-прототипов, в притяжение содержательных конусов которых попадает определенное количество ассоциативно связанных с ними фоноконцептов-аналогов. То есть фоноконцептосфера является, по своей сути, тезаурусом фоноконцептов или, как было отмечено выше, перцептивной базой языка.

Для упрощенного восприятия гипотетического описания синергетического механизма саморазвития фоноконцепта в мышлении индивида (см. рис. 3.1) нами была применена двухмерная (плоскостная) интерпретация конфигурации многомерного (пространственного) по своей природе структуры-аттрактора. Кроме того, в описании использовалась принятая в синергетике идея последовательного поэтапного саморазвития процесса порождения и актуализации фоноконцепта, поскольку в реальности, как известно, основанные на диалектической логике процессы мышления индивида во время его речи протекают под контролем сознания [120, с. 206], а экзистенциальные, ментальные и трансцендентные акты мышления происходят в сферах бессознательного или предсознательного и реализуются по полилектическим законам [там же, с. 147–167] саморазвивающегося хаоса.

В процессе разработки методики синергетического анализа было установлено, что укрупненная методологическая последовательность предпринимаемого описания, основанного на модели гипотетико-концептуального механизма протекания процессов порождения и

актуализации фоноконцепта в мышлении говорящего и его декодирования собеседником, должна состоять из таких процедур. Во-первых, на основе информации аудиторов, базирующейся на контексте и коммуникативной ситуации, фонетист-исследователь должен строить в рамках универсальной матрицы полную структуру-аттрактор саморазвития психо-энергетических процессов отбора говорящим фоноконцепта-аналога, который и актуализируется им в речи. Для этого исследователь может задавать дополнительные вопросы аудиторам по оценке общего психо-энергетического состояния говорящего, его эмоций, степеней влияния на его мышление культур микро- и макросоциума, его реакций и возможностей менять ситуацию и т.п.

При этом для правильного описания траектории каждого частного аттрактора, из которых и состоит структура-аттрактор, исследователю необходимо из предоставленной аудиторами информации выявить, прежде всего, степень влияния культур микро или макросоциума, доминирующих в каждой конкретной (экзистенциальной, ментальной, трансцендентной) сфере духовного бытия говорящего. Иначе говоря, ему необходимо осуществить научную процедуру синтеза психо-энергетических картин саморазвития частных аттракторов мышления индивида в каждой из указанных сфер (подсистем) в общую картину (систему), на которой и изображается соответствующая структура-аттрактор.

Во-вторых, исходя из актуализированного говорящим фоноконцепта и данных аудиторов-информантов, исследователь должен, придерживаясь логики построения схемы рис. 3.1, описать соответствующий механизм его декодирования реципиентом и на основании этого построить на универсальной матрице структуру-аттрактор саморазвития процесса выбора собеседником фоноконцепта-аналога, который он и реализует в коммуникации. Синергетические модели как результат описания следует сопровождать соответствующими интонограммами.

Опираясь на изложенную вкратце методику, рассмотрим примеры синергетического описания саморазвития реальных актуализаций фоноконцепта чувства *love*, употребляемого в звучащих фрагментах английской диалогической речи.

LADY CHILTERN: You must never see her again, Robert. She is not a woman you should ever speak to. She is not worthy to talk to a man like you. No; you must write to her at once, now, this moment, and let your letter show her that your decision is quite irrevocable!

SIR ROBERT CHILTERN: Write this moment!

LADY CHILTERN: Yes.

SIR ROBERT CHILTERN: But it is so late. It is close on twelve.

LADY CHILTERN: That makes no matter. She must know at once that she has been mistaken in you [Sir Robert Chiltern sits down and writes a letter. His wife takes it up and reads it.] Yes; that will do. And now the envelope. [He writes the envelope slowly. Enter Mason.] Have this letter sent at once to Claridge's Hotel. There is no answer. [Exit Mason. Lady Chiltern kneels down beside her husband, and puts her arms around him.] Robert, love gives one an instinct to things. I feel to-night that I have saved you from something that might have been a danger to you, from something that might have made men honour you less than they do. I don't think you realise sufficiently, Robert, that you have brought into the political life of our time a nobler atmosphere, a finer attitude towards life, a freer air of purer aims and higher ideals – I know it, and for that I love you, Robert.

SIR ROBERT CHILTERN: -Oh, ¹love me ²always, ³Gertrude, | ⁴love me ⁵always!

LADY CHILTERN: I will ¹love you ²always, | ³-be ⁴cause you will ⁵always ⁶be ⁷worthy of ⁸love. Good bye, my dear [kisses him and rises and goes out] [340; 341, с. 26].

В приведенном примере (см. рис. 3.2) вербальная информация (W), продуцируемая женой (леди Чилтон), поступает в сознание ее мужа (сэра Роберта Чилтона) и, будучи обработанной им, трансформируется в определенные сигналы-запросы, направленные одновременно во все сферы его духовного бытия (см. стрелки, идущие параллельно сторонам треугольника на рис. 3.1). При этом вместе с вербальной информацией (W) в сознание, предсознание (ментальная и трансцендентная сферы) и сферу бессознательного (экзистенция) духовного бытия сэра Роберта поступают сигналы иной физической природы, обозначенные

на модели (рис. 3.1) входами (X) системы. В рассматриваемом случае содержание и направленность коммуникации приводит к неизбежно закономерной трансляции в его сознание сигналов, поступающих из памяти, хранящей информацию об культурах микро- и макросоциумов. Так, сигналы, продуцируемые из области культуры макросоциума, могут напоминать ему о его социальном статусе (X'_1), формальных требованиях относительно его поведения в определенных условиях (X'_2), присутствии / отсутствии третьих лиц в коммуникации (X'_3) и т.п. В свою очередь, через часть оболочки системы, символизирующую на модели культуру микросоциума, могут поступать обработанные сознанием индивида сигналы-запросы о его самоидентификации в условиях коммуникации (X''_1), его духовных ориентирах (X''_2), уровне усвоения им этических норм супружеского поведения (X''_3), степени ценностей эмоциональной связи с женой (X''_4) и т.п.

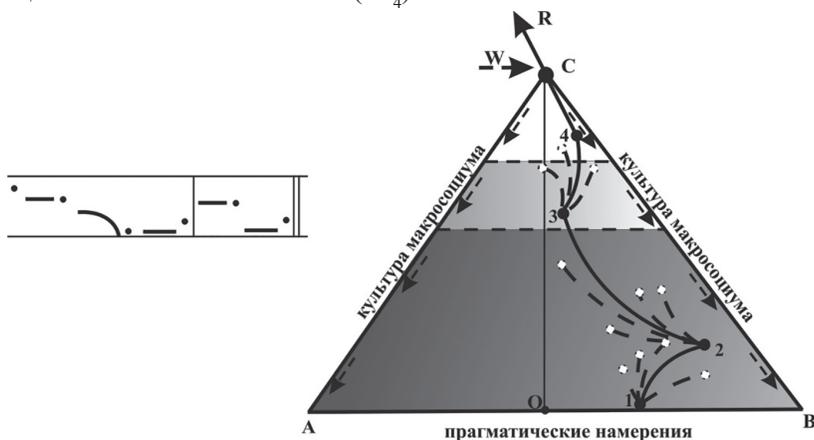

Рис. 3.2. Интонограмма и синергетическая модель порождения фоноконцепта чувства *love* в высказывании *Oh, love me always, Gertrude, love me always!*

Вследствие этого, возбуждающее воздействие указанных сигналов, в зависимости от степени их важности, трансформируется в параметры состояния духовной сферы индивида (рассматриваемой нами

системы) и ее отдельно взятых, указанных выше, сфер (подсистем). А усвоенные сэром Робертом культуры макро- и микросоциума начинают играть роль параметров порядка, которые в соответствии с принципами синергетики и определяют особенности саморазвития процесса порождения его речемышления.

Проведенный на этой основе содержательный анализ диалога позволяет утверждать, что вербальная информация, воспринимаемые сигналы и ситуация коммуникации привели к возбуждению психической энергии бессознательного начала сэра Роберта, то есть экзистенциальной сферы его духовного бытия. Поскольку возникшая перед ним проблема касается, прежде всего, культуры микросоциума (супружеские и семейные отношения), зарождение первого частного аттрактора (1-2), без всякого сомнения, должно происходить в сфере бессознательного. Поэтому точка прагматического намерения (1) и расположена нами в правой части матрицы (треугольник ОСВ), в рамках которой и сосредоточены приобретенные его подсознательным коммуникативным опытом фоноконцепты культуры микросоциума. Вполне естественно и то, что частный аттрактор (1-2) находит свое завершение в точке (2), приближенной к части оболочки, обозначенной нами как культура микросоциума. Это свидетельствует о том, что в сфере подсознания сэра Роберта, вследствие особой значимости супружеских отношений, возбуждается энергия фоноконцепта, обеспечивающая дальнейшее энергетическое превалирование закрепленных в его сознании норм морали. При этом следует отметить, что выпуклость частного аттрактора (1-2), направленная в сторону культуры макросоциума, свидетельствует о бессознательном учете говорящим ее требований и ограничений. Однако за счет доминирования энергии усвоенных им принципов морали и искренней супружеской любви, аттрактор (1-2) отклоняется в сторону культуры микросоциума и достигает точки (2), в которой происходит первая бифуркация процесса саморазвития структуры-аттрактора. В то же время, ментально присущие сэру Роберту сомнения в оценке описываемых в примере событий обуславливают расположение конечной точки (3) последующего аттрактора (2-3) в зоне максимального приближения к

границе совпадения культур (ось ОС). После прекращения сомнений (точка второй бифуркации – 3) в глубинах ментальной сферы культуры его микросоциума (семья) наблюдается существенное доминирование психо-эмоциональной энергии, порождаемой стремлением сохранить любовь и семью. Именно под влиянием потенциала этой энергии, источником которого, как отмечалось, является экзистенциальная сфера его бессознательного, частный аттрактор (3-4) завершается в трансцендентной сфере точкой 4, характеризующееся акцентным тяготением к культуре микросоциума. В результате последней бифуркации (точка 4) механизм рационального мышления сэра Роберта порождает четкий аттрактор 4-С, который и определяет конечный выбор звуковой оболочки материализации выраженного им во время коммуникации фоноконцепта чувства любви (R). Фоноконцепт, избранный сознанием говорящего (сэра Роберта) под влиянием взаимодействия описываемых факторов, интерпретирован нами (см. рис. 3.2) соответствующей интонограммой.

Рассмотрим теперь структуру-аттрактор (рис. 3.3) саморазвития процесса порождения фоноконцепта чувства *love* в высказывании *I will love you always, because you will always be worthy of love*, актуализированного в приведенном диалоге леди Чилтон, женой сэра Роберта.

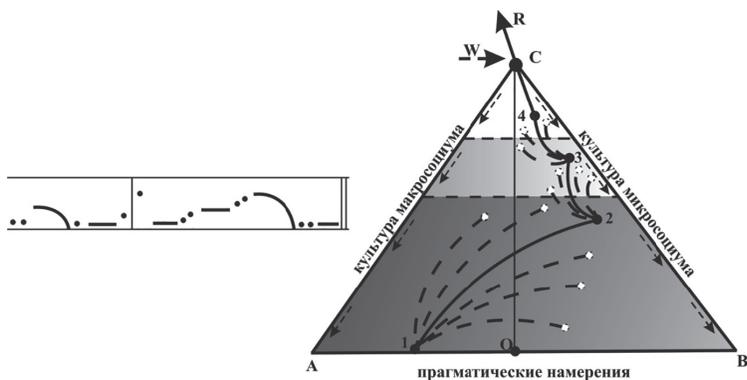

Рис. 3.3. Интонограмма и синергетическая модель порождения фоноконцепта чувства *love* в высказывании *I will love you always, because you will always be worthy of love*

Синергетическая модель приведенного выше саморазвития свидетельствует, что в отличие от предыдущей (модель рис. 3.2) в бессознательном леди Чилтон (сфера ее экзистенциального бытия) наивысшую значимость приобретает социальный статус ее мужа и безупречное выполнение им общественно-политических обязанностей. Именно поэтому прагматические намерения ее ответа и зарождаются в точке (1) на отрезке (АО) в рамках культуры макросоциума.

При этом первый частный аттрактор (1-2) имеет характерную выпуклость, тяготеющую к культуре макросоциума, но завершающуюся в точке (2), расположенной в окрестности границы культуры микросоциума (прямая СВ). Такая траектория развития первого аттрактора объясняется тем, что в бессознательном культуры ее микросоциума, которая, как известно, противоречиво взаимодействует с нормами и идеалами культуры макросоциума, главное место занимает забота о сохранении семьи и любовь к мужу. В результате обработки вербальной информации (W), продуцированной сэрмом Робертом, в ментальной сфере предсознательного леди Чилтон доминирование энергетики рационального начала ее эмо-рационального мышления приводит к еще большему отклонению конечной точки (3) второго аттрактора к идеальной границе (СВ) культуры микросоциума. Однако то же рациональное начало заставляя второй аттрактор развиваться по траектории, выпуклость которой тяготеет к культуре макросоциума. То есть фоноконцепт-аналог, интерпретированный точкой (3), выбирается из памяти леди Чилтон в результате противоречивого взаимодействия присущих ее духовному бытию предсознательных представлений о культурах макро- и микросоциумов. Неудивительно поэтому, что и траектория саморазвития третьего аттрактора (3-4) свидетельствует о постоянном противоречивом беспокойстве леди Чилтон о социальном статусе мужа и благополучии семьи. Выпуклость самой траектории и отклонение конечной точки (4) частного аттрактора в сторону культуры макросоциума показывают, что рациональное мышление (трансцендентная сфера духовного бытия) побуждает сознание леди Чилтон выбирать фоноконцепт, который при доминировании психофизиологической энергетики

культуры макросоциума с необходимой (для рассматриваемой ситуации общения) степенью отражает и соответствующие ценности культуры микросоциума. Этот фоноконцепт продолжает свое движение в сферу сознания (точка C) кратчайшим путем (аттрактор 4- C) и, будучи обработанным его логическим началом, материализуется в диалоге по вектору (R), тяготеющему к в соответствии с приведенной на рис. 3.3 интонограммой культуре микросоциума.

Отметим также, что проведенный нами поисковый перцептивно-синергетический анализ экспериментального массива высказываний-благодарностей показал, что в исследуемых реализации превалируют структуры-аттракторы саморазвития их фоноконцептов по двум типовым схемам, состоящим из трех-четырёх частных аттракторов.

Типичный вариант синергетического описания процесса порождения и актуализации фоноконцепта оформления высказываний благодарности по первой схеме (рис. 3.4) рассмотрим на следующем примере.

- *You are very beautiful. You've become a young woman in a blink of an eye.*

- *Thank you, papa. I love you* [338, с. 27].

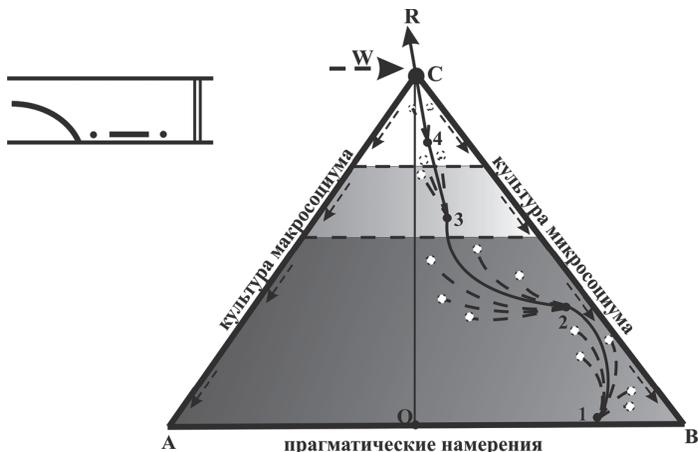

Рис. 3.4. Интонограмма и синергетическая модель порождения фоноконцепта высказывания *Thank you, papa*

Схема свидетельствует, что высказывание отца W «*Какая ты красивая! В одно мгновение ты стала молодой женщиной!*», приведенное в контексте рассматриваемого примера, воспринятое сознанием (С) выходящей замуж дочери, вызвавшее в ней отклик глубокой благодарности, привело к возбуждению в ее психике позитивных эмоций. Поэтому на плоскости прагматических намерений экзистенциальной сферы духовного бытия дочери в точке 1 зародилось и сформировалось желание выразить в ответ искреннюю благодарность и глубокую признательность.

В результате возникшего в данной точке эмоционального хаоса, зарождается частный аттрактор (1-2), конечной точкой которого оказывается фоноконцепт-прототип высказывания благодарности, хранимый памятью в точке (2) тезауруса эмоциональной концептосферы личности дочери. Этот фоноконцепт-прототип, будучи топологически максимально приближенным к части оболочки, изображающей культуру микросоциума, свидетельствует о том, что его структура сформирована и закреплена в эмоциональной памяти дочери в результате ее глубокой и искренней любви к отцу. При этом во второй точке эмоционального хаоса под влиянием сознания, играющего роль энергетически мощного параметра состояния, саморазвитие системы формирования фоноконцепта благодарности отклоняется в сторону фоноконцепта-аналога, характеризующегося наличием элементов, привносимых культурой макросоциума, в условиях которого (официальная церемония бракосочетания) происходит рассматриваемая межличностная коммуникация.

В следующей точке бифуркации (3) хаос эмо-рационального мышления под воздействием энергетически превалирующего рационального мышления порождает частный практически линейный аттрактор (3-4), завершающийся на скорректированном фоноконцепте-аналоге (точка 4). Результатом саморазвития хаоса в указанной точке становится линейный аттрактор (4-С), отражающий приемлемый для дочери компромисс между культурными нормами микро- и макросоциумов. Этот обработанный сознанием вариант фоноконцепта благодарности и материализуется во время произнесения дочерью ответа («*Спасибо, папа. Я люблю тебя*») по вектору (R), тяготеющему к норме

официальной церемонии, но придающему, все же, реализации фоноконцепта легкий оттенок культуры микросоциума.

Конкретная графическая просодическая модель рассматриваемого фоноконцепта благодарности отражена на интонограмме, приведенной слева от модели. Указанная интонограмма, зафиксировавшая плавно нисходящий низкий терминальный тон с малой скоростью его реализации на слове *Thank* и второстепенное ударение на слове *para*, дает основания прийти к заключению о глубокой бессознательной эмоциональной привязанности дочери к поздравившему ее отцу.

Вторую типичную схему (рис. 3.5) синергетического описания процесса порождения и актуализации фоноконцепта благодарности проанализируем на таком примере.

- *Let me introduce you. My dear, Sir Robert Chiltern is dying to know you!*

- *Every one is dying to know the brilliant Mrs. Cheveley. Our attaches at Vienna write to us about nothing else.*

- *Oh, Thank you, Sir Robert. An acquaintance that begins with a compliment is sure to develop into a real friendship* [341, с. 6].

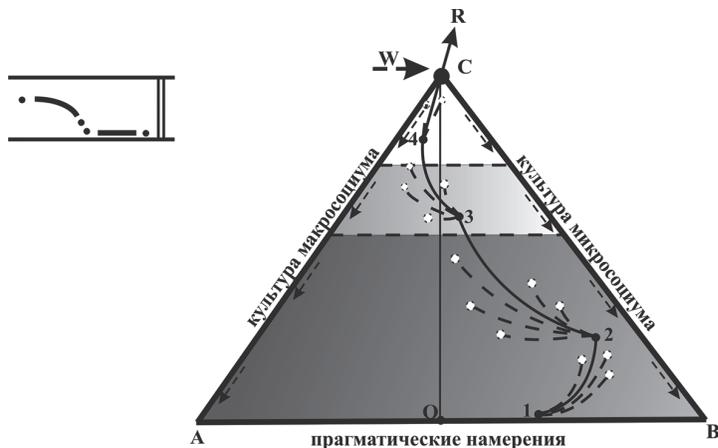

Рис. 3.5. Интонограмма и синергетическая модель порождения фоноконцепта высказывания *Oh, thank you, Sir Robert*

Контекст данного примера свидетельствует о повышенном интересе мужчин к Миссис Чивли как представительнице их социального круга. Естественной эмоциональной реакцией на высказанные ей комплименты является бессознательный выбор экзистенцией дамы фоноконцепта-прототипа (точка 2), сформировавшегося в рамках культуры микросоциума.

Однако в силу осознания своего социального статуса и ситуации общения ее эмо-рациональное мышление подбирает фоноконцепт-аналог, содержащий обязательные элементы коммуникации, функционирующие в макросоциуме. Энергетическое превалирование рационального мышления приводит к замене указанного фоноконцепта следующим, более взвешенным, фоноконцептом-аналогом (точка 4). Доведя этот фоноконцепт-аналог до культурной нормы макросоциума, сознание Миссис Чивли трансформирует его в ответное высказывание (*Ах, спасибо, сэр Роберт*), в котором, тем не менее, просматривается (*Ах*) влияние культуры микросоциума. Это влияние энергетически столь сильно, что вектор актуализации фоноконцепта, попадающий в зону альтернатив $R-R_2$ (см. рис. 3.1), свидетельствует о превалировании в речевой реакции дамы бессознательного компонента культуры микросоциума.

Изображенная слева от схемы интонограмма данного высказывания, показывает высокий тональный уровень его начала (предтакт - *Oh*), актуализацию высокого нисходящего терминального тона узкого регистра на слове *Thank* с завершением нисходящего движения тона на безударном слове *you* и частично ударном *Sir* (нисходящий затакт), а также наличие второстепенного ударения на слове *Robert*, что подтверждает логику саморазвития структуры-аттрактора формирования анализируемого фоноконцепта.

Сопоставляя рассмотренные примеры, нетрудно убедиться, что зоны зарождения высказывания благодарности в обоих случаях тяготеют к культуре микросоциума. При этом во втором случае (рис. 3.5) даже при наличии большей официальности в условиях общения вектор актуализации фоноконцепта несет на себе акцентный отпечаток

культуры микросоциума. В то же время, в первом случае соответствующий вектор отклоняется в сторону альтернатив культуры макросоциума. Напомним здесь, что веер альтернатив (см. рис. 3.1) актуализации фоноконцептов культуры микросоциума ограничивается векторами R_1 - R , а соответствующий веер культуры макросоциума – векторами R - R_2 . Кроме того, важно понимать, что вектор R_1 (рис. 3.1) отражает типичный традиционный фоноконцепт культуры микросоциума. В свою очередь, вектор R_2 свидетельствует об актуализации фоноконцепта высказывания, реализованного в строгом соответствии с культурной нормой макросоциума. И, наконец, вектор R показывает возможность выбора индивидом редко воспроизводимого культурно-нейтрального фоноконцепта.

Следует также обратить внимание на то, что фоноконцепт-прототип может, в зависимости от условий коммуникации, находиться в любой из трех сфер духовного бытия индивида. В рассмотренных выше случаях он локализовался в экзистенциальной сфере. Однако в обрядовом этническом общении фоноконцепт-прототип располагается, как правило, в ментальной сфере. Кроме того, в большинстве ситуаций клишированной коммуникации, протекающей на уровне низкого эмоционально-прагматического потенциала, фоноконцепт-прототип зарождается в трансцендентной сфере.

Изложенный нами и апробированный экспериментально методологический подход к синергетическому описанию процесса порождения фоноконцептов в английской речи позволяет осуществить графическое моделирование важных закономерностей взаимодействия духовных сфер говорящего и реципиента при исследовании такого сложного многофакторного явления, как функционирование интонации в речи. Это, в свою очередь, открывает новые возможности воспроизведения целостной научной картины влияния психо-энергетического взаимодействия коммуникантов на выбор ими адекватных фоноконцептов оформления речи.

Обоснованная теоретически и проверенная экспериментально концептуально-синергетическая парадигма может служить весьма эффек-

тивным методологическим инструментарием научного описания фонетических феноменов, а также планирования и выполнения экспериментальных исследований порождения и актуализации фоноконцептов всех без исключения видов высказываний, реализованных с разными уровнями эмоционально-прагматического потенциала.

3.3. Механизмы порождения и восприятия речемусыкального произведения и модели речемусыкальной коммуникации

Среди множества аспектов исследования взаимосвязи интонации речи и музыки особый интерес вызывает изучение их взаимодействия в речемусыкальных произведениях, наиболее удачно синтезирующих словесное и музыкальное начала. Однако недостаточность необходимых научных представлений и фактов, относящихся к общим закономерностям и механизмам порождения, восприятия и декодирования содержания речемусыкальных произведений, в значительной степени сдерживает изучение коммуникативно-когнитивных особенностей функционирования в них интонации. Поэтому перед нами и возникла проблема выявления коммуникативных особенностей функционирования интонации в речемусыкальных произведениях на основе анализа закономерностей и механизмов их порождения и восприятия человеком.

Отметим в этой связи, что возникновение научного интереса к вопросу функционирования речемусыкальных произведений и проблеме синтеза слова и музыки не является чем-то неожиданным, ведь поэзия и музыка образовались из триединого синкретического искусства, в рамках которого сочетались выразительные средства поэзии, музыки и танца, разделять которые в античной теории не было необходимости. Результаты современных теоретических и экспериментальных поисков (см., напр., [3; 4; 204]) свидетельствуют о том, что речемусыкальные

произведения как синтетические продукты человеческой деятельности не только выполняют эстетическую и эмотивную функции, увеличивая силу впечатление за счет двух соответствующих составляющих [204, с. 35], но и существенно влияют на специфику протекания когнитивных процессов в сознании индивида. С этой точки зрения речемусыкальное произведение можно рассматривать как целостный механизм, образуемый за счет взаимодействия средств разных уровней языковой и музыкальной систем, обеспечивающих его восприятие как нераздельного целого, а, следовательно, считать выражаемые в нем идеи, отражающими обобщенный результат познания и мыслительной деятельности индивида [4, с. 43].

Не случайно, видимо, и то, что исследователи различных аспектов взаимосвязи слова и музыки предлагают разнообразные классификации их взаимодействия (см., напр., К. С. Браун, П. Фридрих, В. Вольф и др.). Среди них наиболее продуктивным представляется синтез. В его результате произведение сочетает два языка искусства, избегая как определенных проблем адаптации одной семиотической системы к другой (например, несовпадение просодической организации стихотворной фразы и ритмоинтонационной организации музыкальной), так и вынужденных содержательных ограничений самого замысла, связанных с его начальным изложением в пределах одной системы, поскольку автор, создавая одновременно и звуковую, и вербальную части, способен выражать и новые, не имеющие словесного эквивалента эмоции, и конкретизировать их в вербальной форме [3, с. 79–80].

Из этого нетрудно осознать, что при исследовании речемусыкальных произведений нецелесообразно разграничивать их вербальную и музыкальную составляющие, существующие как осмысленное единство, поскольку любые произведения искусства, функционируют, по мнению Ю. Лотмана [157, с. 24], как сложный механизм, сохраняющий различные коды и способный трансформировать полученные сообщения, и как информационный генератор порождать новые. Таким образом, речемусыкальное произведение скорее следует рассматривать как поликодовый текст, построенный на сочетании в общем знаковом

пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербально-го текста в устной или письменной форме и знаков другой (в данном случае – музыкальной) системы [202, с. 90–91].

Считая речемзыкальное произведение поликодовым текстом, функционирующим в песенном дискурсе, мы получаем основания для рассмотрения процессов его порождения и восприятия по аналогии с коммуникацией, в силу того, что (см., напр., [204]) его актуализация, как любого иного продукта культуры вообще [202] и музыкальной в частности, и является одним из реальных актов коммуникации.

Исходя из этого, при выборе теоретической основы для описания механизмов порождения и восприятия речемзыкального произведения индивидом мы остановились на общеизвестной модели коммуникации Шеннона-Уивера [183, с. 229–230]. Эта модель описывает коммуникацию как односторонний линейный процесс, в рамках которого отправитель создает сообщение, поступающее в передатчик. С передатчика уже в форме определенных сигналов оно через канал связи достигает приемника. На основании полученных сигналов приемник воспроизводит сообщение, которое непосредственно и воспринимает адресат. Проще говоря, линейная последовательность трансляции сообщения может быть описана такой совокупностью речекоммуникативных операций: создание сообщения → его кодирование → трансляция → получение и декодирование.

Отметим здесь, во-первых, что в результате актуализации и восприятия речемзыкального произведения, которые могут совершаться не только благодаря его трансляции средствами массовой информации и звуковоспроизводящими приборами и т.д., но и в режиме живого общения (например, на концерте), наличие передатчика и приемника не становится для нашего моделирования принципиально важным условием. Во-вторых, не будем забывать, что искомые нами в соответствии с целью исследования механизмы порождения и восприятия речемзыкальных произведений функционируют исключительно в психологических сферах коммуникантов. В-третьих, указанный в модели Шеннона-Уивера феномен шума, искажающий сигнал, является существенным

и для речемзыкальных произведений, в процессе актуализации которых роль своеобразного коммуникативного шума могут играть определенные пространственно-временные и культурно-образовательные факторы, влияние которых интенсифицируется обычно в периферийных зонах совпадения речевых культур адресата и адресанта.

Учитывая изложенное, мы сочли целесообразным интерпретировать искомую обобщенную модель процесса коммуникации, протекание которой основывается на речемзыкальных произведениях, ее графическое В качестве методологической основы формирования данной модели использована идея совпадения речемзыкальных культур адресанта и адресата в качестве обязательного условия коммуникации. Поскольку речевая и музыкальная культуры являются отдельными составляющими духовного мира человека, то нами использован известный [109, с. 15] образ взаимодействия двух сфер – духовных культур адресанта и адресата. В результате такого взаимодействия в процессе речемзыкальной коммуникации создается определенная зона совпадения указанных культур (А), благодаря существованию которой и становится возможной сама коммуникация.им образом, приведенным на рис. 3.6.

В пределах каждой из указанных сфер, интерпретирующих согласно канонам системного подхода окружающую среду, треугольниками изображены сечения синергетических моделей пирамид духовного бытия адресанта и адресата, обоснованных в работе А. В. Клименюка [119].

Внутри сечения пирамиды (рис. 3.7) изображена система сфер духовного бытия индивида, включающая экзистенциальную, ментальную и трансцендентную подсистемы, функционирование которых управляется сознанием, обозначенным на модели точкой С. Оболочка системы образована тремя составляющими: речевой и музыкальной культурами адресанта и плоскостью его интенций. Внутри обозначенной таким образом системы происходит саморазвитие синергетического по своей природе механизма порождения и актуализации речемзыкального произведения, отраженное на модели в виде структуры-аттрактора 1-С.

совокупность процессов, происходящих в сфере экзистенциального бытия индивида, и представляет собой уникальный феномен, который в современной науке принято называть эмоциональным мышлением.

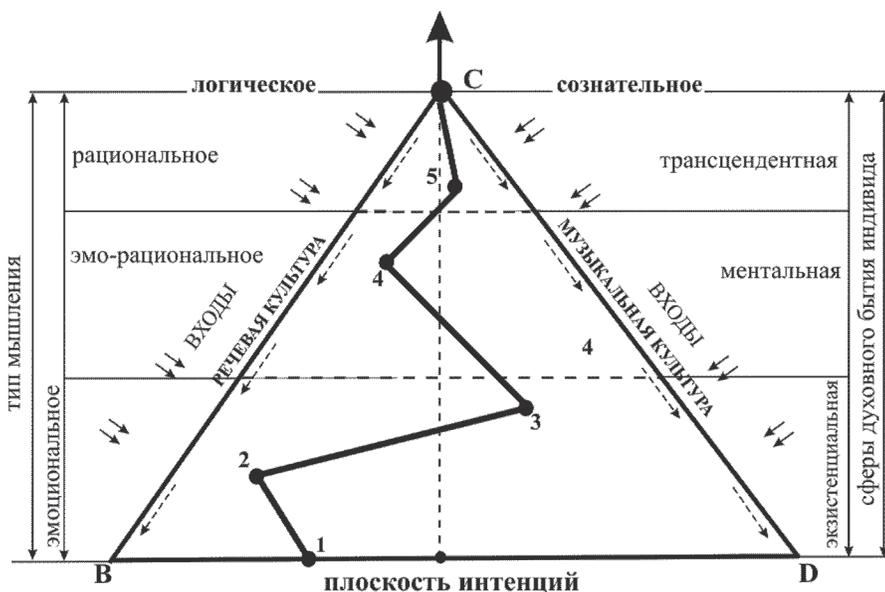

Рис. 3.7. Модель процесса порождения и актуализации речемусыкального произведения в духовной

Над экзистенциальной сферой расположена сфера *ментального бытия* индивида, сложные процессы протекания которого разворачиваются в области предсознательного, путем взаимодействия глубинных уровней коллективного и индивидуального сознания, определяющих способ мышления и формирования чувств человека. Основанное на эмо-рациональном мышлении, ментальное бытие индивида, реализуется в условиях резкого перепада психо-энергетических потенциалов генетически обусловленных результатов эмоционального мышления и не менее акцентных потенциалов социально обретаемых результатов рационального мышления [120, с. 209].

В отличие от описанных выше эмоционального и ментального бытия, *трансцендентное бытие* индивида базируется на процессах, состоящих преимущественно из актов мышления, в основе которых лежит рациональная логика. Следы рационального мышления, фиксирующиеся в сфере трансцендентного бытия, способны агрегатироваться в более сложные структуры рациональных концептов. Следует отметить, что именно благодаря актам трансцендентного бытия, протекание которых осуществляется в сфере предсознательного и основывается на механизме рационального мышления, человек обретает креативные способности [120, с. 211].

Главную роль в духовном бытии индивида играет *сознание* (см. точку С на модели), которое, используя результаты биологического инстинктивно-эмоционального опыта индивида (продукт экзистенциального бытия), генетико-культурную информацию (продукт ментального бытия) и социокультурное знание (продукт трансцендентного бытия), способно осуществлять разработку и контролировать реализацию определенных поведенческих технологий, обеспечивающих адекватную реакцию человека на вызовы окружающей действительности [там же].

Важно подчеркнуть, что результаты протекания процессов в каждой из сфер бытия индивида фиксируются в памяти в виде определенных концептов, названия которых детерминируются типом порождающего их мышления [120, с. 220]. В соответствии с этим принято различать эмоциональные, эмо-рациональные, рациональные и логические концепты, способные под управлением сознания актуализироваться не только в вербальной форме, но и в их невербальных реализациях, в частности, в слуховой, то есть в виде музыки [120, с. 221; 202]. Стоит также отметить, что в области когнитивного музыковедения до сих пор нет четко сформулированного значения понятия «концепт». Однако все большую популярность приобретает теория устойчивых интонационных оборотов, известных как мигрирующие интонационные формулы. Такие обороты имеют фиксированное значение, способны вызвать конкретные предметно-образные представления и активно мигрируют

в тематизме различных текстов, обогащая музыкальный язык и конкретизируя содержание произведения [235, с. 20–21]. Понятие «мигрирующих интонационных формул» по своей сути является достаточно близким к аналогичному лингвистическому понятию «фоноконцепт», под которым, как указывалось выше, понимают специфическое, сформированное в результате конкретного коммуникативного опыта, мыслительное образование, включающее содержательный минимум знания, способного храниться в долговременной памяти индивида в форме звукового перцептивного образа или символа и воспроизводиться в устной речи с помощью определенных фонетических структур [105, с. 213–219]. В связи с этим нам представляется вполне допустимым трактовать мигрирующие интонационные формулы как музыкальные концепты.

Известно [95, с. 73] что, процесс порождения любого высказывания реализуется в достаточно широком диапазоне эмоциональных состояний индивида: от элементарного интереса, возбуждаемого сознанием, до умеренного стресса. Поэтому, нетрудно представить, что автор (см. рис. 3.7), под влиянием переживаний, впечатления или определенного стресса личного характера, приступил к созданию связанного с ними речемзыкального произведения.

В таком состоянии хаотические, как правило, внутренние ощущения и воспоминания автора возбуждают психическую энергию его бессознательного начала, то есть экзистенциальной сферы его духовного бытия. Естественным следствием этого является необходимость выражения своих чувств, поскольку, как известно [96; 119], эмоционально-энергетические процессы, возбуждаемые в экзистенции, порождают в психической сфере автора, преимущественно, неосознаваемые им поля интенций (в музыковедении – *«бессознательная ориентация формы на восприятие»* [17]), которые в результате восхождения к соответствующим структурам ментального и трансцендентного бытия становятся более определенными и под контролем сознания превращаются, в конечном счете, во вполне конкретные прагматические установки.

Благодаря этому в психической сфере автора речемузыкального произведения одновременно возникает хаотическое множество ее разнообразных состояний, для научного описания которых требуется использовать значительное количество определяющих их параметров, которые в современной синергетической теории, и принято [129, с. 123] называть параметрами состояния. Вполне понятно, что осуществление такого исчерпывающего описания становится нереальным. Именно поэтому для моделирования в синергетике и принято оперировать более общими – комплексными параметрами – параметрами порядка системы [там же, с. 142], энергия которых направлена на подавление саморазвития хаоса психических состояний в сфере духовного бытия автора. В рассматриваемом нами случае параметрами порядка служат: речевая культура автора (см. рис. 3.6, сторона BC треугольника BCD) и музыкальная культура (сторона CD).

Таким образом, как это уже отмечалось, мы получаем возможность изображения механизма порождения речемузыкального произведения в виде структуры-аттрактора 1-С, саморазвитие которого происходит под влиянием речевой и музыкальной культур автора, играющих роль параметров порядка. При таких обстоятельствах синергетика создания индивидом речемузыкального произведения может быть описана нами следующим образом.

Вследствие выхода духовной сферы автора, смоделированной на рис. 3.7 в виде системы, из состояния эмоционального хаоса, возникшего по указанным выше причинам, на плоскости интенций в точке 1, зарождается частный аттрактор (1-2). Его конечная точка (2), тяготеющая к плоскости речевой культуры как параметру порядка, свидетельствует о попытке автора подобрать адекватное вербальное выражение своих чувств. Во второй точке (2) под влиянием эмоционального хаоса зарождается частный аттрактор (2-3), конечная точка которого (3) максимально приближается к оболочке системы (CD), обозначающей плоскость музыкальной культуры автора. Это указывает на то, что использование вербальных средств оказывается недостаточным для выражения переполняющих его чувств. Поэтому, пытаясь повысить

адекватность их выражения, он обращается к музыке. Как видим, после третьей точки бифуркации, вследствие выхода системы из хаоса, ее саморазвитие протекает уже в ментальной сфере духовного бытия автора речемзыкального произведения. Указанная точка характеризует тот факт, что на этой стадии саморазвитие системы его духовного бытия основывается на эмо-рациональном типе мышления. Именно в результате этого под влиянием энергии элементов рационального мышления частный аттрактор (3-4), словно компенсируя влияние эмоций, отклоняется в сторону выбора речевых средств, более полно выражающих смысл произведения. Ориентация частного аттрактора (4-5) свидетельствует, что в результате хаоса, происходящего в точке бифуркации (4), предсознание автора разрешило противоречия между возможностью насыщения произведения речевыми и музыкальными средствами в пользу музыкальных. Следствием этого и стала направленность частного аттрактора к его конечной точке (5).

Система завершает свое саморазвитие в точке (С), выбор направления аттрактора в которую происходит исключительно под влиянием рационального мышления. Заканчивая, таким образом, изображенное на модели структурой-аттрактором (1-С), саморазвитие система входит в конечную стадию творческого поиска. В завершении этой стадии, результаты указанного когнитивного поиска, будучи контролируемыми сознанием, синтезируются путем диалектического мышления автора и материализуются им в конкретное речемзыкальное произведение.

Теперь обратим внимание на то, что рассмотренная выше коммуникативная модель (рис. 3.6) описывает идеальный случай декодирования адресатом (сравни аттракторы 1-С и С'-1) смысла речемзыкального произведения, поскольку известно, что в реальных обстоятельствах зеркальное воспроизведение структуры-аттрактора адресанта психической сферой адресата невозможно. Это обстоятельство связано, прежде всего, с наличием у каждого из коммуникантов глубоко индивидуального строения и истории формирования психики. Однако для нас важным является, в первую очередь, то, что эта модель позволяет установить типовые варианты саморазвития структур-аттракторов, описы-

вающих особенности порождения и восприятия любых функционирующих в национальных культурах речемзыкальных произведений.

Для решения этого вопроса было предпринято экспериментальное обоснование вариантных моделей порождения, актуализации и восприятия речемзыкальных произведений. Исходной методологической основой экспериментального поиска вариантов синергетических моделей служил графический образ процесса коммуникации, интерпретируемый схемой рисунка 3.6, разделяющей речемзыкальную коммуникацию разделена на два автономных процесса: актуализация речемзыкального произведения адресантом и его восприятие адресатом.

Методика поискового эксперимента заключалась в следующем. В качестве массива экспериментальных произведений использовался озвученный список «500 величайших речемзыкальных произведений всех времён по версии журнала Rolling Stone» [318]. Первый этап реализации методики предусматривал прослушивание указанных произведений информантами – носителями английского языка, имеющими гуманитарное и музыкальное образование. Перед аудиторами ставилась задача группирования произведений по значимости речевых или музыкальных средств в передаче их смысла: в ситуациях доминирования речевых компонентов, паритетного взаимодействия речевых и музыкальных компонентов, преобладания музыкальных компонентов и реверсивного декодирования роли компонентов в исследуемом произведении. Второй этап подразумевал отбор наиболее типичных речемзыкальных произведений внутри каждой из четырех сформированных таким образом групп. Третий этап состоял в повторном прослушивании информантами отобранного ими экспериментального материала и его письменного комментария с использованием специально разработанной матрицы экспертных оценок [130, с. 214–259]. На основе анализа экспертных оценок оформлялись типичные для каждой группы экспериментальных произведений вариантные модели. Графические образы этих моделей формировались в виде двух структур-аттракторов саморазвития коммуникативно-когнитивных речемыслительных процессов, протекающих в психике адресанта и адресата во время их речемзыкальной коммуникации.

Обработка результатов поисковых экспериментов показала, что наиболее частотной картиной протекания речемузыкальной коммуникации можно считать ее актуализацию, описываемую моделью, приведенной на рис. 3.8. На этой модели в пределах каждой из обозначенных треугольниками сфер изображены пересечения синергетических моделей пирамид духовного бытия адресанта и адресата, принципиально обоснованных в работе [121, с. 234–251].

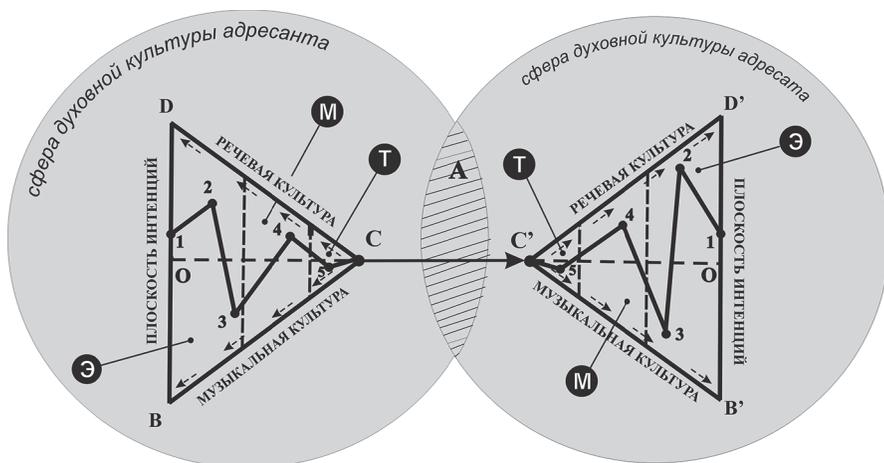

Рис. 3.8. Модель паритетного взаимодействия речевых и музыкальных компонентов в речемузыкальной коммуникации

Внутри сечения каждой из этих пирамид нами показана система сфер духовного бытия индивида, включающая экзистенциальную (Э), ментальную (М) и трансцендентную (Т) подсистемы, функционирование которых контролируется сознанием адресанта и адресата, обозначенным соответственно на моделях подсистем точками С и С'.

Типичным вариантом синергетического саморазвития процессов речемузыкальной коммуникации, в случае паритетного взаимодействия речевых и музыкальных компонентов произведения, протекающего в соответствии с моделью (рис. 3.8), по оценкам экспертов можно

считать результаты прослушивания ими известной песни «Show must go on» легендарной группы Queen. Напомним, что музыка и большая часть текста этого произведения были написаны Брайаном Мэем под влиянием трагической истории жизни Фредди Меркьюри, исполнявшего это произведение, будучи уже в очень тяжелом состоянии. Однако, несмотря на грустные события, ставшие толчком к написанию песни «Show must go on», само произведение замышлялось и воспринимается жизнеутверждающим.

Согласно восприятию аудиторов, печальные события возбуждают в авторе-исполнителе негативные эмоции, служащие причиной зарождения в точке (1) исходного хаоса сферы его экзистенциального бытия (Э). В результате выхода психики автора из хаоса первой точки бифуркации формируется его желание выразить сочувствие, понимание, и в тоже время показать, что, несмотря на трудности, («*Inside my heart is breaking / My make-up may be flaking...*») жизнь продолжается («*But my smile still stays on*», «*Show must go on* з»), вследствие чего и зарождается частный аттрактор (1-2). Отклонение конечной точки (2) этого аттрактора в сторону плоскости речевой культуры как параметра порядка саморазвития духовного бытия адресанта, свидетельствует о подборе им соответствующих вербальных средств выражения своих чувств и мыслей. Непосредственно во второй точке бифуркации (2) в недрах эмоционального хаоса зарождается и частный аттрактор (2-3), конечная точка которого (3) максимально приближается к оболочке системы, изображающей плоскость музыкальной культуры автора. Это может свидетельствовать о том, что использованные вербальные средства не позволяют автору достаточно полно выразить переполняющие его чувства. Обращение к музыке и ее роль в повышении адекватности выражения чувств более всего проявляется в припеве, который можно считать лейтмотивом всего произведения. Жизнеутверждающее значение строк «*Show must go on / Show must go on / Inside my heart is breaking / My make-up may be flaking / But my smile still stays on*» усиливается повышением громкости и интенсивности. После третьей точки бифуркации (выхода системы из хаоса)

ее саморазвитие протекает уже в ментальной сфере духовного бытия автора произведения, и основывается соответственно на эмо-рациональном типе его мышления. В результате превалирования энергии рационального мышления частный аттрактор (3-4), компенсируя влияние эмоций, слегка отклоняется в сторону подбора вербальных средств выражения смысла произведения. Следующее за этим отклонение частного аттрактора (4-5) к плоскости музыкальной культуры свидетельствует, что вследствие хаоса, завершившегося в точке (4), трансцендентное мышление автора побудило его обратиться к музыкальным средствам для полноты передачи замысла. После прохождения последней точки бифуркации (5) психическая система адресанта завершает свое, происходящее под влиянием логического мышления, саморазвитие в точке (С).

Что же касается соответствующих процессов саморазвития состояния психики адресата в процессе речемзыкальной коммуникации, то из характера изображенной в правой части модели (рис. 3.8) структуры-аттрактора (1-С'), по сути зеркально отражающей изломы траектории структуры-аттрактора ее левой части (1-С), очевидна высокая адекватность декодирования им смысла произведения. Иначе говоря, такая модель свидетельствует о достаточно высоких речевой и музыкальной культурах адресата, а также о гармонической одаренности самого адресанта.

Вторая вариантная реализация процесса речемзыкальной коммуникации, характеризующаяся превалированием в произведении речевых компонентов, наглядно описывается моделью, приведенной на рис. 3.9.

В качестве типичного примера преобладания вербального компонента, в модели использована песня Боба Дилана «*Blowing in the wind*», ставшая гимном движения за гражданские права жителей Америки. Доминирующее влияние речевой культуры на порождение этого произведения объясняется спецификой жанра фолк, уходящего своими корнями в народную музыку, в исполнении которой на ранних этапах ее становления, как известно, музыкальные инструменты не использовались.

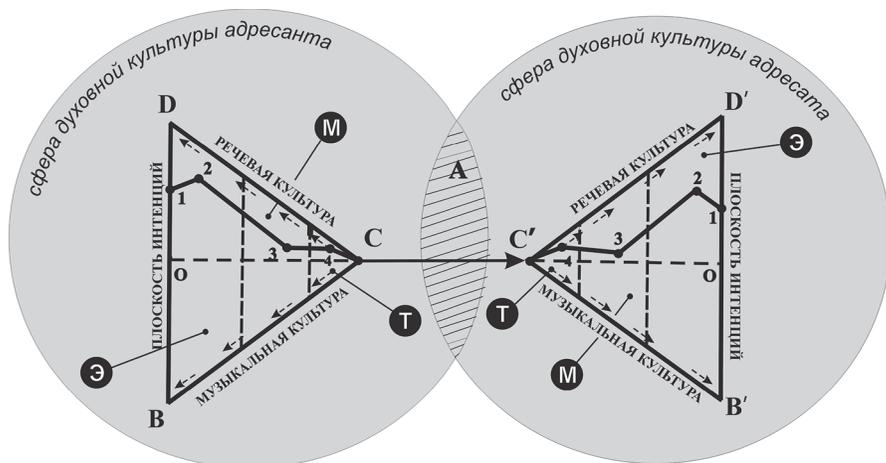

Рис. 3.9. Модель доминирования речевых компонентов в речемусыкальной коммуникации

По мнениям экспертов, информация о неспокойной ситуации в стране, поступившая в сознание автора, привела к возбуждению эмоций сферы его экзистенциального бытия. В недрах возникшего в связи с этим хаоса (точка 1) зарождается частный аттрактор (1-2), отклонение конечной точки (2) которого к плоскости речевой культуры свидетельствует о том, что автор отдает предпочтение вербальным средствам выражения своих чувств. Однако под влиянием эмо-рационального мышления ментальной сферы духовного бытия он ощущает потребность в музыкальном уточнении своих мыслей и поэтому саморазвитие частного аттрактора (2-3) реализуется по направлению к плоскости музыкальной культуры, не покидая при этом плоскости речевой культуры (см. треугольник ODC). Дальнейшая траектория саморазвития частного аттрактора (3-4) показывает, что хотя вопросы, которыми задается автор в этом произведении («How many roads most a man walk down / Before you call him a man ? / Yes, how many times must the cannon balls fly / Before they're forever banned? / Yes, how many years can some people exist / Before they're allowed to be free? / Yes, how many times can a man

turn his head / Pretending he just doesn't see? / Yes, how many ears must one man have / Before he can hear people cry?»), весьма злободневны и болезненны, но тем не менее их адекватное декодирование не требует привлечения музыкальных средств интенсификации передаваемого смысла. Это объясняется тем, что в точке третьей бифуркации (3) хаос эмо-рационального мышления в силу преобладающего влияния его рационального начала породил частный аттрактор (3-4), завершившийся в точке (4), тяготеющей к плоскости речевой культуры. И вполне естественным представляется поэтому саморазвитие общей структуры аттрактора (1-С), осуществляемое в психической сфере адресанта преимущественно в области его весьма высокой культурно-речевой компетенции (плоскость ODC). Не менее естественным является и достаточно адекватное декодирование замысла автора реципиентом, поскольку в правой части схемы имеет место структура-аттрактор (С'-1), подобная приведенной в ее левой части (С-1).

Третья вариантная модель речемзыкальной коммуникации, актуализирующаяся в условиях превалирования музыкальных культур адресанта и адресата представлена на рис. 3.10.

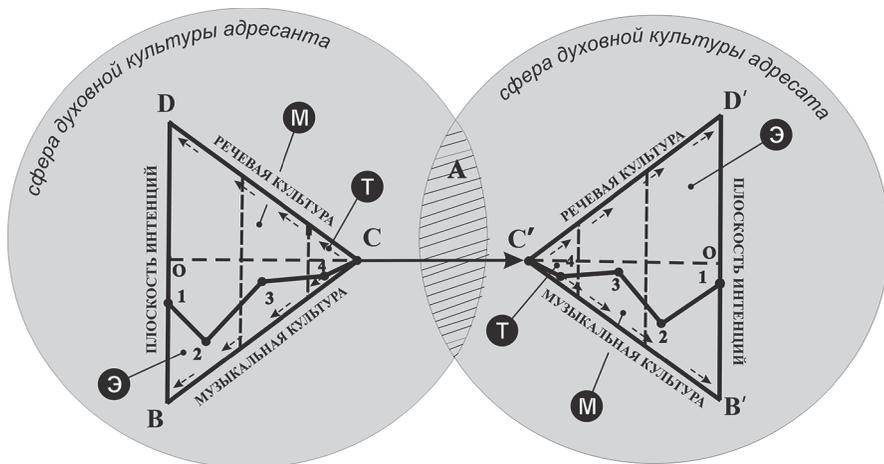

Рис. 3.10. Модель превалирования музыкальных компонентов в речемзыкальной коммуникации

Типичным примером такой коммуникации может служить исполнение и восприятие песни “*Smells like teen spirit*” группы Nirvana, созданной автором после продолжительной дискуссии об анархизме, свободе и равенстве.

Аудиторы считают, что указанная дискуссия привела к саморазвитию хаоса в экзистенциальной области психики автора, в результате которого зародился частный аттрактор (1-2), тяготеющий к сфере музыкальной культуры. Однако во второй точке бифуркации автор интуитивно ощутил потребность в вербальном сопровождении своих мыслей, поэтому частный аттрактор (2-3) отклонился к плоскости речевой культуры («*Load up on guns, bring your friends...// Yeah a denial / A denial!*»), не переставая при этом испытывать влияние музыкальной. Дальнейшее развитие общей структуры-аттрактора происходит исключительно в плоскости музыкальной культуры. Правая часть модели указывает на адекватное восприятие произведения слушателем (аттрактор С'-1 подобен аттрактору С-1). Причина такого восприятия объясняется, во-первых, тем, что в сфере духовных культур коммуникантов доминирует музыкальная составляющая, а, во-вторых, тем, что речь адресанта невнятна.

Не менее интересной представляется речемзыкальная коммуникация, протекающая в соответствии с моделью рис. 3.11. Типичным примером ее актуализации служит исполнение и восприятие известной песни Чака Берри «*Johnny B. Goode*», ставшей символом рок-н-ролла и воспринимаемой слушателями исключительно как веселой и танцевальной, хотя, по сути, она является автобиографичной, рассказывающей о непростой судьбе музыкально одаренного мальчика, ставшего, несмотря на возникающие препятствия, известным музыкантом.

Аудиторы считают, что зародившееся под влиянием хаоса желание автора (точка 1) рассказать о судьбе человека, формализуется в виде аттрактора (1-2), направленного в сторону плоскости речевой культуры («*Way down Louisiana close to New Orleans / Way back up in the woods among the evergreens / There stood a log cabin made of earth and wood / Where lived a country boy name of Johnny B. Goode / Who never ever*

learned to read or write so well / But he could play the guitar just like ringing a bell»). После точки второй бифуркации в результате выхода психики автора из эмоционального хаоса реализуется частный аттрактор (2-3), стремящийся к плоскости музыкальной культуры и приводящий к подчеркиванию с помощью типичных рок-н-рольных рифов сложность процесса становления музыканта. Однако после третьей точки бифуркации саморазвитие системы, протекающее уже в ментальной и трансцендентной сферах духовного бытия автора, неизменно тяготеет к плоскости речевой культуры. Вследствие этого его подсознание, пытающееся сбалансировать вербальные и музыкальные компоненты, приводит к развитию и актуализации произведения с небольшим преобладанием речевых средств выражения задуманного смысла.

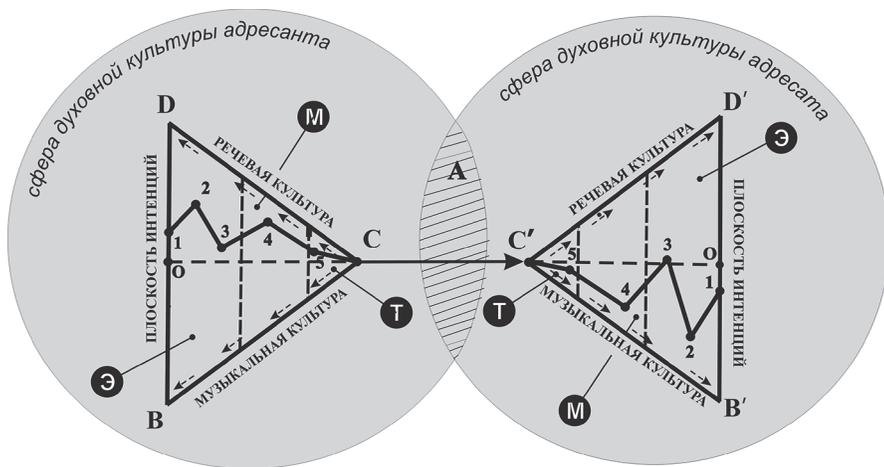

Рис. 3.11. Реверсивная модель речемусыкальной коммуникации

Специфической особенностью рассматриваемой нами реверсивной модели коммуникации является то, что, как об этом свидетельствует структура-аттрактор (C'-1), психическая сфера адресата, игнорируя используемые в произведении речевые средства, преломляет психо-энергетический посыл автора сугубо в плоскость своей музыкально-тан-

цевальной культуры (см. треугольник С'ОВ'). Это и не удивительно, поскольку, как известно, рок-н-рольная музыка в речемузыкальной коммуникации является одним из специфических средств суггестии и зомбирования слушателей.

Проведенный таким образом анализ четко показывает наличие четырех вариантных моделей речемузыкальной коммуникации, характеризующихся: паритетным взаимодействием речевых и музыкальных компонентов, преобладанием речевых компонентов, доминированием музыкальных компонентов, а также реверсивным декодированием речевых компонентов.

Резюмируя изложенное, отметим, что использование обоснованной нами модели в качестве методологического инструментария дает возможность научного описания сложных процессов порождения и восприятия речемузыкальных произведений в двух масштабах: полном (рассмотрение полного цикла жизни речемузыкального произведения от порождения к его восприятию) и частичном (изучение саморазвития конкретного речемузыкального произведения в психической сфере адресанта или адресата).

При этом есть основания полагать, что результаты описанного в работе экспериментального поиска могут после их дополнительной апробации послужить основой формирования обобщенной классификации феноменов, явлений и механизмов, составляющих сущность речемузыкальной коммуникации.

3.4. Возможности динамического описания энергетики суггестивного воздействия речи

Одной из важных задач, связанных непосредственно с проблемой нашего исследования, является поиск возможностей повышения объективности экспериментального описания типичных стратегий оптимизации суггестивно-коммуникативного воздействия. Напомним, по этому поводу, что в подразделе 2.4 мы пришли к выводу о возможности

экспериментального динамического описания энергетики реализации типичных стратегий оптимизации суггестивного воздействия в коммуникации на основе смыслодержательного насыщения концептуально-методологических моделей рисунков 2.14 и 2.15.

Что же касается этих моделей, отражающих специфику механизмов протекания речемыслительных процессов в сознании коммуниканта, то они не содержат в явном виде координат, наличие которых необходимо для отражения в них изменений эмоционально-прагматического потенциала высказываний, несущих определенную суггестивно-коммуникативную нагрузку. Поэтому в результате адаптации универсальной модели (рис. 2.14) для решения с ее помощью поставленной задачи нами были сформированы такие унифицированные координаты, представленные на рис. 3.12.

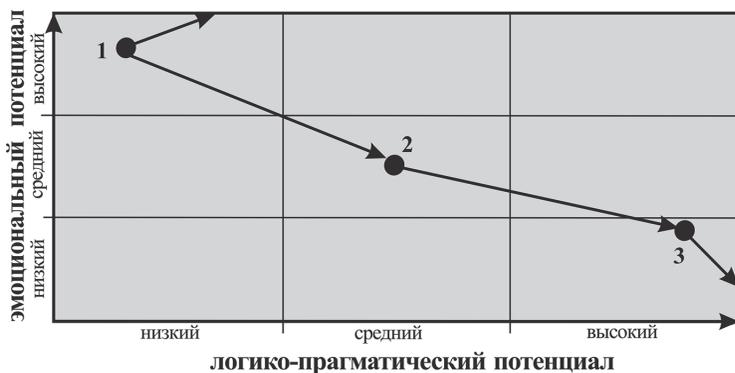

Рис. 3.12. Унифицированные координаты рассуждения результатов продуцирования и восприятия эмоционально-прагматического потенциала фрагментов текста

Рассматривая эти координаты, отметим, прежде всего, что в работах [96, с. 51–61; 100, с. 359–365; 107, с. 476–484] для их построения мы применяли градацию шкал на низкий, средний и высокий уровни эмоционального и прагматического потенциалов высказывания соответственно, а также указывали на возможность использования при не-

обходимости дополнительного [100, с. 359–365] трех или пятиступенчатого деления диапазонов актуализации указанных потенциалов внутри каждого уровня. Вполне понятно, что построенная таким образом (рис. 3.12) сетка унифицированных координат без затруднений может быть вписана в любое конкретно рассматриваемое на модели пространство (или плоскость) тезауруса, являющегося элементом указанных на рис. 2.14 тезаурусных сфер микро- и макрокосмов духовного бытия индивида в процессах его речемыслительной деятельности.

Важнейшая методологическая функция использования рассматриваемой сетки координат состоит в том, что она позволяет осуществить унифицированное научное описание закономерностей изменения и перераспределения эмоционального и логико-прагматического потенциалов на любых, принятых по воле исследователя, отрезках изучаемого им текста. Так, анализируя взаимное расположение векторов на рис. 3.12, нетрудно представить, что в конце (точка 2) некоторого отрезка (1-2) озвученного текста общий эмоциональный потенциал входящих в него высказываний понижается до среднего уровня при соответствующем ему среднем уровне общего логико-прагматического потенциала актуализации данного отрезка. Очевидно, что в силу сохранения возникшей тенденции, эмоциональный потенциал следующего отрезка текста (отрезок 2-3) достигает своего низкого уровня, а его логико-прагматический потенциал манифестируется на высоком уровне. Дополнив подобное описание содержанием информации, передаваемой в рассматриваемом отрезке текста, при ее соотнесении с сущностью и особенностями функционирования тезаурусных сфер духовного бытия коммуниканта, мы и получаем возможность создания вполне адекватной частной картины суггестивно-коммуникативного воздействия на адресата. Тогда для построения общей картины такого воздействия исследователю достаточно будет в соответствии с описанной логикой интегрировать в нее сформированные подобным образом частные картины.

Здесь можно, видимо, говорить и о том, что в силу самой природы рассматриваемых координат, связывающих энергетику эмоционального и прагматического начал психической сферы индивида, на рис. 3.12

имеет место то, что на языке науки в широком понимании возможностей его применения следует называть психо-энергограммой актуализации смысла любого по своему объему речевого текста. Тогда по аналогии с этим, описываемую в данной работе последовательность реализации приемов и процедур проведения лингвистического анализа с помощью психо-энергограмм, мы с полным на то основанием, и будем называть в дальнейшем изложении методом анализа психо-энергограмм.

Прежде чем продолжать наши рассуждения, отметим, что, как это указано в работе [111, с. 47–56], реальное количество функционирующих в социуме стратегий коммуникации, представляющих собой наиболее общий комплексный инструментарий суггестивно-коммуникативного воздействия, весьма ограничено. В отличие от них, именно различные взаимные сочетания тактик, а также лингвистических и экстралингвистических средств их актуализации и создают то практически неограниченное поле инструментов речевой коммуникации, которое позволяет реализовать любые известные из практики степени суггестивного воздействия на слушателей. Это дает нам возможность, используя синергетическую парадигму [129, с. 132–163], интерпретировать совокупность стохастических актов саморазвития речемышления [120, с. 205–234; 105, с. 213–219], протекающих в сфере духовного бытия говорящего в процессе актуализации им публичной речи, определенной структурой-аттрактором [129, с. 144], состоящим из частных аттракторов. При этом частные аттракторы примут вид, указанных на рис. 3.12 векторов (1–2 и 3–3).

Интегрируя изложенные выше концептуальные идеи, несложно сформировать координаты психо-энергограммы, позволяющие изображать на них любые стратегии суггестивно-коммуникативного воздействия на адресата или группу адресатов. Для этого достаточно представить универсальную модель рис. 2.14 в декартовых координатах, обозначить в каждом ее тезаурусе унифицированные координаты и нанести на нее в виде структуры-аттрактора анализируемую стратегию. Сформированная таким образом модель приведена нами на рис. 3.13. На ней нанесены психо-энергограммы (структуры-аттракторы), отра-

жающие пути реализации суггестивно-коммуникативного воздействия на избирателей представителями трех политических партий.

Перед рассмотрением смыслодержательного насыщения саморазвития указанных аттракторов акцентируем внимание на том, что стратегия практически любой предвыборной политической коммуникации состоит в расширении электорального поля путем завоевания доверия избирателей на основе достижения эффекта максимальной идентификации каждого индивида с баллотирующимся на выборах субъектом. Более того, обобщенная алгоритмическая последовательность актуализации тактик, направленных на реализацию стратегии, с неизбежностью оказывается подобной у представителей всех партий и состоит из следующих шагов: установление формы статусного взаимоотношения с аудиторией (сфера тезаурусов III) → апелляция к социально-политической культуре аудитории (сфера тезаурусов II) → сближение с аудиторией на основе общей картины мира (сфера тезаурусов I) → апелляция к представлениям аудитории о материальном и духовном мирах (сфера тезаурусов 3) → создание иллюзии социо-инцестуального единства со слушателями (сфера тезаурусов 2) → осуществление суггестии на уровне типичных эго-тезаурусов представителей аудитории (сфера тезаурусов 1).

На этом вполне предсказуемая логическая часть планирования коммуникации (определение стратегии и тактик) завершается. Далее, как это ни странно, в силу действия факторов, отраженных на модели рис. 2.14 в условиях реальной коммуникации выбор широко вариативных лингвистических и экстралингвистических средств реализации каждой из тактик приобретает сущность слабоуправляемого и в значительной мере зависящего от ситуации и личностных качеств оратора стохастического саморазвивающегося процесса. Именно на это следует обращать внимание руководителям избирательных штабов. Проще говоря, необходимо помнить, что максимального суггестивного эффекта может добиться, прежде всего, оратор, личность которого близка по смыслодержательному насыщению своих микро- и макрокосмов к типичному, предварительно смоделированному социологами и пиар-менеджерами, обобщенному портрету личности избирателя.

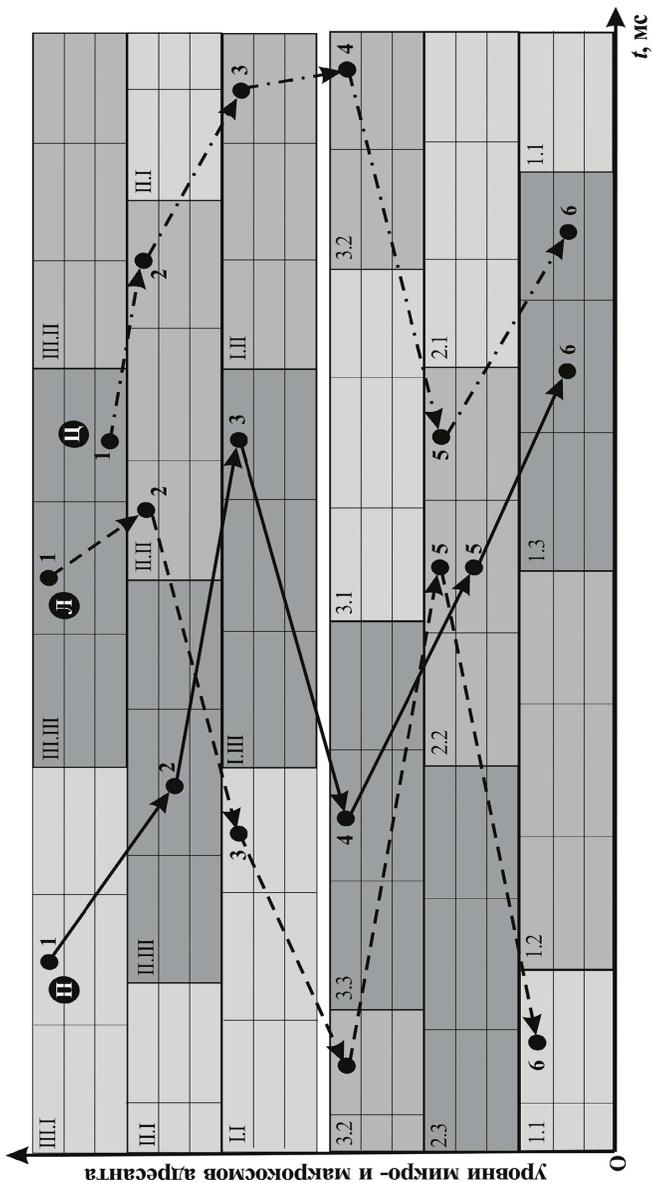

Рис. 3.13. Примеры построения типичных психо-энергограмм реализации стратегий суггестивно-коммуникативного воздействия на аудиторию избирателей представителями различных партий: (П) – правой, (Ц) – центристской, (Л) – левой.

На этом вполне предсказуемая логическая часть планирования коммуникации (определение стратегии и тактик) завершается. Далее, как это ни странно, в силу действия факторов, отраженных на модели рис. 2.14 в условиях реальной коммуникации выбор широко вариативных лингвистических и экстралингвистических средств реализации каждой из тактик приобретает сущность слабоуправляемого и в значительной мере зависящего от ситуации и личностных качеств оратора стохастического саморазвивающегося процесса. Именно на это следует обращать внимание руководителям избирательных штабов. Проще говоря, необходимо помнить, что максимального суггестивного эффекта может добиться, прежде всего, оратор, личность которого близка по смыслодержательному насыщению своих микро- и макрокосмов к типичному, предварительно смоделированному социологами и пиар-менеджерами, обобщенному портрету личности избирателя.

Однако, как известно, в силу ряда конъюнктурно-политических причин значительная часть представителей разных партий не всегда соответствует указанным требованиям. Убедимся в этом на основе анализа типичных психо-энергограмм стратегий суггестивно-коммуникативного воздействия, изображенных на рис. 3.13.

Так, например, приступая к реализации стратегии правой партии, ее представитель (II) вопреки логическому предписанию бессознательно позиционирует себя как высшего по статусу по отношению к аудитории субъекта (тезаурус III.I). Причем в силу личных амбиций (привычка к авторитарному руководству) указанное позиционирование актуализуется в высказываниях, характеризующихся высоким эмоциональным и средним логико-прагматическим потенциалами. В ответ на естественную негативную реакцию аудитории он вынужден апеллировать к сложностям социально-политического момента на переходном этапе развития государства (тезаурус II.III), в результате чего высказывание со средними эмоциональным и логико-прагматическим потенциалами, завершающее отрезок текста речи, локализуется в точке 2 частного аттрактора 1-2. Пытаясь усилить эффект суггестивного воздействия, оратор на основе общей картины развития мировой

демократии, эксплуатирует функционально-практические представления аудитории, завершая аттрактор 2-3 высказываниями, реализуемыми на высоких уровнях эмоционального и логико-прагматического потенциалов (тезаурус I.III). В результате продолжения намеченной тенденции представитель правой партии, рассуждая о материальных трудностях, реализует тактику (аттрактор 3-4), которая завершается высказыванием со средними уровнями эмоционального и логико-прагматического потенциалов (тезаурус 3.3). Продолжая свою речь (аттрактор 4-5), он пытается усилить создание иллюзии о социо-инцестуальном единстве со слушателями (тезаурус 2.2), завершая обращение высказыванием, характеризующимся средними уровнями эмоционального и логико-прагматического потенциалов. И как это ни удивительно, в процессе выполнения завершающего тактического шага (аттрактор 5-6) представитель правой партии обращается к рационалистическим архетипам эго-тезаурусов слушателей (тезаурус 1.3), не учитывая при этом того, что преобладающей части аудитории присущ акцентуированный идеалистический эго-тезаурус (тезаурус 1.1) микрокосма ее мышления.

Рассмотрев в целом путь саморазвития (структура-аттрактор 1-6) процессов речемышления представителя правой партии (П), нетрудно убедиться в том, что указанные выше промахи оратора и являются причиной снижения эффективности суггестивно-коммуникативного воздействия его речи на аудиторию.

Подобные ошибки можно найти и в саморазвивающихся процессах речемышлительной деятельности представителей центристской (Ц) и левой (Л) партий. При этом несомненно лишь то, что представители всех партий преуспевают, как правило, апеллируя к социо-инцестуальному единству со слушателями (см. рис. 3.13, тезаурус 2.2).

Осмыслив глубже методологическую сущность метода анализа психо-энергограмм, несложно понять, что он также является не менее перспективным для статистического анализа предвыборных ожиданий электората вообще и любого его отдельно взятого представителя в частности. Именно это осмысление и открывает возможность к

оптимизации любой существующей стратегии или технологии суггестивно-коммуникативного воздействия. Суть прогностического этапа анализа предстоящих условий реализации такой технологии состоит в построении в координатах психо-энергограмм на основе социологических опросов и выводов психологов веера [129, с. 154, 159] альтернатив структур-аттракторов, смыслодержательное насыщение которых отражает предвыборные ожидания наиболее характерных групп избирателей, симпатизирующих данной партии.

На втором этапе, представляющем собой разработку стратегий и тактик реализации содержания предвыборных встреч, имиджмейкеры, пиар-менеджеры и другие занимающиеся этим специалисты должны обеспечить такую пошаговую реализацию стратегий, частные векторы актуализации которых сформируют зигзагообразную модель структуры-аттрактора саморазвития коммуникации, колеблющегося периодически между двумя структурами-аттракторами, ограничивающими веер прогнозируемых на первом этапе альтернатив. Третий этап подразумевает оптимизацию подготовки смыслодержательного насыщения предвыборных выступлений, направленную на максимальное обеспечение совпадения полей речевых культур оратора и аудитории, выбор наиболее эффективных лингвистических и экстралингвистических средств предстоящей коммуникации. Естественно при этом, что без тщательного отбора и предварительной подготовки ораторов ожидать от описанной технологии максимального суггестивного эффекта не следует.

Однако неправильным было бы и ожидание стопроцентного суггестивного эффекта, поскольку, как об этом вполне справедливо говорил Роберт Кеннеди, одна пятая часть народа будет против чего бы то ни было, когда бы то ни было [39, с. 276]. Проще говоря, речь идет о том, что даже гипотетико-идеализированный показатель попадания слушателей под суггестивное влияние оратора в реальных условиях человеческого общения не может достигать и семидесяти процентов. Международная практика проведения предвыборных кампаний однозначно свидетельствует о том, что попадание более, чем пятидесяти

процентов электората под суггестивное воздействие представителей той или иной партии означает верхний объективно достижимый в природе любого социума эффект от оптимизации коммуникативно-агитационного воздействия.

В заключение мы вынуждены обратить внимание на то, что приведенный политический пример, поясняющий обоснованный нами метод анализа психо-энергограмм, отнюдь не исчерпывает возможности применения самого метода. Его неограниченные возможности без каких-либо трудностей рационально использовать в лингвистике, риторике, педагогике, медицине, рекламной индустрии, бизнесе, политике, психологии, психиатрии и в большинстве других наук, а также сфер практического социально-коммуникативного взаимодействия людей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В процессе создания любой теории непременно наступает творческий этап, в рамках которого возникает необходимость переосмысления и лаконичного формулирования ее сущности путем абстрагирования от первых, как правило, недостаточно полно структурированных, попыток описания явлений реальной действительности, рассматриваемых исследователями в качестве перспективного объекта научного познания. Вполне естественно, что и разработка энергетической теории речи, начатая нами более десяти лет назад, объективно нуждалась в парадигматическом структурировании ее основных идей. К этому побуждала нас также постоянная необходимость систематизации фактов, устанавливаемых в процессе практической апробации основных положений разрабатываемой теории.

В результате реализации первого шага, направленного на унификацию понятийного аппарата, необходимую для адекватного определения теоретического уровня идей, входящих в конус притяжения энергетического феномена речи, в монографии обоснована парадигматическая система соподчинения направлений и аспектов, существующих и потенциально возможных в рамках энергетического подхода исследований процессов коммуникации. Терминологический базис указанной парадигматической системы синтезирован в работе на основе понятийного анализа материалов по истории формирования научных представлений об энергетическом феномене речи, а также обзора состояния и перспектив исследований энергетики письменной и устной речи. Это дает основание считать реальной возможностью дальнейших однозначных оценок лингвистами научного уровня идей, подходов и результатов реализации исследований, проводимых в рамках энергетической теории речи.

Второй и, пожалуй, важнейшей процедурой разработки новой – энергетической – теории речи стало в нашем исследовании обоснование теоретико-методологических основ ее формирования. В объеме

рассмотрения данного вопроса в монографии на основе ряда фундаментальных положений лингвистики показано, что порождение и декодирование речи индивидом вполне может осуществляться по определенному гипотетическому алгоритму, интерпретированному нами триадой: альтернативный хаос – рефлексия – отбор. При этом подчеркнуто, что процесс актуализации речи человеком требует от него определенных затрат психологической и физиологической энергий. В соответствие с обоснованным нами теоретическим принципом «сохранения эмоционально-прагматического потенциала высказывания» указанные энергии аккумулируют в высказываниях определенные эмоционально-прагматические потенциалы. В процессах порождения речи энергия этих потенциалов расходуется на актуализацию лингвистических и паралингвистических средств материализации конкретных высказываний, трансформируясь тем самым в эмоционально-прагматические потенциалы самих высказываний.

С использованием изложенных идей, в монографии обоснована обобщенная графическая модель перераспределения энергии эмоционально-прагматического потенциала высказывания между средствами его актуализации. В описание механизма и особенностей ее функционирования, нами интегрированы наиболее рациональные положения когнитивного и синергетического подходов как фундаментальных элементов методологии современных междисциплинарных исследований. В результате проведенного таким образом теоретического поиска была сформирована обобщенная база для дальнейших работ теоретико-методологического инструментария, необходимого для эмпирической проверки основных положений энергетической теории речи.

Важным моментом дальнейших изысканий послужило введение нами в теоретико-концептуальную парадигму понятий «фоноконцепта» и «фоноконцептосферы», позволяющих унифицировать существующие абстрактные представления о синергизме речемышления и мышледействия человека. На основе этого в монографию была введена теоретически высокопродуктивная универсальная синергетическая

модель саморазвития процессов порождения речемышления и мыследействия в духовной сфере индивида, использование которой позволило позднее сформировать обобщенную когнитивную модель речемыслительной деятельности билингва, а также варианты стохастические модели порождения интерферированной речи. Указанные стохастические модели открывают широкие возможности междисциплинарных когнитивно-лингвистических исследований динамики и результатов энергетического взаимодействия всех разноуровневых языковых средств и факторов, влияющих на коммуникацию вообще, а также всех элементов первоязычной и второязычной компетенции в ментальной сфере билингва в частности.

Рассмотрение основных теоретических аспектов энергетики порождения и декодирования речи коммуникантом дало нам возможность путем синтеза сущностей исходных идей об эмоционально-прагматическом потенциале высказывания и многоуровневой структуре человеческой психики, интерпретировать энергетическую картину процессов речемышления и мыследействия человека соответствующей многоуровневой моделью функционирования психофизиологической энергии в сфере духовного бытия коммуниканта. Практическая ценность полученной модели усматривалась, прежде всего, в ее способности играть роль общепутевой методологической карты для выбора направлений перспективных научных поисков представителями всех областей лингвистического знания.

Вместе с тем нерешенным окончательно оставался важнейший для дальнейшего развития любой теории вопрос – вопрос возможности ее эмпирической проверки, а, следовательно, и объективной коррекции ряда ее элементов. Центральным моментом при этом становилась разработка в объеме новой энергетической теории речи соответствующего нового подхода к экспериментальной проверке ее основных положений. Результатом такой разработки стало изложенное в монографии обоснование функционально-уровневого подхода к взаимодействию эмоций и прагматики в речи. Указанный подход позволил нам смоделировать пространство речевого взаимодействия прагматики, эмоций

и смысла высказывания в соответствующих координатах «коммуникативная функция – эмоция – смысл» и определить в нем поля взаимодействия эмоционально-прагматических факторов формирования смысла высказывания. Здесь необходимо подчеркнуть, что благодаря введению в модель трехуровневых шкал интенсивности воздействия эмоций и прагматики на актуализацию смысла высказывания появилась возможность математической интерпретации результатов экспериментальных исследований, столь важная для их дальнейшей компьютерной обработки.

Логически неизбежно в связи с этим возникла проблема поиска метода количественной оценки уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания. Ее решение завершилось изложенным в монографии обоснованием безразмерного количественного критерия оценки уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала озвученного высказывания, позволяющего повысить объективность и надежность экспериментально-фонетического исследования энергетических феноменов речи.

Вслед за этим в монографии представлен обоснованный нами новый метод комплексного описания результатов экспериментально-фонетических исследований с энергетической точки зрения, основанный на построении энергограмм высказываний, включавших в себя синхронизированные по шкале времени интонограмму, пиктограмму, эмоциограмму и прагмограмму. Подчеркнем здесь, что метод построения энергограмм, дающий возможность системного описания результатов фонетического анализа речи по двум параметрам порядка (эмоции и прагматика), может использоваться в качестве продуктивного методологического инструментария выполнения междисциплинарных когнитивных исследований.

В объеме разработки энергетической теории речи возникла и естественная необходимость теоретико-методологического поиска возможностей оптимизации существующих технологий коммуникативного воздействия. Для проведения поиска нами была использована известная, предложенная А. В. Клименюком, универсальная модель

взаимодействия микро- и макрокосмов духовного бытия индивида в процессах его речемыслительной деятельности. Это позволило сформулировать методологические предпосылки оптимизации коммуникативного воздействия, практическая потребность в которых существует в настоящее время не только у исследователей-лингвистов, но также и у специалистов сфер риторики, педагогики и социологии.

Дальнейший поиск показал, что наиболее существенное влияние на суггестию речи оказывает энергетика пауз, сегментных единицы текста, его ритмической системы, а также его музыкального сопровождения. Поэтому в монографии нами представлена новая концепция классификации пауз в звучащей речи по их психо-энергетическим признакам. Такой подход позволил обосновать формулу удельного паузального перепада эмоционально-прагматического потенциала высказывания, понимание природы которого может оказаться весьма полезным для риторики и медицины.

В качестве методологического ориентира для реализации перспективных исследований специфики взаимодействия психо-энергетических потенциалов текста и музыки в речемусыкальных произведениях предложены структурно-когнитивная модель функционирования механизмов порождения ими суггестивного воздействия и формальная классификация структурных элементов речемусыкальных произведений.

В монографии на основе сформированной нами системной матрицы методологических альтернатив проведения многофакторных исследований закономерностей взаимодействия гласных и согласных звуков в слогах в процессе создания смысла высказывания обоснована логико-методологическая карта статистического обобщения результатов дальнейших разработок указанной проблемы.

Результаты разработки в рамках энергетической теории речи методологических предпосылок для изучения суггестивного потенциала ритмической системы текста представлены в монографии моделью механизма интеграции суггестивного потенциала ритма звучащего текста, когнитивными моделями порождения и декодирования

темпоритма текста, а также моделью табуирования и трансформации внутреннего темпоритма текста во внешний.

Изложенные в монографии материалы экспериментальной апробации основных положений энергетической теории речи, включившие в себя результаты проведения перцептивной и инструментальной оценки эмоционально-прагматичного потенциала высказывания, выполнения синергетического анализа порождения и актуализации фоноконцепта, установления типичных моделей речемзыкальной коммуникации, а также проверки практической возможности динамического описания энергетики суггестивного воздействия речи, подтвердили правомерность и перспективность дальнейших междисциплинарных научных поисков, направленных на открытие новых закономерностей и законов, описывающих влияние психо-энергетических феноменов речемышления и мышледействия индивида на суггестивную функцию его речевой и культурно-творческой коммуникации.

В заключение отметим, что нетрадиционное отсутствие общих выводов в конце монографии и перемещение лишь части из них в послесловие связано, в первую очередь, со сложностью рассматриваемых проблем, вследствие которой выводы и методологические перспективы дальнейших исследований энергетических феноменов речи мы были вынуждены акцентно выделять в тексте каждого из разделов монографии.

Надеемся, что описание в послесловии логической последовательности проведения нами научных изысканий и обоснований теоретико-методологических элементов парадигмы энергетической теории речи послужит дополнительным стимулом для побуждения профессионального исследователя к глубокой методологической рефлексии над изложенным материалом.

ГЛОССАРИЙ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ТЕРМИНОВ И ПОНЯТИЙ

Аттрактор – точка или множество точек сложной открытой системы, к которой стремится траектория ее развития после угасания переходных процессов [129, с. 168].

Бифуркация – понятие, определяющее такое состояние развития сложной открытой системы, в котором траектория его движения раздваивается [129, с. 168].

Когнитивная фонетика – дисциплина, изучающая основные фонетические процессы репрезентации знания во время порождения речи в их соотношении с ментальными явлениями, принимающими участие в этих репрезентациях, а именно: восприятие речи, ее осознание, понимание и сохранение в памяти коммуниканта [103, с. 34].

К-критерий – безразмерный количественный критерий определения уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала любого отрезка устной речи.

Ментальный – результат взаимодействия глубинных уровней коллективного и индивидуального сознания, определяющих образ мысли и чувств человека, основанный на бессознательных мыслительных установках, а также на его навыках эмоциональной и поведенческой готовности к восприятию и познанию окружающего мира [120, с. 207].

Параметры порядка – наиболее динамично изменчивые параметры сложной открытой системы, подчиняющие себе другие параметры, изменяя их в соответствии с требованиями аттракторов, и определяющие поведение элементов системы [129, с. 141–142].

Параметры состояния – переменные параметры сложной открытой системы, пригодные для интегрирования их в определенные комплексы, то есть в параметры порядка, переход к которым позволяет описывать закономерности, свойства и особенности самоорганизации сложных неравновесных систем как исследуемого целого [129, с. 141–142].

Пауза – специфический психо-энергетический феномен коммуникации, сигнализирующий об уровне актуализации говорящим эмоционально-прагматической энергии высказывания, дающий импульс, направленный на возбуждение соответствующих когнитивно-декодирующих процессов в психической сфере реципиента.

Принцип сохранения эмоционально-прагматического потенциала высказывания – принцип, отражающий способность высказывания, реализованного говорящим в определенном эмоциональном состоянии, сохранять свой эмоционально-прагматический потенциал за счет его стохастического перераспределения между средствами разных уровней языка и паралингвистическими средствами реализации высказывания. В соответствии с этим принципом, эмоциональное состояние говорящего рассматривается как движущая сила процесса коммуникации, под воздействием которой в его психике возникает определенная интенция, порождающая в сознании сложное взаимодействие логического и эмоционального начал, в результате которого высказывание и обретает устойчивый эмоционально-прагматический потенциал [96, с. 47–49].

Речемузикальный текст – комплексная система, образованная путем синергетического взаимодействия элементов речевого и музыкального текстов, в процессе которого структура речемузикального текста и реализация его формальных категорий осуществляется за счет наложения музыкальных единиц различных уровней на фрагменты вербального компонента.

Ритм – разворачивающаяся во времени энергетическая основа или потенциал коммуникации, обеспечивающий концентрацию суггестивного воздействия высказывания / текста на эмоциональное и рациональное начала психики реципиента путем чередования его различных по природе порождения проявлений, рассматриваемых в лингвистике как результат комплексного взаимодействия средств всех уровней языка.

Синергетизм – совместное комплексное влияние различных по своей природе источников энергии и ряда других факторов на специ-

фику самоорганизации процессов порождения и актуализации устной речи индивида, а также на его поведение в коммуникации [105, с. 214].

Структура-аттрактор – определенная геометрическая плоскостная и пространственная фигура, способная отражать историческую последовательность этапов детерминированного хаотического саморазвития открытой неравновесной системы [129, с. 178].

Темпоритм текста являясь доминирующим средством речевой суггестии образуется путем интеграции микро-ритмов всех уровней внутренней речи индивида во внутренний макроритм, который под влиянием эмоционального мышления, протекающего в экзистенциальной сфере (в бессознательном), структурируется уже в форме внутреннего темпоритма и далее под влиянием диалектического взаимодействия рационального (учитывающего конкретные условия коммуникации) и эмоционального начал личности говорящего преобразуется в ментальной и трансцендентной сферах (в предсознательном) в соответствующие рацио- и эмо-ритмы, трансформируемые на основе учета сознанием реальных условий и норм коммуникации во внешний темпоритм высказывания, материализуемый в речи как результат процесса речемыслительной деятельности говорящего.

Трансцендентное – акт, процесс, а также любой продукт человеческого мышления о сверхкатегориальной полноте бытия или его отдельных характеристиках, которые считаются недоступными непосредственному познанию, познаются лишь умозрительно, но могут быть выражены языком абстрактных понятий [120, с. 207].

Фоноконцепт – специфическое, сформированное вследствие конкретного коммуникативного опыта, ментальное образование, содержащее смысловой минимум знания, способный в форме звукового перцептивного образа сохраняться в звуковой памяти индивида и воспроизводиться в устной речи с помощью определенных фонетических структур [98, с. 49].

Функционально-энергетический подход – междисциплинарный подход, основанный на понимании фонетических явлений как энергетического результата стохастического порождения речи, движущей

силой которого является психофизиологическая энергия говорящего, способная перераспределяться между лингвистическими и паралингвистическими средствами коммуникации [97, с. 299].

Хаос – состояние системы или среды, в рамках которого каждое событие или процесс является результатом случая и не может быть причиной последующих событий или процессов, поскольку они также являются случайными [129, с. 180].

Частный аттрактор – элемент структуры-аттрактора, отражающий направление саморазвития открытой неравновесной системы между двумя смежными точками ее бифуркации [129, с. 144].

Экзистенциальное – все, что относится к уникальной неповторимости внутрочеловеческого бытия, ощущению индивидом своей причастности к высшему, и не может быть выражено на языке понятий [120, с. 207].

Энергетическая теория речи – система взглядов, основанная на понимании того, что психофизиологическая энергия человека, рождаясь под влиянием эмоций в сфере его бессознательного, играет одновременно роль источника и движущей силы всех латентно-когнитивных и умственно-речевых процессов и актов, на интенсивность протекания которых определяющее влияние оказывает генетико-инстинктивная природа самого индивида [106, с. 8]. Исходным элементом энергетической теории речи служит теоретический принцип сохранения эмоционально-прагматического потенциала высказывания, согласно которому эмоционально-прагматический потенциал любого высказывания остается неизменным и характеризуется стохастическим перераспределением его энергии между средствами различных уровней языка и паралингвистическими средствами реализации смысла высказывания [115, с. 35].

Энергограмма – модель графического изображения результатов комплексной энергетической оценки процесса просодического оформления определенного отрезка устной речи, содержащая его интонограмму (ИГ), эмоциограмму (ЭГ) и прагмаграмму (ПГ) [100, с. 359–365].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О. А. Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации / О. А. Александрова, В. В. Иваницкий // Вестник новгородского государственного университета. – 2003. – № 25. – С. 95–101.

2. Александрова О. А. Речекommunikативный статус паузы колебания : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Александрова Ольга Александровна ; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004. – 208 с.

3. Алексеева М. В. Музыка и слово: возможности синтеза семиотических систем / М. В. Алексеева // Вестник МГУКИ. – Вып. 3. – 2009. – С. 78–79.

4. Алексеева М. В. Музыка и слово: проблема синтеза в эстетической теории и художественной практике : дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.04 / Алексеева Мария Викторовна ; ФГОУ ВПО Российская академия музыки имени Гнесиных. – М., 2010. – 164 с.

5. Андреева И. А. Использование разножанровой молодежной музыки в обучении монологической речи учащихся-подростков : дисс. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Андреева Инна Алексеевна ; Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск, 2002. – 194 с.

6. Анисимова Р. В. Роль фонетических параметров в осуществлении функции воздействия поэтического текста / Р. В. Анисимова // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М. : ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В. Г. Белинского. – 1989. – С. 24–26.

7. Антипова А. М. Ритмическая система английской речи / Антонина Михайловна Антипова. – М. : Высшая школа, 1984. – 119 с.

8. Антипова А. М. Направления исследований по интонации в современной лингвистике / А. М. Антипова // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 122–132.

9. Античные риторика / [под ред. А.А. Тахо-Годи]. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – 352 с.
10. Арановский М. Г. Синтаксическая структура мелодии: Исследование / Марк Генрихович Арановский. – М. : Музыка, 1991. – 320 с.
11. Арановский М. Г. Музыкальный текст: структура и свойства / Марк Генрихович Арановский. – М. : Композитор, 1998. – 341 с.
12. Аристотель. Сочинения : [в 4 т.] / Аристотель ; [пер. с древнегреч. ; ред. В. Ф. Асмус]. – М. : Мысль, 1976. – Т. 1 : Метафизика. О душе. – 550 с.
13. Аристотель. Сочинения : [в 4 т.] / Аристотель ; [пер. с древнегреч. ; общ. ред. З. Н. Микеладзе]. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – 687 с.
14. Аристотель. Сочинения : [в 4 т.] / Аристотель ; [пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура]. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4 : Никомахова этика. Большая этика. Политика. Поэтика. – 830 с.
15. Арустамова А. А. Ритм прозы И. С. Тургенева : автореф. ... дисс. канд. филол. наук : 10.01.01 / Анна Альбертовна Арустамова ; Пермский государственный университет им. А.М. Горького. – Пермь, 1998. – 20 с.
16. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке / [под общ. ред. Н. Д. Арутюновой]. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 417–436.
17. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс / Борис Владимирович Асафьев. – М. : Музыка, Ленинградское отделение, 1971. – 373 с.
18. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – [2-е изд.]. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.
19. Бабичева А.Б. Особенности ритмической организации спонтанной немецкой диалогической речи на супрасегментном уровне (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бабичева Анастасия Борисовна; Московский ордена Дружбы народов государственный лингвистический университет. – М., 2003. – 24 с.
20. Багмут А. Й. Семантика і інтонація в українській мові / Алла Йосипівна Багмут. – К. : Наукова думка, 1991. – 168 с.

21. Багмут А. Й. Інтонаційна виразність звукового мовлення за собів масової інформації / А. Й. Багмут, Т. О. Бровченко, І. В. Борисюк, Г. П. Олійник. – К. : Наукова думка, 1994. – 192 с.
22. Балл Г. А. Анализ психологических воздействий и его педагогическое значение / Г. А. Балл, М. С. Бургин // Вопросы психологии. – 1994. – № 4. – С. 56–66.
23. Баранова С. Ю. Музыкальный текст : язык, сигнал, символ [Электронный ресурс] / С. Ю. Баранова // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». – Вып. 2007. – Режим доступа : <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-173.pdf>.
24. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. / Михаил Михайлович Бахтин. – Т.6 : Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х-1970-х гг. – М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.
25. Бацевич Ф. С. Духовно-синергетична сутність мови: огляд деяких сучасних лінгвофілософських концепцій / Ф. С. Бацевич // Теле- та радіожурналістика : [зб. наук. пр.]. – Вип. 8. – 2009. – С. 266–272.
26. Бернштейн С. И. Словарь фонетических терминов / С. И. Бернштейн. – М.: Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 1996. – 175 с.
27. Бехтерев В. М. Избранные произведения / Владимир Михайлович Бехтерев. — М. : МедГиз, 1954. – 527 с.
28. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни / Наталья Петровна Бехтерева. – [доп. изд.]. – М. : АСТ; СПб. : Сова, 2007. – 383 с.
29. Блумфилд Л. Язык / Леонард Блумфилд ; [пер. с англ.]. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
30. Богатова Ю. А. Символ и его роль в ритмической организации художественного текста / Ю. А. Богатова // Альманах современной науки и образования. – № 2 (21). – 2009. – Ч. 2. – С. 19–20.
31. Богин Г. И. Герменевтический круг и фоносемантика / Г. И. Богин // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М.: ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В. Г. Белинского. – 1989. – С. 65-67.

32. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию : [в 2 т.] / Иван Александрович Бодуэн де Куртене. – М. : Издательство академии наук СССР, 1963. – Т. 2. – 389 с.
33. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / Виктор Васильевич Бойко. – М. : Информационно-издательский дом «Филинь», 1996. – 472 с.
34. Бойчук Е. И. Исследование ритма прозы в работах французских лингвистов / Е. И. Бойчук // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 232–234.
35. Бойчук Е. И. Ритм художественного текста как средство суггестивного воздействия / Е. И. Бойчук // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 129–133.
36. Болинджер Д. Интонация как универсалия / Д. Болинджер // Принципы типологического анализа языков различного строя : [сб. ст.; отв. ред. Б. А. Успенский]. – М. : Наука, 1972. – С. 214–230.
37. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня : [монография] / Нина Сергеевна Болотнова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – 312 с.
38. Болтаева С. В. Ритмическая организация суггестивного текста : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Болтаева С. В. ; Уральский государственный университет имени А. М. Горького. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.
39. Большая книга афоризмов / [сост. К. В. Душенко]. – [2-е изд., испр.]. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1056 с.
40. Будагов Р. А. Слово и его значение / Рубен Александрович Будагов. – М. : Добросвет-2000, 2003. – 64 с.
41. Быстрова Л. В. Символические функции сочетаний фонем / Л. В. Быстрова, В. В. Левицкий, О. Ф. Шевченко // Проблемы фоносемантики : [тезисы выступлений на совещании]. – М. : ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В. Г. Белинского. – 1989. – С. 34-35.
42. Валгина Н. С. Теория текста : [учеб. пособие] / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.

43. Вариясова Е. В. Лексические повторы как суггестивный прием в рекламных текстах (на материале экспериментальных рекламных текстов) / Е. В. Вариясова // Актуальные проблемы современной науки. Всероссийская научно-практическая конференция. – Ставрополь, 2012. – С. 14-17.

44. Введенская Л. А. Риторика и культура речи / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – [12-е изд.]. – Ростов н/Д. : Феникс, 2012. – 537 с.

45. Ветров А. А. Семиотика и ее основные проблемы / А. А. Ветров. – М. : Политиздат, 1968. – 264 с.

46. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / Виктор Владимирович Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 560 с.

47. Витгенштейн Л. Философские работы : [в 2-х т.] / Людвиг Витгенштейн / [пер. с нем. М. С. Козлова, Ю. А. Асеев]. – Т. 1. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.

48. Волков А. Во власти мажора и минора : [психотерапия] / А. Волков // Музыкальная психология и психотерапия: научно-методический журнал. – 2009. – №. 4. – С. 116–121.

49. Воронин С. В. Основы фоносемантики / Станислав Васильевич Воронин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 244 с.

50. Выготский Л. С. Психология искусства / Лев Семёнович Выготский ; [общ. ред. В. В. Иванова]. – [3-е изд.]. – М. : Искусство, 1986. – 573 с.

51. Ганьшина Н. Ритм как дыхание живого текста, 2007 [Электронный ресурс]. – Источник ресурса : <http://www.proza.ru/2007/01/09-187>.

52. Гачечиладзе Г. Р. Введение в теорию художественного перевода / Гиви Радженович Гачечиладзе. – Тбилиси : Тбилисский гос. ун-т, 1970. – 284 с.

53. Герасимов И. Г. Научное исследование / Иван Гаврилович Герасимов. – М. : Политиздат, 1972. – 279 с.

54. Герман И. А. Введение в лингвосинергетику : [монография] / И. А. Герман, В. А. Пищальникова. – Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. – 130 с.

55. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы : [монография] / Михаил Моисеевич Гиршман. – М. : Советский писатель, 1982. – 368 с.
56. Глисон Г. А. Введение в дескриптивную лингвистику / Генри Аллан Глисон ; [пер. с англ. Е. С. Кубряковой, В. П. Мурат ; ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева]. – М. : Изд-во ин. лит., 1959. – 486 с.
57. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации: на примере современной немецкоязычной рекламы : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Голоднов А. В. ; Росс. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2003. – 23 с.
58. Голуб И. Б. Русская риторика и культура речи : [учеб. пособие] / И. Б. Голуб, В. Д. Неклюдов. – М. : Логос, 2011. – 328 с.
59. Градации темпоритмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/gippi01/txt10.htm>.
60. Граммон М. Звук как средство выразительной речи / М. Граммон // Сборники по теории поэтического языка. Поэтика / [пер. с фр.]. – Пг., 1916. – Вып. 1. – С. 51-60.
61. Грачев Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. Грачев, И. Мельник. – М. : Эксмо, 2003. – 112 с.
62. Григорьева Д. В. Осторожно: слово! / Д. В. Григорьева // Вестник психотерапии. – 2005. – № 13(18). – С. 130-137.
63. Гринберг Дж. Меморандум о языковых универсалиях / Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс // Новое в лингвистике. – Вып. V : Языковые универсалии / [ред. и предисл. Б. А. Успенского]. – М. : Прогресс, 1970. – С. 31-44.
64. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Вильгельм фон Гумбольдт ; [пер. с нем. ; общ. ред. Г. В. Рамишвили]. – М. : ОАО ИГ “Прогресс”, 2000. – 400 с.
65. Гумовская Г. Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста: на материале английского языка : дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Гумовская Галина Николаевна ; Московский педагогический государственный университет. – М., 2000. – 325 с.
66. Данилов Ю. А. Герман Хакен о синергетике / Ю. А. Данилов //

Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция. – 2002. – С. 22-26.

67. Дикий Н. А. Основы научных исследований: Теплоэнергетика / Н. А. Дикий, А. А. Халатов; [под ред. Г. М. Доброва]. – К. : Вища школа, 1985. – 223 с.

68. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП / Р. Дилтс. – СПб. : Питер, 2008. – 320 с.

69. Дубовский Ю.А. Анализ интонации устного текста и его составляющих / Юрий Александрович Дубовский. – Мн. : Вышэйш. школа, 1978. – 137 с.

70. Дубовский Ю. А. Конкретно-языковое и типологическое в английской интонации / Ю. А. Дубовский, Л. А. Петрова, Е. В. Таболич. – Мн. : Минский гос. пед. ин-т иностр. яз., 1979. – 103 с.

71. Евтихов О.В. Психология управления персоналом : теория и практика / О. В. Евтихов. – СПб. : Речь, 2010. – 319 с.

72. Ефремов В. А. Ассоциативные аспекты ритма лирической прозы (на материале цикла И. А. Бунина «Темные аллеи») / В. А. Ефремов // Научный диалог. – 2012. – Вип. 8. Филология. – С. 88-105.

73. Жилияков Е. Г. Сегментация речевых сигналов на основе анализа распределения энергии по частотным интервалам / Е. Г. Жилияков, Е. И. Прохоренко, А. В. Болдышев, А. А. Фирсова, М. В. Фатова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – 2011. – Т. 18, №7-1. – С. 187-196.

74. Жирмунский В. М. Теория стиха / Виктор Максимович Жирмунский. – Л. : Советский писатель. Ленинградское отделение, 1975. – 664 с.

75. Журавлев А. П. Фонетическое значение / Александр Павлович Журавлев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – 159 с.

76. Журавлев А.П. Звук и смысл / Александр Павлович Журавлев. – М. : Просвещение, 1981. – 160 с.

77. Журавлев В. К. Опыт фоносемантического анализа и синтеза / В. К. Журавлев, А. К. Камалаев // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М. : ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В. Г. Белинского. – 1989. – С. 43–44.

78. Земская Ю. Н. Теория текста : [учеб. пособие] / Ю. Н. Земская, Н. В. Панченко, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова, А. А. Чувакин. – М. : Флинта, Наука, 2010. – 132 с.

79. Зимарин Д. А. Влияние коммуникативной ситуации на изменение ритма немецкой речи (экспериментально-фонетическое исследование) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Зимарин Дмитрий Александрович ; Московский государственный лингвистический университет. – М., 2012. – 24 с.

80. Зиндер Л. Р. Общая фонетика / Лев Рафаилович Зиндер. – М. : Высшая школа, 1979. – 312 с.

81. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард ; [перев. с англ.]. – СПб. : Питер, 2000. – 464 с.

82. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.

83. Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия : [учеб. пособие] / Т. С. Кабаченко. – М. : Педагогическое Общество России, 2000. – 544 с.

84. Калачев Б. Вселенский экстаз / Б. Калачев // Перспективы. – 1991. – № 6.

85. Калита А. А. Експериментально-фонетичні дослідження: підходи, напрями, аспекти / А. А. Калита // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО Київського державного лінгвістичного університету. Серія : Філологія. Педагогіка. Психологія. – К. : Вид. центр КДЛУ, 2000. – Вип. 1 : Мова, освіта, культура : наукові парадигми і сучасний світ. – С. 13-20.

86. Калита А. А. Фонетичні засоби актуалізації смислу англійського емоційного висловлення : [монографія] / Алла Андріївна Калита. – К. : Вид. центр КДЛУ, 2001. – 351 с.

87. Калита А. А. Акустичні параметри голосних в англійському висловленні, що передає негативні емоції мовця / А. А. Калита // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, 2003. – № 611. – С. 85–92.

88. Калита А. А. Взаємодія логічного та емоційного у просодичному оформленні смислу висловлення / А. А. Калита // Вісник Київського

лінгвістичного університету. Серія: Філологія. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2003. – Т. 6. – С. 98–105.

89. Калита А. А. Кореляція акустичних параметрів голосних із полярністю емоцій англійського висловлювання / А. А. Калита // Науковий вісник Чернівецького університету : [зб. наук. пр.]. – Чернівці : Рута, 2003. – Вип. 165-166: Германська філологія. – С. 97-105.

90. Калита А. А. Система фонетичних засобів актуалізації смислу висловлювання (експериментально-фонетичне дослідження англійського емоційного мовлення) : дис. ... докт. філол. наук : 10.02.04 / Калита Алла Андріївна ; Київський національний лінгвістичний університет. – К., 2003. – 566 с.

91. Калита А. А. Система фонетических средств актуализации смысла высказывания (экспериментально-фонетическое исследование английской эмоциональной речи) : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.04 / Калита А. А., Киевский национальный лингвистический университет. – К., 2003. – 34 с.

92. Калита А. А. Функціонально-рівневий підхід до аналізу взаємодії системи фонетичних засобів та прагматики у створенні смислу висловлювання / А. А. Калита // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету. Серія: Філологія. Педагогіка. Психологія. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2003. – Вип. 7 : Мова, освіта, культура : наукові парадигми і сучасний світ. – С. 7–13.

93. Калита А. А. Базові інтонаційні моделі вираження смислу англійських висловлень з різним емоційно-прагматичним потенціалом / А. А. Калита // Мова, мовлення, мовна комунікація : матеріали III Міжнар. науково-практ. конф. “Динаміка наукових досліджень ‘2004”. – Дніпропетровськ : Наука і освіта, 2004. – Т. 22. – С. 30–33.

94. Калита А. А. Просодичне вираження смислу висловлень із середнім емоційно-прагматичним потенціалом / А. А. Калита // Вісник Київського лінгвістичного університету. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2004. – С. 182–191.

95. Калита А. А. Функціонально-енергетический подход: механизм актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания

звання / А. А. Калита, А. В. Клименюк // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – Харків : Константа, 2004. – № 635. – С. 70–74.

96. Калита А. А. Актуалізація емоційно-прагматичного потенціалу висловлення : [монографія] / Алла Андріївна Калита. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2007. – 320 с.

97. Калита А. А. Фонетика: перспективи методи та засоби дослідження / А. А. Калита, Л. І. Тараненко // Науковий вісник Волинського державного університету імені Лесі Українки. – Луцьк : Вежа, 2008. – № 5 : Філологічні науки. – С. 297–299.

98. Калита А. А. Фоноконцепт як категорія когнітивної фонетики / А. А. Калита // Бъдешето проблемите на световната наука – 2008 : матеріали за 4-а межд. науч. практ. конф., (Софія, 15-30 април, 2008). – Софія : “Бял ГРАД-БГ” ООД, 2008. – Т. 3 : Филологічни науки. – С. 48–49.

99. Калита А. А. Когнітивний підхід до вивчення фонетичних засобів мови / А. А. Калита, Л. І. Тараненко // Науковий вісник Чернівецького університету. Серія : Германська філологія : [зб. наук. пр.]. – Чернівці : ЧНУ, 2009. – Вип. 441-443. – С. 3–9.

100. Калита А. А. Метод комплексної енергетичної оцінки процесу просодичного оформлення мовлення / А. А. Калита, Л. І. Тараненко // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство) : [у 4 ч.]. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2009. – Вип. 81 (1). – С. 359–365.

101. Калита А. А. Модель енергетичного аналізу мовлення / А. А. Калита, Л. І. Тараненко // Каразінські читання : Людина. Мова. Комунікація : матеріали VIII Всеукр. наук. конф., (Харків, 5 лют. 2009 р.) / Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2009. – С. 125–127.

102. Калита А. А. Синергетическая концепция порождения интерферированной речи билингвом / А. А. Калита, О. Р. Валигура // Языки и этнокультуры Европы : Всероссийская научно-практ. конф. с международным участием, посвященная юбилею доктора филологических

наук, проф. Натальи Николаевны Ореховой / Глазов. гос. пед. ин-т. – Глазов, 2010. – С. 205–217.

103. Калита А. А. Словник фонетичних термінів (короткий) (англ. мовою) / Concise Dictionary of Phonetic Terms / А. А. Калита, Л. І. Тараненко. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2010. – 256 с.

104. Калита А.А. Обоснование синергетической модели анализа устной речи / А. А. Калита, Л. И. Тараненко // Формула компетентності перекладача : матеріали II Міжнар. наук.-метод. конф. (23 березня 2011 р.). – К. : НТУУ «КПІ». – 2011. – С. 102–105.

105. Калита А. А. Синергетизм порождения и актуализации фоноконцепта / А. А. Калита, Л. И. Тараненко // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство) : [у 2 ч.]. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2011. – Вип. 96 (2). – С. 213–219.

106. Калита А. А. Енергетичний підхід до вивчення мовлення / А. А. Калита // Світ емоцій у дзеркалі когніції : мова, текст, дискурс : тези доп. Круглого столу, присвяч. ювілею проф. О. П. Воробйової, (Київ, 27 верес. 2012 р.) / Київ. нац. лінгв. ун-т. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2012. – С. 8.

107. Калита А. А. Критерий уровня актуализации эмоционально-прагматического потенциала высказывания / А. А. Калита, Л. И. Тараненко // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство) : [у 2 ч.]. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2012. – Вип. 105 (1). – С. 476–484.

108. Калита А. А. Перцептивна й інструментальна оцінки емоційно-прагматичного потенціалу висловлень / А. А. Калита, Л. І. Тараненко // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Серія : Філологічні науки. Мовознавство. – Луцьк : Вид-во СНУ ім. Лесі Українки, 2012. – № 24 (249). – С. 186–191.

109. Калита А. А. Речевая манипуляция: определение, функция, механизм реализации / А. А. Калита, Л. И. Тараненко // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. – № 1022. Серія : Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – Харків, 2012. – С. 10–19.

110. Калита А. А. Синергетичні моделі породження фоноконцептів в англійському мовленні / А. А. Калита // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – №1002. Серія: Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – Харків, 2012. – С. 106–112.

111. Калита А. А. Система целей и средств суггестивного воздействия в коммуникации / А. А. Калита, Л. И. Тараненко // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія : Філологія. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2012. – Т. 15, № 2. – С. 47–56.

112. Калита А. А. Вариантные модели речемзыкальной коммуникации / А. А. Калита, В. В. Марченко // Вестник педагогического опыта. Научно-методический журнал. Серія : Иностранные языки. История. – Глазов : ФГБОУ ВПО «Глазовский гос. пед. ин-т им. В. Г. Короленко», 2013. – Вып. 34. – С. 25–30.

113. Калита А. А. Механізми породження і сприйняття мовленнєво-музичного твору / А. А. Калита, В. В. Марченко // Наукові записки. Серія : Філологічна. – Острог : Вид-во Нац. ун-ту «Острозька академія», 2013. – Вип. 38. – С. 79–82.

114. Калита А. А. Оптимизация коммуникативного воздействия / А. А. Калита, А. В. Клименюк // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2013. – Вип. 118. – С. 16–25.

115. Калита А. А. Энергетическая теория речи: ее сущность, современное состояние и перспективы исследования / А. А. Калита // Когниция, коммуникация, дискурс : [журн.]. – Харьков : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2013. – № 7. – С. 33–53.

116. Калита А. А. Психоэнергетика пауз звучащей речи / А. А. Калита // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. – Вип. 127. – С. 24–34.

117. Карабулатова И. С. Коммуникация в колыбельных песнях сибирских татар и казахов тюменского региона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://old.kpfu.ru/conf/LENCA-2/279.pdf>

118. Киклевич А. К. О суггестивной функции текста / А. К. Киклевич, Б. А. Потехина // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина). – Пермь, 1998. – С. 114–127.

119. Клименюк А. В. Модели концептосферы и механизмов когнитивного мышления индивида / А. В. Клименюк // Наукові записки. Серія : Філологічні науки (мовознавство) : [у 4 ч.]. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2009. – Вип. 81 (3). – С. 88–104.

120. Клименюк А. В. Знание, познание, когниция : [монографія] / Александр Валерианович Клименюк. – Тернополь : Підручники і посібники, 2010. – 304 с.

121. Клименюк А. В. Синергетический инструментарий раскрытия черного ящика исторического явления / А. В. Клименюк // Україна – Європа – Світ : [міжнар. зб. наук. пр. на пошану проф. М. М. Алексієвця; редкол. : Ю. М. Алексєєв, Л. М. Алексієвєць, М. М. Алексієвєць та ін.]. – Тернопіль, 2010. – Вип. 5 : Україна – Європа – Світ : історико-політичні та гуманітарні аспекти розвитку : [у 2 ч.]. – Ч. 1. – С. 234–251.

122. Клименюк О. В. Полілектика як філософсько-методологічне підґрунтя культури та пізнання / О. В. Клименюк // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія : Історія : [зб. наук. пр. ; за заг. ред. проф. М. М. Алексієвця]. – Тернопіль : ТДПУ, 1998. – Вип. VII. – С. 172–187.

123. Клименюк О. В. Системний підхід до інтенсифікації технологічних процесів : [монографія] / Олександр Валеріанович Клименюк. – Тернопіль : Лілея, 1998. – 264 с.

124. Клименюк О. В. Уніфікація, діалектика та полілектика у науковому пізнанні / О. В. Клименюк // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія : Філософія. Економіка. Соціологія. – Тернопіль, 1999. – Вип. 2. – С. 52–63.

125. Клименюк О. В. Маятник пізнання: інтегральна та спірально-подібна моделі розвитку знання / О. В. Клименюк // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету імені

Володимира Гнатюка. Серія : Філософія. – Тернопіль, 2000. – Вип. 5. – С. 47–57.

126. Клименюк О. В. Пізнання і парадокс екзистенціальної комунікації / О. В. Клименюк // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія : Філософія, Економіка. – Тернопіль, 2000. – Вип. 4. – С. 86–94.

127. Клименюк О. В. Методологія експериментально-фонетичних досліджень: теоретичні передумови, планування експерименту, представлення результатів / О. В. Клименюк, А. А. Калита, Я. Р. Федорів // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету ім. Володимира Гнатюка. Серія 8 : Мовознавство. – Тернопіль, 2001. – № 2. – С. 3–17.

128. Клименюк О. В. Діалектика трансцендентного в методології наукового моделювання / О. В. Клименюк // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія : Філософія. – Тернопіль, 2002. – №8. – С. 62–78.

129. Клименюк О. В. Методологія та методи наукового дослідження : [навч. посібник] / Олександр Валеріанович Клименюк. – К. : «Міленіум», 2005. – 186 с.

130. Клименюк О. В. Технологія наукового дослідження : [авторський підручник] / Олександр Валеріанович Клименюк. – К. – Ніжин : Аспект-Поліграф, 2006. – 308 с.

131. Клименюк О. В. Виклад та оформлення результатів наукового дослідження : [авторський підручник] / Олександр Валеріанович Клименюк. – Ніжин : ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2007. – 398 с.

132. Кодзасов С. В. Уровни, единицы и процессы в интонации / С. В. Кодзасов // Проблемы фонетики : [сб. науч. тр.]. – №3. – М. : Наука, 1999. – С. 197–215.

133. Кожина Н. С. Феномен речевого воздействия и коммуникация / Н. С. Кожина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.lingvomaster.ru/articles.php>.

134. Коротенков Ю. Г. Формализованная информатиология : [моно-

графия] / Ю. Г. Коротенков. – М. : Междунар. изд-во «Информациология», 2000. – 30 с.

135. Котлячков А. Оружие – слово. Оборона и нападение с помощью...: Практическое руководство / А. Котлячков, С. Горин. – М. : «КПС+», 2001. – 352 с.

136. Котов А. А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. А. Котов ; Росс. гос. гуманитарный ун-т. – М., 2003. – 24 с.

137. Кочерган М. П. Загальне мовознавство : [підручник] / Михайло Петрович Кочерган. – К. : Вид. центр «Академія», 1999. – 288 с.

138. Кочерган М. П. Вступ до мовознавства : [підручник] / Михайло Петрович Кочерган. – [2-ге вид.]. – К. : Вид. центр «Академія», 2006. – 368 с.

139. Краткая литературная энциклопедия : [в 9 т.] / [гл. ред. А. А. Сурков]. – М. : Советская энциклопедия, 1971. – Т. 6. – 1040 стлб.

140. Кратчфилд Дж. Хаос / Дж. Кратчфилд, Дж. Фармер, Н. Паккард, Р. Шоу // В мире науки. – 1987. – № 2. – С. 16–28.

141. Кривнова О. Ф. Паузирование в естественной и синтезированной речи [Электронный ресурс] / О. Ф. Кривнова, И. С. Чардин // Теория и практика речевых исследований (АРСО-99) : материалы конф. – М., 1999. – Режим доступа : <http://www.masters.donntu.edu.ua/2002/fvti/nikolaenko/dis/lib/article7.htm>.

142. Кривнова О. Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования) : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Кривнова Ольга Фёдоровна ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 53 с.

143. Кринецкий И. И. Основы научных исследований : [учеб. пособие для вузов] / Иван Иванович Кринецкий. – К.-Одесса : Вища школа, 1981. – 208 с.

144. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : ЭКСМО, 2005. – 944 с.

145. Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты

лингвосмыслового анализа / Н. А. Купина. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1983. – 158 с.

146. Курдюмов С. П. Структуры будущего : синергетика как методологическая основа футурологии / С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 109–125.

147. Кушнерик В. И. Фоносемантизм: гіпотези і факти / В. И. Кушнерик. – Чернівці : Книги-XXI, 2008. – 420 с.

148. Лебедев А. Н. Моделирование в научно-технических исследованиях / А. Н. Лебедев. – М. : Радио и связь, 1989. – 224 с.

149. Леви М. В. Музыка для жизни / Максим Владимирович Леви [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.levi.ru/houses/mus_apteka/max_funcnt_music.shtml.

150. Левицкий В. В. Семантика и фонетика : [пособие, подготовленное на материале экспериментальных исследований] / В. В. Левицкий. – Черновцы : ЧГУ, 1973. – 102 с.

151. Левицкий В. В. Звуковой символизм: Закономерности функционирования и источники порождения / В. В. Левицкий // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании). – М. : ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В. Г.Белинского. – 1989. – С. 69-71.

152. Левицкий В. В. Звуковой символизм. Основные итоги. – Черновцы : ЧДУ, 1998. – 130 с.

153. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / Алексей Алексеевич Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.

154. Литературная энциклопедия : [в 11 т.]. – Т. 8 / гл. ред. Луначарский А.В. – М.: ОГИЗ РСФСР, Изд-во «Сов. энцикл.», 1934. – 736 стб.

155. Логинова Н. А. О некоторых аспектах взаимоотношения суггестии и языка / Н. А. Логинова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 584. – С. 55–63.

156. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию : [в 10-ти т.]. – М. ; Л. : Изд. и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР в Лгр., 1952. – Т. 7. – С. 89–378.

157. Лотман Ю. М. Текст как семиотическая проблема / Ю. М. Лотман // Избранные статьи в трех томах. – Т. I. – Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин : «Александра», 1992. – С. 191–199.

158. Маковский М. М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов / М. М. Маковский // Вопросы языкознания. – №1. – 1997. – С. 73–95.

159. Мальцев П. М. Основы научных исследований / П. М. Мальцев, Н. А. Емельянова. – К. : Вища школа. Головное изд-во, 1982. – 192 с.

160. Манакін В. Мова як енергетичний феномен / В. Манакін // Світогляд. – №2. – 2008. – С. 48–51.

161. Марахасин В. С. Эксперименты по восприятию музыки в аспекте физиологии / В. С. Марахасин, В. М. Цехановский // Творческий процесс и художественное восприятие. – М. : Наука, 1987. – С. 72–81.

162. Матвеева Т. В. Энергетика текста / Т. В. Матвеева // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 17 : Гуманитарные науки. – Вып. 3. – С. 107–112.

163. Медведев В. Б. Энергия в лингводидактическом преломлении / В. Б. Медведев // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2013. – №3. – С. 18–23.

164. Мир Алисы. Интерактивная образовательная программа по книге Льюиса Кэрролла “Alice’s Adventures in Wonderland”. – Compact Disc Digital Data: © “Комтех”, 1997.

165. Морозов В. П. Феномен «backmasking» в рок-музыке: исследование его воздействия на человека / В. П. Морозов // Материалы научно-практической конференции Мин. культуры РФ и Росс. академии музыки имени Гнесиных. – М., 1996. – С. 112–119.

166. Морозов В. П. К проблеме эмоционально-психологического воздействия музыки на человека / В. П. Морозов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 1997. – № 3.

167. Морозова А. Н. Фоносемантические свойства речевых отрезков с рядом препозитивных определений / А. Н. Морозова, Т. В. Пахомова //

Фоносемантические исследования. – Пенза : Пензенский гос. пед. ин-т им. В. Г. Белинского, 1990. – С. 134–142.

168. Мурзин Л. Н. О суггестивно-магическом поле языка : речевое воздействие на психологические установки / Мурзин Л. Н. // Фатическое поле языка : [межвуз. сб. науч. тр.]. – Пермь, 1998. – С. 108–112.

169. Надеина Т. М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Татьяна Михайловна Надеина ; Росс. академия наук, ин-т языкознания. – М., 2003. – 428 с.

170. Назайкинский Е. В. Стиль и жанр в музыке / Евгений Владимирович Назайкинский. – М. : ВЛАДОС, 2003. – 250 с.

171. Немирович-Данченко Вл. И. Рождение театра. Воспоминания, статьи, заметки, письма / Вл. И. Немирович-Данченко ; [сост., вст. ст. и комм. М.Н. Любомудрова]. – М. : Изд-во «Правда», 1989. – 576 с.

172. Неуймин Я. Г. Модели в науке и технике: история, теория, практика / Я. Г. Неуймин. – Л. : Изд-во «Наука», 1984. – 187 с.

173. Одрин В. М. Морфологический анализ систем. Построение морфологических таблиц / В. М. Одрин, С. С. Картавов. – К. : Наук. думка, 1977. – 148 с.

174. Оптимизация речевого воздействия : [монография] / отв. ред. Р. Г. Котов. – М. : Наука, 1990. – 239 с.

175. Основы сценического движения. Темпо-ритм физического действия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dramateshka.ru/index.php/bases-of-the-scenic-motion/3963-osnovnih-scenicheskogo-dvizheniya-05tempo-ritm-fizicheskogo-deyjstviya>.

176. Осокина С. А. Существуют ли механизмы языкового воздействия на человека? / С. А. Осокина // Известия АлтГУ. – 2007. – №2 (54). – С. 67–74.

177. Пекелис В. Д. Твои возможности, человек! / Виктор Давыдович Пекелис. – [4-е изд., перераб. и доп.]. – М. : Знание, 1984. – 272 с.

178. Петрушин В. И. Музыкальная психология : [учеб. пособие для вузов] / Валентин Иванович Петрушин. – [2-е изд.]. – М. : Академический Проект; Трикста, 2008. – 400 с.

179. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология / Жан Пиаже. – [ред.-состав. : В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин]. – М. : Просвещение, 1969. – 659 с.

180. Полуйкова С. Ю. Персуазивные стратегии в современном просветительском дискурсе / С. Ю. Полуйкова // Вестник Пермского университета. Серия : Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 4(10). – С. 63–67.

181. Полукарова Т. А. Фонетическая значимость английских монофтонгов / Т. А. Полукарова // Проблемы фоносемантики : тезисы выступлений на совещании. – М. : ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г. Белинского, 1989. – С. 54-55.

182. Потебня А. А. Полное собрание трудов : мысль и язык / Александр Афанасьевич Потебня ; [подг. текста Ю. С. Рассказова, О. А. Сычева, коммент. Ю. С. Рассказова]. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.

183. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Георгий Георгиевич Почепцов. – М.; К. : Ваклер : Рефлбук, 2001. – 656 с.

184. Пресс Г. М. Интонирование как универсальный механизм смыслообразования и смыслопроявления в культуре : дисс. ... канд. философ. наук : 24.00.01 / Пресс Галина Михайловна ; Бийский педагогический государственный университет имени В. М. Шукшина. – Барнаул, 2008. – 219 с.

185. Пригожин И. Кость еще не брошена / И. Пригожин // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция. – 2002. – С. 15-21.

186. Программирование музыкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.braincoder.ru/category/%D0%B7%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B8%D0%BA/>

187. Пэрна Н. Я. Ритм, жизнь и творчество / Н. Я. Пэрна. – М., Л. : Петроград. – 1925. – 142 с.

188. Рожнов В. Е. Гипноз от древности до наших дней / В. Е. Рожнов, М. А. Рожнова. – М. : Советская Россия, 1987. – 304 с.

189. Розенталь Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Ро-

зенталь, М. А. Теленкова // Мн. : Оникс, Мир и Образование, Харвест, 2008. – 624 с.

190. Романова Е. Г. Перформативы в ритуальных текстах суггестивной коммуникации / Е. Г. Романова. – Тверь, 2001. – 120 с.

191. Романова Н. В. До питання про емотивну енергетику (на матеріалі германських текстів молитви «Отченаш») / Н. В. Романова // Проблеми зіставної семантики : [зб. наук. статей; відп. ред. Тараненко О.О.]. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2009. – Вип. 9. – С. 394–399.

192. Рузин И. Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов / И. Г. Рузин // Вопросы языкознания. – № 5. – 1996. – С. 39–50.

193. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка / Наталья Дмитриевна Светозарова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 176 с.

194. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.

195. Семенцов В. С. Ритмическая структура поэтического текста на примере анализа Бхагавадгиты : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.06 / Семенцов Всеволод Сергеевич; Институт востоковедения Российской АН. – М., 1972. – 28 с.

196. Сергеева Е. С. Ритм прозы Н. В. Гоголя: автореф. дисс. канд. филол. наук : 10.02.01 / Сергеева Екатерина Сергеевна ; Московский государственный лингвистический университет. – М., 2007. – 18 с.

197. Сидис Б. Психология внушения / Борис Сидис. – СПб. : Типография и Литография В. А. Тиханова, 1902. – 394 с.

198. Симонов П. В. Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности / Павел Васильевич Симонов. – М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 1998. – 98 с.

199. Сеницын В. Школа внушения и гипноза / В. Сеницын. – Гродно, 1994.

200. Слюсарева Н. А. О семантической и функциональной сторонах языковых явлений / Н. А. Слюсарева // Теория языка. Методы его

исследования и преподавания. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1981. – С. 243–249.

201. Соколов О. В. Морфологическая система музыки и ее художественные жанры : [монография] / О. В. Соколов. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 1994. – 214 с.

202. Сонин А. Г. Общепсихологические и когнитивные механизмы понимания мультимедийных текстов / А. Г. Сонин // Вопросы психолингвистики. – М., 2003. – №1. – С. 89–97.

203. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Фердинанд де Соссюр. – М. : Прогресс, 1997. – 696 с.

204. Сохор А. Эстетическая природа жанра в музыке / А. Н. Сохор // Серия : Брошюры «Вопросы эстетики». – М. : Изд-во «Музыка», 1968. – 105 с.

205. Станиславский К. С. Собрание сочинений : [в 8-ми т.] / Константин Сергеевич Станиславский. – Т. 1 : Моя жизнь в искусстве / [редколл. : М. Н. Кедров (гл. ред.), О. Л. Книппер-Чехова и др.; подготовка текста и примеч. Н. Д. Волкова и В. Р. Канатчиковой. – М. : Искусство, 1954 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mirknig.com/2010/10/21/konstantin-sergeevich-stanislavskiy-sobranie-sochineniy-v-osmi-tomah.html>.

206. Станиславский К. С. Собрание сочинений : [в 8-ми т.] / Константин Сергеевич Станиславский. – Т. 2 : Работа актера над собой. – М. : Искусство, 1954 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mirknig.com/2010/10/21/konstantin-sergeevich-stanislavskiy-sobranie-sochineniy-v-osmi-tomah.html>.

207. Станиславский К. С. Собрание сочинений : [в 8-ми т.] / Константин Сергеевич Станиславский. – Т. 3 : Работа актера над собой. Часть II. – М. : Искусство, 1954 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://mirknig.com/2010/10/21/konstantin-sergeevich-stanislavskiy-sobranie-sochineniy-v-osmi-tomah.html>.

208. Станиславский К. С. Собрание сочинений : [в 8-ми т.] / Константин Сергеевич Станиславский. – Т. 4 : Работа актера над ролью. – М. : Искусство, 1957 [Электронный ресурс]. – Режим доступа :

<http://mirknig.com/2010/10/21/konstantin-sergeevich-stanislavskiy-sobranie-sochineniy-v-vosmi-tomah.html>.

209. Станиславский К. С. Собрание сочинений : [в 8-ми т.] / Константин Сергеевич Станиславский. – Т. 6 : Статьи. Речи. Отклики. Заметки. Воспоминания (1917-1938). – М. : Искусство, 1959. – 466 с.

210. Степанова К. П. О ритме прозаического произведения / К. П. Степанова // Вопросы русской литературы. – Омск : Омский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1972. – С. 76–97.

211. Стернин И. А. Риторика / Иосиф Абрамович Стернин. – Воронеж : Изд-во «Кварта», 2002. – 224 с.

212. Таранец В. Г. Энергетическая теория речи : [монография] / Валентин Григорьевич Таранец. – К.-Одесса : Вища школа, 1981. – 147 с.

213. Таранов П. С. Анатомия мудрости : 120 философов : [в 2-х т.] / П. С. Таранов. – Симферополь : Реноме, 1997. – Т 1. – 624 с.

214. Таранов П. С. Анатомия мудрости: 120 философов : [в 2-х т.] / П. С. Таранов. – Симферополь : Реноме, 1997. – Т 2. – 624 с.

215. Темпоритм [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.psychologos.ru/articles/view/temporitm>.

216. Торсуева И. Г. Современная проблематика интонационных исследований / И. Г. Торсуева // Вопросы языкознания. – 1984. – №1. – С. 116-126.

217. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / Николай Сергеевич Трубецкой ; [пер. с нем. А. А. Холодовича ; под ред. С. Д. Кацнельсона]. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 352 с.

218. Уйбина Н. Суггестия как сущностное свойство речевой деятельности / Н. Уйбина // Языковое бытие человека и этноса (Березинские чтения). – М. : МГЭИ ; ИНИОН РАН ; МГЛУ, 2005. – 113 с.

219. Федорів Я. Р. Особливості актуалізації функціонально-семантичних та змістових форм висловлювань-невдоволень / Я. Р. Федорів // Наукові записки держ. пед. ун-ту ім. Володимира Гнатюка. Серія: Мовознавство. – 1999. – №1 (2). – С. 11–16.

220. Федорів Я. Р. Соціокультурні аспекти просодичної організації висловлювань-невдоволень (Експериментально-фонетичне дослід-

ження на матеріалі англійського мовлення) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Федорів Ярослава Романівна ; Київський державний лінгвістичний університет. – К., 2000.

221. Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46–50.

222. Федорович Е. Н. Основы музыкальной психологии : [учеб. пособие]. – [2-е изд.] / Е. Н. Федорович, Е. В. Тихонова. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 279 с.

223. Философский энциклопедический словарь / [гл. ред. : Л. Ф. Ильичев и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

224. Фопель К. Энергия паузы. Психологические игры и упражнения : [практическое пособие] / Клаус Фопель. – М. : Генезис, 2011. – 240 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://profismart.org/web/bookreader-131224.php>.

225. Франке Г. Манипулируемый человек / Г. Франке [пер. с нем.]. – М. : Политиздат, 1964. – 362 с.

226. Фрейд З. Я и Оно. Психология бессознательного / Зигмунд Фрейд : [сб. произведений ; сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский]. – М. : Просвещение, 1990. – 448 с.

227. Хворов М. Геометрия хаосу і фрактальний світ / М. Хворов // Науковий світ. – 2002. – № 6. – С. 2-3.

228. Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации / Лаймдот Кришьянович Цеплитис. – Рига : Зинатне, 1974. – 272с.

229. Цеханский В. М. Экспериментальное исследование звукового воздействия / В. М. Цеханский, И. С. Шугрина // Проблемы экологической психоакустики : [сб. науч. тр.]. – М., 1991.

230. Черемисина Н. В. Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь / Нинель Васильевна Черемисина. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Русский язык, 1989. – 240 с.

231. Черепанова И. Дом колдуньи. Язык творческого бессознательного / Ирина Черепанова. – М. : “КСП+”, 1999. – 416 с.

232. Чернавский Д. С. О методологических аспектах синергетики /

Д. С. Чернавский // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 50–66.

233. Чёрный Г. Пси-эффект и энергетика текста (глава из новой книги о психоделике) / Г. Чёрный // Топос: литературно-философский журнал. – 2013 [Электронный ресурс]. – Источник ресурса: <http://www.topos.ru/article/laboratoriya-slova/psi-effekt-i-energetika-teksta-glava-iz-novoy-knigi-o-psihodelike>.

234. Чубарова А. Л. Фонетическое значение слова в стиливой дифференциации английского текста / А. Л. Чубарова // Проблемы фоносемантики : тезисы выступлений на совещании. – М. : ИЯ АН СССР, Пензенский гос. пед. ин-т им. В.Г.Белинского, 1989. – С. 60–61.

235. Шаймухаметова Л. Н. Мигрирующая интонационная формула как феномен музыкального мышления / Л. Н. Шаймухаметова // Проблемы музыкальной науки. – Уфа : Уфимская государственная академия искусств им. Загира Исмагилова, 2011. – № 2. – С. 18–26.

236. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Алексей Александрович Шахматов. – [3-е изд.]. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

237. Шелестюк Е. В. Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи / Е. В. Шелестюк // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : «Филология. Искусствоведение». – 2008. – Вып. 22. – № 20 (121). – С. 166–176.

238. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер ; [пер. с англ ; науч. ред. Я. Н. Засурский]. – М. : Мысль, 1980. – 326 с.

239. Шип С. В. Музична форма від звуку до стилю : [навч. посібник] / Сергій Васильович Шип. – К. : Заповіт, 1998. – 367 с.

240. Шип С. В. Музыкальная речь и язык музыки (теоретическое исследование) / Сергей Васильевич Шип. – Одесса : Изд-во Одесской гос. консерватории им. А. В. Неждановой, 2001. – 296 с.

241. Щерба Л. В. Фонетика французского языка / Лев Владимирович Щерба. – М. : Высшая школа, 1963. – 380 с.

242. Эпштейн М. Слово и молчание в русской культуре / М. Эпштейн // Звезда. – 2005. – № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/zvezda/2005/10/ep12.html>.

243. Юнг К. Г. Избранное / Карл Густав Юнг ; [пер. с нем. Е. Б. Глущак и др. ; отв. ред. С. Л. Удовик]. – Мн. : ООО “Попурри”, 1998. – 448 с.
244. Юрский С. Кто держит паузу / Сергей Юрский. – М. : Искусство. – 1989. – 318 с.
245. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – [2-е изд.] / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Науч. изд-во «Большая Рос. энциклопедия», 1998. – 685 с.
246. Arnold K. M. Text-to-tune Alignment in Speech and Song / K. M. Arnold, Peter W. Jusczyk // Department of Psychology. The Johns Hopkins University, Baltimore, MD: [Electronic resource]. – Access mode : <http://sprosig.isle.illinois.edu/sp2002/pdf/arnold-jusczyk.pdf>.
247. Baker A. Pronunciation Pairs: an Introduction to the Sounds of English / Ann Baker. – [2nd ed.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 192 p.
248. Barsalou L. Perceptual Symbol Systems / L. Barsalou // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – No. 22. – P. 577–609.
249. Baum S. The neural basis of speech prosody: Insights from lesion studies and neuroimaging / S. Baum, M. Pell // Aphasiology. – 1999. – No.13. – P. 581–608.
250. Beckerman H. Family Album, U.S.A. – Upper Saddle River, NJ : A Simon & Schuster Company, 1995. – 168 p.
251. Bloom F. E. Brain, Mind, and Behavior / F. E. Bloom, A. Lazerson, Ch. A. Nelson. – [3rd ed.]. – W. H. Freeman & Co, 2005. – 457 p.
252. Bolinger D. L. Intonation Across Languages / D. L. Bolinger // Universals of Human Language / [ed. by J.H.Greenberg]. – Stanford (Calif.) : Stanford University Press. – 1978. – Vol. 2 : Phonology. – P. 471–524.
253. Boomer D. S. The phonemic clause: speech unit in human communication / D. S. Boomer // Nonverbal Behavior and Communication. – Hillsdale NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 245–262.
254. Boudreault M. Rythme et mélodie de la phrase parlée en France et au Québec / M. Boudreault. – Paris : Librairie C. Klincksieck, 1968. – 137 p.

255. Brain activation during identification of affective speech melody : influence of emotional valence and sex / D. Wildgruber, H. Ackermann, M. Klein, A. Riecker, W. Grodd // *NeuroImage*. – 2000. – No. 11 (5). – S. 341.
256. Brody L. *Gender, Emotion, and the Family* / L. Brody. – Harvard : Harvard University Press. – 1999.
257. Brown G. *Discourse analysis* / G. Brown, G. Yule. – Cambridge, N.Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney : Cambridge University Press, 1988. – 288 p.
258. Brown N. O. *Love's Body* / Norman O. Brown. – Berkeley and Los Angeles : University of California Press, 1966. – 276 p.
259. Butterworth B. *Evidence from pauses in speech* / B. Butterworth // *Language Production*. – L. : Academic Press, 1980. – Vol. 1 : *Speech and Talk*. – P. 155–170.
260. Carr Ph. *A Glossary of Phonology* / Philip Carr. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2008. – 206 p.
261. Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland*. – L. : Penguin, 1994. – Audio Cassettes 1 (94 min), 2 (68 min).
262. Coleman J. *Phonetic Representations in the Mental Lexicon* / J. Coleman // *Oxford Studies in Theoretical Linguistics*. – N.Y. : Oxford University Press, 2001. – P. 96–131.
263. Cook N. D. *Tone of Mind and Voice : The Connections Between Intonation, Emotion, Cognition and Consciousness* / Norman D. Cook. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2002. – 291 p.
264. Cruttenden A. *Falls and Rises: Meanings and Universals* / A. Cruttenden // *Journal of Linguistics*. – 1981. – Vol. 17, No. 1. – P. 77-91.
265. Crystal D. *Prosodic Systems and Intonation in English* / David Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1976. – 390 p.
266. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of Language* / David Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – 480 p.
267. Dickens Ch. *A Christmas Carol* / Charles Dickens. – L. : Odhams Press Ltd, 1973. – 92 p. – Audio Cassette 1 (68 mins), 2 (72 mins).
268. Dijk T. van. *Discourse and Power* / T. van Dijk. – N.Y. : Palgrave Macmillan, 2008. – 308 p.

269. Durand J. Phonology, Phonetics and Cognition / J. Durand, B. Laks // Oxford Studies in Theoretical Linguistics. – N.Y. : Oxford University Press. – 2001. – P. 10–51.

270. Ellis A. The Psychology of Language and Communication / A. Ellis, G. Beattie. – L. : Weidenfeld and Nicolson, 1986. – 374 p.

271. English Platinum. An Interactive Course of English. – Compact Disc Digital Data : Copyright © ТОО “Мультимедиа Технологии” 1995–96; Copyright © АОЗТ “Все для ПК” 1995–96.

272. Fay W. H. On the Basis of Acoustic Echolalia / W. H. Fay // Journal of Communication. – 1969. – No. 2. – P. 38.

273. Firth J.R. Papers in Linguistics 1934-1951. Papers 4, 15: The Use and Distribution of Certain Sounds in English; Modes of Meaning. – L. : Oxford University Press, 1951. – P. 54–65.

274. Fonseca C. M. The power of music in language learning / C. M. Fonseca // IATEFL Issues. – 1998. – No.145. – P. 12–13.

275. From Our Own Correspondent [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.podcast-directory.co.uk/episodes/fooc-oct-27-2011-16268295.html>.

276. Goux J.-P. De l'allure / Jean-Paul Goux // Semen. Rythme de la prose. – Vol. 16. – 2003 [Electronic resource]. – Access mode : <http://semen.revues.org/2664>.

277. Gilbert J. B. Intonation: A Navigation Guide for the Listener (and gadgets to help teach it) / J. B. Gilbert // Pronunciation Pedagogy and Theory. New Views, New Directions. – Bloomington : Pantagraph Printing. – 1994. – P. 36–48.

278. Goddard C. Anger in the Western Desert: a case study in the cross-cultural semantics of emotion / C. Goddard // Man (n.s.). – 1991. – Vol. 26, No. 2. – P. 265–279.

279. Hardy Th. Tess of the d'Urbervilles / Th. Hardy. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 124 p.

280. Harris Z. Methods in Structural Linguistics / Z. Harris. – Chicago : University of Chicago Press, 1951. – 193 p.

281. Hartley D. Microsoft® Encarta® 97 Encyclopedia© 1993–1996 Microsoft Corporation.

282. Hatch E. *Discourse and Language Education* / E. Hatch. – Cambridge, N.Y., Port Chester, Melbourne, Sydney : Cambridge University Press, 1992. – 334 p.

283. Hicks D. *Meet the Parkers* : [Lingaphone Course]. – L. : Lingaphone Institute Ltd., 1964. – Audio Cassette (67 min).

284. Ingleby M. *Phonology Primes: Cues and Acoustic Signatures* / M. Ingleby, W. Brockhous // *Oxford Studies in Theoretical Linguistics*. – N.Y. : Oxford University Press, 2001. – P. 131–151.

285. Jeug H. *The acquisition of Chinese Phonology in relation to Jacobson's Laws of Irreversible Solidarity* / H. Jeug // *Proceedings of the 9th International Congress of Phonetic Sciences*. – Copenhagen. – 1979. – Vol. II. – P. 155.

286. Jones L. *Functions of English* / L. Jones. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – 138p. – Audio Cassette (68 min).

287. Kalita A. A. *The Problem of Creating the English Pronunciation Culture Phonofund* / A. A. Kalita // *IATEFL-Ukraine News-letter*, No. 4. – K. : IATEFL-Ukraine, 1996. – P. 10–11.

288. Kalita A. A. *Utterance Pragmatics in Oral Communication* / A. A. Kalita // *Вісник Київського лінгвістичного університету. Серія : Філологія*. – К. : Вид. центр КДЛУ, 1999. – № 2. – С. 43–47.

289. Kalyta A. *Energetic Approach to Phonetic Studies* / A. Kalyta // *Linguistics Beyond and Within : Book of Abstracts of the International Linguistics Conference, (Lublin, Poland, 14-16 November 2013)* / John Paul II Catholic University of Lublin, Poland. – Lublin, 2013. – P. 54–56.

290. Kalyta A. *Phonetic Studies from the Perspective of an Energetics Approach* / A. Kalyta // *Within Language, Beyond Theories (Vol. I) : Studies in Theoretical Linguistics* : [monograph] / [ed. by Anna Bondaruk, Anna Prazmowska]. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2015. – P. 322–336.

291. Kein J. *Remembering and planning: A neuronal network model for the selection of behaviour and its development for use in human language* / J. Kein // *Evolution of Information Processing Systems*. – Berlin : Springer, 1992. – P. 229–256.

292. Kuhl P. Human adults and human infants show a “Perception magnet effect” for the prototypes of speech categories / P. Kuhl // *Perception and Psychophysics*. – 1991. – No. 50. – P. 93–107.
293. Ladd R. *Intonational Phonology* / Robert Ladd. – Cambridge : Cambridge University Press. – 2001. – 334 p.
294. Lakoff R. T. *Persuasive discourse and ordinary conversation with examples and advertising* / R. T. Lakoff // *Analyzing discourse: text and talk* / [ed. by Tannen D.]. – Georgetown : Georgetown UP, 1982. – P. 25–42.
295. Laver J. *Cognitive Science and Speech: a Framework for Research* / J. Laver // *Logic and Linguistics* / [ed. by H. Schenelle, N.-O. Bernsen]. – 1989. – Vol. 3. – P. 37-69.
296. Laver J. *Principles of Phonetics* / John Laver. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 707 p.
297. Liberman A. The motor theory of speech perception revised / A. Liberman, I. Mattingly // *Cognition*. – 1985. – Vol. 21. – P. 1–36.
298. Lu A.Y.-Ch. *Phonetic Motivation. A Study of the Relationship between Form and Meaning* / A.Y.-Ch. Lu. – München : Hieronymus, 1998. – 223 p.
299. Maddieson I. *Universals of Tones* / I. Maddieson // *Universals of Human Language* / [ed. by J. H. Greenberg]. – Stanford (Calif.) : Stanford University Press, 1978. – Vol. 2 : Phonology. – P. 335–365.
300. Magnus M. *A Dictionary of English Sound* / Margaret Magnus. – 1999 [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.trismegistos.com>.
301. Mahir M. *Words Like Silver Fish: The Affective Component of Sound in Meaning* / M. Mahir // *English Teaching Forum*. – 1995. – Vol 33. – No. 3. – P. 2–5.
302. Marchand H. *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation: A Synchronic-Diachronic Approach* / Hans Marchand. – Alabama : University of Alabama Press, 1966. – 379 p.
303. Martin E.-L. *Les symétries du français littéraire* / Eugène-Louis Martin. – Paris : Didier, 1924. – 229 p.
304. Mehrabian A. *Inference of Attitudes from Nonverbal Communication in Two Channels* / A. Mehrabian, S. R. Ferris // *Journal of Consulting Psychology*. – 1967. – No. 31. – P. 248–252.

305. Menzerath P. Typology of Languages / P. Menzerath // *The Journal of the Acoustical Society of America*. – 1950. – Vol. XXII. – No. 6.

306. Meschonnic H. Critique du rythme. Anthropologie historique du langage / H. Meschonnic. – [2e ed., rev. et corr.]. – Lagrasse : Editions Verdier, 1990. – 736 p.

307. Mortimer C. Sound Right! Selected Sounds in Conversations / Collin Mortimer. – L.: Longman, 1975. – Audio Cassette (60 min.).

308. Mourot J. Le génie d'un style. Chateaubriand. Rythme et sonorité dans «les Mémoires d'outre-tombe» / J. Mourot. – Paris : Librairie Armand Colin, 1960. – 236 p.

309. Mulholland J. Handbook of Persuasive Tactics: A Practical Language Guide / J. Mulholland. – L., N.Y. : Routledge, 2005. – 424 p.

310. Nushikyan E. The Typological Analysis of Emotional Speech Prosody / E. Nushikyan // *Proceedings of the Eleventh International Congress of Phonetic Sciences*. – Tallinn, 1987. – Vol. 3. – P. 210–213.

311. O'Connor J. D. Phonetics / J. D. O'Connor. – L. : Penguin Books Ltd., 1984. – 320 p.

312. Ohala J.J. Cross-language Use of Pitch: An Ethological View / J. J. Ohala // *Phonetica*. – 1983. – Vol. 40, No. 1. – P. 1–18.

313. Ohala J.J. An Ethological Perspective on Common Cross-language Utilisation of F_0 of Voice / J. J. Ohala // *Phonetica*. – 1984. – Vol. 41, No. 1. – P. 1–16.

314. Ohala J.J. The frequency code underlies the sound-symbolic use of voice pitch // J. J. Ohala // *Sound Symbolism* / [ed. by Hinton et. al]. – Cambridge, N.Y. : Cambridge University Press, 1994. – P. 325–347.

315. Pierrehumbert J. Prosody, Intonation, and Speech Technology / J. Pierrehumbert // *Challenges in Natural Language Processing* / [ed. by M. Bates, R. Weischedel]. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 257–282.

316. Pike K. L. General Characteristics of Intonation / K. L. Pike // *Intonation: Selected readings*. – [ed. by Dwight Bolinger]. – Harmondsworth : Penguin books, 1972. – P. 53–82.

317. Roach P. English Phonetics and Phonology. A Practical Course /

Peter Roach. – [4th ed.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 231 p.

318. Rolling Stone's 500 Greatest Songs of All Time [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.rollingstone.com/music/lists/the-500-greatest-songs-of-all-time-20110407>.

319. Sacia C.F. Speech Power and Energy / C. F. Sacia // Bell System Technical Journal. – 1925. – Vol. 4: 4. – P. 627–641.

320. Sapir E. A Study in Phonetic Symbolism / E. Sapir // Journal of Experimental Psychology. – 1929. – Vol. 12. – P. 225–239.

321. Scherer K. R. Acoustic concomitants of emotional dimensions: Judging affect from synthesized tone sequence / K. R. Scherer // Non-verbal Communication / [ed. by Weitz]. – N.Y. : Oxford University Press. – 1974. – P. 105-111.

322. Schwartz J. Phonology in a Theory of Perception-for-Action-Control / J. Schwartz, L. Boe, M. Cathiard // Oxford Studies in Theoretical Linguistics. – N.Y. : Oxford University Press, 2001. – P. 254–281.

323. Shamma S. Auditory Cortex / S. Shamma // The Handbook of Brain Theory and Neural Networks / [ed. by M. Arbib]. – Cambridge : The MIT Press. – 1995. – P. 110-115.

324. Show B. Widowers' Houses / B. Show // Widowers' Houses, Mrs. Warrens Profession – M. : Foreign Languages Publishing House, 1950. – P. 1–95.

325. Sornig K. Some remarks on linguistic strategies of persuasion / K. Sornig // Language, Power and Ideology. Studies in Political Discourse / [ed. by R. Wodak. – Amsterdam : Benjamins. – 1989. – P. 95–114.

326. Steinhauer K. Brain potentials indicate immediate use of prosodic cues in natural speech processing / K. Steinhauer, K. Alter, A. Friederici // Nature Neuroscience. – 1999. – No. 2 (2). – P. 191–196.

327. Swerts M. Filled pauses as markers of discourse structure / M. Swerts // Journal of Pragmatics. – 1998. – Vol. 30. – P. 485–496.

328. Tatham M.A.A. Cognitive Phonetics. – Some of the Theory / M.A.A. Tatham // In Honor of Ilse Lehiste. – Dordrecht : Foris Publications, 1987. – P. 271–276.

329. Tatham M.A.A. *Speech Production and Perception* / M.A.A. Tatham, K. Morton. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2006. – 344 p.
330. Trask R. L. *A Dictionary of Phonetics and Phonology* / R. L. Trask. – N.Y. : Routledge, 1996. – 440 p.
331. Vanlacker-Sidtis D. *Toward a Dual Processing of Language: Normal and Neurologic Studies* / D. Vanlacker-Sidtis // *Language and Cognition*. – 2003. – Vol. 681. – P. 7–15.
332. Viola I. C. *The roles of pause in speech expression* / I. C. Viola, S. Madureira // *Speech Prosody : Proceedings of the Fourth Conference (May 6-9, 2008, Campinas, Brazil)*. – 2008. – P. 721–724.
333. Ware D. *Intermediate English Course: Linguaphone Course. Programmes 11–21*. – L. : Linguaphone Institute Ltd., 1979. – 163 p. – Audio Cassette (60 min).
334. *Weekly Political Review* [Electronic resource]. – Access mode : http://downloads.bbc.co.uk/podcasts/radio4/wpr/wpr_20111022-1130a.mp3.
335. Wells J.C. *English intonation. An introduction* / John Wells. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 276 p. – 1 Audio CD.
336. Wennerstrom A. *The Music of Everyday Speech. Prosody and Discourse Analysis* / Ann Wennerstrom. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 317 p.
337. Wescott R.W. *Sound and Sense. Linguistic Essays on Phonosemantic Subjects* / Roger W. Wescott. – Lake Bluff, Illinois : Jupiter Press, 1980. – 405 p.
338. Wilde O. *The Canterville Ghost*. – N.Y., L. : A Michael Neugebauer Book, North-South Books, 1996. – 34 p.
339. Wilde O. *The Importance of being Earnest* / Oscar Wilde. – L. : Penguin Books Ltd., 1997. – 2 Audio Cassettes (2 hrs).
340. Wilde O. *An Ideal Husband* / Oscar Wilde. – L.A. : Theatre works. Produced in association with KCRW, 1997. – 2 Audio CDs (102 mins).
341. Wilde O. *An Ideal Husband* / Oscar Wilde. – L. : Dover Thrift Editions, 2000. – 96 p.
342. Wolpert D. *Internal models in the cerebellum* / D. Wolpert, R. Mitall,

- M. Kawato // Trends in Cognitive Sciences. – 1998. – No.2/9. – P. 338–347.
343. Yang L. Duration and Pauses as Cues to Discourse Boundaries in Speech / L. Yang // Speech Prosody : Proceedings of the 2nd International Conference (Nara, Japan) / [ed. by B. Bel and I. Marlien]. – 2004. – P. 267–70.
344. Yokoyama O. T. Disbelief, Lies and Manipulations in a Transactional Discourse Model / O. T. Yokoyama // Argumentation. – 1988. – № 2. – P. 133–151.

Наукове видання

Алла Андреевна Калита

ЭНЕРГЕТИКА РЕЧИ

(російською мовою)

Монографія

Головний редактор Наталя Перинська
Технічний редактор Анна Ільченко

Підписано до друку: 08.07.2016. Формат 60x84/16.
Гарнітура Times New Roman. Папір офсетний
Ум.-друк. арк. 16,97. Наклад 300 прим.

Видавництво «КАФЕДРА»
04136, м. Київ, вул. Маршала Гречка 13, оф. 117
e-mail: kafedra.druk@gmail.com
www.kafedra.in.ua
тел./факс: (044) 501-18-30, (067) 442-98-78

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
Серія ДК № 4175 від 20.10.2011 р.

Друкарня «Гордон»
03179, м. Київ, вул. Котельникова, 95
Тел./факс(044) 501-35-69
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 1422 від 08.07.2003